

история/география/этнография

Самуил Лозинский

История испанской инквизиции

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Самуил Лозинский

История
испанской
ИНКВИЗИЦИИ

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2018

УДК 94(460)03-07
ББК 63.3(4Исп)
Л72

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

Глава первая Эпоха реконкисты

Обычное представление о том, что обратное завоевание Пиренейского полуострова испанцами — так называемая реконкиста — сопровождалось, как всякая священная, религиозная война, страшным проявлением фанатизма, в настоящее время должно быть совершенно оставлено. Правда, как со стороны мавров, так и со стороны христиан было проявлено немало жестокостей, и нередко все взрослое мужское население какой-либо местности поголовно предавалось смерти, а женщины и дети отдавались в рабство; часто также победитель огнем и мечом уничтожал целые селения и города, внушавшие ему по той или иной причине какое-либо подозрение. Но не этими жестокими приемами, свойственными, впрочем, далеко не одной лишь священной войне, характеризуется реконкиста. Для ее правильной оценки важны не отдельные проявления грубого фанатизма, не спорадические вспышки гнева того или иного короля, не разрозненные, а потому и непоследовательные действия некоторых полусамостоятельных полководцев-феодалов, а общие принципы и начала, которыми руководствовались испанские короли. В этом отношении реконкиста отличалась большой веротерпимостью, и победо-

носное шествие христиан с севера на юг, из Астурии в Гранаду, нередко сочеталось с гарантиями покоренным маврам личной неприкосновенности, имущественной безопасности и религиозной свободы.

В раннем Средневековье не замечалось особой религиозной вражды между маврами и христианами. Испанские баллады IX и X веков рисуют арабов как достойных врагов, с которыми воевать не должно быть стыдно ни одному испанскому гранду, и даже побежденные мавры не вызывают к себе чувства презрения. Сын сестры короля Альфонсо I, легендарный Бернардо дель Карпио, когда Альфонсо его обидел, не остановился перед тем, чтобы отправиться в мусульманскую Гранаду, воевать вместе с арабами против франков и принимать участие в устраиваемых эмирами турнирах.

Сам Альфонсо, прозванный за свою религиозность Католиком, вступил в брак с пленной мусульманкой; от этого брака у него родился сын Маурегато, который правил с 788 по 789 год. Альфонсо следовал в данном случае примеру эмира Абделазиса, который в 712 году женился на Эгилоне, вдовствующей королеве последнего вестготского короля Родериха, погибшего в 711 году в битве с арабами близ Кадиса.

Весьма важны общественные отношения, которые устанавливались между победителями-христианами и побежденными маврами на основании специальных договоров. Одним из первых таких договоров была капитуляционная грамота от 1038 года, в которой христианский король отказывается от взгляда на побежденных мусульман как на людей, подлежащих немедленному истреблению или обращению в рабство; они становятся обычными подданными, обязанными платить подать в королевскую казну.

В 1085 году Альфонсо XI при взятии Толедо дал покоренному городу особую хартию, в которой имелись гарантии относительно владения собственностью, отправления богослужения и внутреннего самоуправления; особо упоминалось о предоставлении мусульманам в пользование самой большой мечети города. Когда после ухода короля из Толедо французский аббат Бернар, опираясь на помощь бургундской королевы, вздумал превратить толедскую мечеть в церковь, Альфонсо поспешил обратно и стал угрожать смертью как аббату, так и ко-

ролеве. Сами мавры удерживали его от чрезмерных репрессий в отношении христиан, виновных в нарушении королевской хартии; мавры боялись, как бы месть Альфонсо не вызвала раздражения среди христианского населения, которое потом могло бы отомстить мусульманам за причиненные ему обиды. Альфонсо XI называл себя даже императором обеих религий — *Emperador de los dos cultos*.

Яков (Хайме) I (1208—1276), который всецело посвятил себя делу Реконквисты, как об этом свидетельствует его прозвище *el Conquistador*, придерживался, тем не менее по отношению к покоренным маврам умеренной политики. В капитуляционном акте Валенсии от 28 сентября 1238 года особо подчеркивается, что сдача города происходит при условии личной и имущественной безопасности мусульман.

Многочисленные хартии того времени единодушно свидетельствуют, что испанские короли не делали большой разницы между покоренными мусульманами и христианами. Признавшие над собою власть христианского короля мавры становились его подданными под названием *mudéjares* (мудехары) и пользовались теми же правами, какими при покорении Испании арабами пользовались христиане, звавшиеся *mozárabes* (мосарабы).

Даже Фердинанд II, тоже прозванный Католиком, и его жена Изабелла Кастильская при взятии в январе 1492 года города Гранады предоставили маврам большие льготы, а когда католическое духовенство потребовало обложения покоренного населения специальной церковной податью, королевская чета обратилась с жалобой к папе Сиксту IV, и папа пошел навстречу желанию монархов.

Само собой разумеется, что дарованные покоренным городам хартии, проникнутые веротерпимым духом, вызывались не чувством симпатии к мусульманам, а материальным расчетом, диктовавшим испанским королям эпохи Реконквисты проводить в жизнь ту самую политику, какую за несколько веков до этого, при покорении Испании, вели завоеватели-арабы. Один и тот же монарх на протяжении каких-нибудь десяти лет, случалось, не раз менял свою политику. Наиболее резко эта изменчивость проявилась в правление Фердинанда Католика, который часто уступал для того, чтобы тверже

в подходящий момент наступать. При этом никакие обещания, присяги, клятвы и тем более угрызения совести не принимались в расчет.

Стоит сказать и о положении евреев в Испании того времени. Оно было несравненно лучше, нежели в прочих европейских государствах, где им в большинстве случаев с конца XIII, а в особенности на протяжении XIV века нельзя было даже жить. В капитуляционных хартиях, которыми обеспечивалась религиозная свобода мудахаров, иногда имелись статьи, говорившие и о религиозной свободе евреев; а если особого упоминания о них и не было, то нередко предполагалось как нечто само собой понятное, что дарованная королями веротерпимость распространяется на всех его новых подданных без различия вероисповеданий. На евреев распространялись даже вольности и привилегии испанских городов. Например, в грамоте городу Кастрохерису права евреев гарантированы в такой же степени, как и права христиан, и за убийство еврея назначается та же сумма штрафа, что и за убийство христианина. То же самое мы находим и в других городских хартиях.

Отдельные королевские грамоты, выдаваемые евреям, отличались столь же веротерпимым духом. Так, завоевав Балеарские острова, Яков I даровал евреям целый ряд грамот, сущность которых сводится к следующему: евреи живут в отдельной части города близ королевского дворца, король обещает им свое покровительство, они пользуются всеми правами гражданства, имеют свой собственный суд, им разрешается убивать скот согласно еврейским законам, составлять деловые документы (завещания, свадебные договоры и т. д.) на еврейском языке; христианам и маврам под страхом строгого наказания запрещено оскорблять евреев и осквернять их кладбища; евреям предоставлено право доносить непосредственно королю о притеснениях со стороны администрации; им разрешено давать займы деньги из 20 процентов с тем, однако, условием, чтобы сумма наросших процентов не превышала суммы капитала. Евреям разрешалось владеть всякой собственностью — как движимой, так и недвижимой, они могли иметь свои сады, виноградники и всякую иную землю; евреев нельзя было принуждать отдавать свои дома внаем христианам; последним, с другой стороны, запрещено было жить

вместе с евреями. В 1268 году тот же Яков I отдал эдикт, в силу которого нельзя было принуждать евреев присутствовать на проповедях монахов доминиканского ордена, а монахам, в свою очередь, запрещалось появляться в синагогах с агитационными целями.

Веротерпимая политика светских властей Испании в эпоху Реконквисты стала для католической церкви большой неожиданностью. Дело в том, что вестготские короли со времени принятия Реккаредом I в 586 году католичества, нуждаясь в помощи католического духовенства, всячески старались идти навстречу требованиям церкви и жестоко преследовали всех, кого она считала врагами. Следовательно, церковь ожидала, что при обратном завоевании Испании возродится старая система преследований еретиков. Но действительность не оправдала этих надежд. Римский собор 1078 года резко осудил германского императора Генриха IV за то, что он пользовался услугами евреев в качестве откупщиков податей; это осуждение в не меньшей степени касалось испанских королей, которые не имели ничего против занятия высших государственных должностей евреями и арабами. В 1081 году папа Григорий VII обратился к Альфонсо VI с протестом по поводу его мягкого отношения к иноверцам, заявив, что тем самым он оскорбляет Божию Церковь и способствует упрочению власти сатаны. Не дремали и прелаты на местах, которые использовали каждый повод, чтобы возбудить паству против иноверцев.

Чтобы смягчить католическое духовенство, короли время от времени отдавали ему в качестве «подарка» на расправу отдельных евреев со всем их имуществом. Еще щедрее был король Арагона Рамирес II, прозванный за свою религиозность Монахом, который в 1144 году отнял у евреев города Эстельи синагогу и передал ее местному епископу Лопесу, чтобы тот превратил ее в церковь. Однако подобного рода «дары» не могли удовлетворить папский престол. В конце XII века папа Целестин III резко порицал арагонского короля Санчо Сильного за его «чрезмерную дружбу» с врагами церкви, под которыми подразумевал мавров и евреев.

IV Латеранский собор в 1215 году постановил, что отныне всякий государь под страхом отлучения от церкви и лишения трона должен принимать самые энергичные меры к истре-

блению врагов католической церкви, и вместе с тем повелел, чтобы мавры и евреи носили особый отличительный знак на верхней одежде. Но с уверенностью можно утверждать, что по крайней мере в Кастилии арабы и евреи, при попустительстве местных властей, не подчинились этому требованию, поскольку в 1217 году папа Гонорий III в самых резких выражениях возмущался по этому поводу. Ситуация мало изменилась и позже, что следует из требований к кастильским прелатам пап Григория IX в 1233 году и Иннокентия IV в 1250 году соблюдать постановления Латеранского собора. Проблема была, разумеется, не в самих прелатах, а в нежелании кастильского короля Фердинанда III Святого (1199—1252) отказываться от денег, которые приносили в его казну мусульмане и иудеи.

Сын его, Альфонсо X, уступая давлению духовенства, постановил, чтобы евреи, под страхом штрафа в десять золотых мараведи или десять ударов, имели на своей верхней одежде отличительный знак, но мавров же он совершенно освободил от этого обязательства. Впрочем, и в отношении евреев это решение не было осуществлено. А при Альфонсо XI инфант Хуан, говоря от имени короля, и вовсе заявил, что будет поступать так, как того требуют интересы государства.

Почти через сто лет после IV Латеранского собора, в 1312 году, состоялся собор в Вьенне, на котором испанскому духовенству снова пришлось выслушать горькие упреки. Особенное возмущение участников собора было вызвано тем, что неверные часто посещают в Испании христианские церкви и что на еврейских и мусульманских свадьбах, пиршествах и религиозных обрядах нередко присутствуют христиане. Собор заявил, что считает своей священной обязанностью объявить испанским королям о недопустимости подобного осквернения христианства, если только они не желают навлечь на себя самые ужасные небесные кары. Вслед за этим, в 1313 году, синод испанского духовенства в Саморе огласил, что евреи являются змеями, которых христиане должны терпеть, так как они носят человеческий облик, но которых они должны держать в рабстве; это заявление должно было ежегодно читаться во всех церквях. Однако и после этого испанские короли продолжали придерживаться своей старой, сравнительно веротерпимой

политики. Во всяком случае, синод 1329 года жалуется, что ни одно постановление Вьеннского и Латеранского соборов не получило силы закона в Испании.

Но в 1369 году на кастильском престоле случилась смена династии. Основателем ее стал Энрике (1334—1379), граф Трастамара, внебрачный сын Альфонсо XI, в своей борьбе за трон опиравшийся на помощь католической церкви. В его лице церковь получила надежного союзника. Правда, при нем еще не было еврейских погромов. Они начались, когда королем стал его внук одиннадцатилетний Энрике III, известный под именем Беспомощного. 6 июня 1391 года подстрекаемая духовенством толпа подожгла еврейское гетто в Севилье и учинила резню, сопровождавшуюся грабежами. В этот день погибло свыше 4000 человек, и лишь немногие успели спастись бегством.

Из Севильи погромная волна разнеслась сначала по ближайшим местам, и в Кармоне, Эсике и других городах севильского епископства не осталось в живых ни одного еврея. Затем последовала резня евреев в Кордове и других городах. В течение почти трех месяцев толпы громил свирепствовали по всей стране. Особенно сильно пострадали, кроме Севильи, еврейские общины в Хаэне, Толедо, Куэнке, Логроньо, Валенсии, Героне, Лериде, Пальме (на Балеарских островах), Барселоне, Бургосе, Сарагосе. Наиболее активным элементом в погромах были священники, ремесленники и чернь. Значительное участие в кровавых событиях 1391 года ремесленников дало некоторым испанским историкам основание считать страшную резню евреев социальной революцией, проявлением недовольства народа своим экономическим положением. Мнение это, однако, вряд ли правильно: энергичная деятельность в эти дни доминиканцев в деле крещения евреев, равно как и сразу наступавшая безопасность для принявших христианство, свидетельствуют с достаточной ясностью о том, что эти события носили главным образом религиозный характер.

В эти дни закон всячески благоприятствовал переходу в христианскую религию; крещеному даровалось полное социальное равенство, что свидетельствовало об отсутствии расового антагонизма. Еврей, становившийся христианином, мог занять всякую должность как в государстве, так и в церкви.

Спасаясь от смерти, евреи переходили в христианство целыми общинами. В течение короткого времени более 100 000 семейств отказались от религии Моисея, чтобы принять религию Христа. В официальном отчете о беспорядках 1391 года в Валенсии, сделанном 14 июля, то есть через пять дней после резни, говорится, что вся еврейская община города, за исключением немногих беглецов, приняла святое крещение: среди новообращенных были и раввины. Число крестившихся в одной Валенсии тогда определялось в 11 000; во всей Арагонии* их было, вероятно, около ста тысяч. Вероотступники образовали особый класс людей, которых, строго говоря, нельзя было считать ни евреями, ни христианами и которые получили название «маранов», «новых христиан» или «обращенных». Число их еще более возросло в течение первых двадцати пяти лет после событий 1391 года.

Не небесные, а земные блага сулила им церковь, не любовью и милостью манила она их к себе, а страшными угрозами и тяжелыми карами, не об исцелении души, а о приумножении своей паствы заботилась она, и не религиозные истины и нравственную чистоту внушала она пришедшим к ней своим сынам, а трусливое лицемерие и гнусную измену. Принятым в лоно католической церкви евреям не были даны религиозные воспитатели и наставники; заботились лишь о формальном их крещении. Но сердца новообращенных были ожесточены; люди в гневе и отчаянии, потеряв кто сына, кто дочь, кто мать, кто отца, со скрежетом зубов произносили слова любви и милости, но помыслы их занимала месть. Одни принимали католическую веру потому, что не были героями и предпочитали спокойную и мирную жизнь мученической смерти; они тайно соблюдали религиозные и нравственные предписания иудейской религии и лелеяли в душе мечту о том, что смогут когда-нибудь сбросить с себя лицемерную маску. То, что их временный переход в католичество принимал все более и более длительный характер, не могло примирить их с новой религией и лишь внушало недобрые чувства как к тем, кто принудил их жить жизнью лицемеров, так и к тем, кто

* Под Арагонией мы подразумеваем три провинции — бывшие независимые королевства: Каталонию, Валенсию и Арагон. — *Прим. авт.*

своей мученической жизнью давал им пример героизма, как бы постоянно упрекая их за измену своей религии и своему народу. Недобрые чувства будут побуждать их к недобрым делам, и эти христиане по имени, но евреи по существу окажутся тяжелым балластом прежде всего для церкви, которая, посеяв ветер, будет жать бурю: мать, ласкающая сегодня своих детей и осыпающая их за измену наградами, завтра их же будет пожирать...

Другую категорию новообращенных составляли те, кто с легким сердцем и без колебаний переходил в другую веру, потому что видели в ней возможность лучше устроить свою жизнь. Освободившись от оков ответственности, налагаемых невольно на членов всякого меньшинства, в особенности угнетаемого, эти люди будут плыть по житейскому морю без руля и ветрил с ничтожным багажом нравственных и религиозных понятий, стараясь скрыть следы своего еврейского происхождения. Но нелегко будет им установить свое национальное алиби — чтобы приобрести чистоту крови, которая одна только могла спасти их от когтей инквизиции, им придется совершить немало нечистых дел. Тяжелым бременем лягут они на общество, в которое вступили без любви и веры, с единой лишь целью — всячески его эксплуатировать; страшное наследие — социальный антисемитизм — оставят они еврейству.

Третья категория новообращенных состояла преимущественно из честолюбцев, мечтавших о государственной или общественной деятельности. Им и раньше, быть может, было тесно в узких рамках еврейства, и кровавые события 1391 года дали им возможность осуществить то, на что они не могли решиться при повседневном течении жизни. Так как духовное звание было почти необходимым условием для действительно широкой деятельности, то многие из них устремились к епископской мантии или даже к кардинальской шапке. Придали ли испанской церкви новый блеск Пабло де Санта-Мария (раввин Соломон Леви), Иеронимо де Санта-Фе (талмудист Иошуа бен Иосиф из Лорки), Франсиско Диоскарне (Аструх Раймух) и многие другие ученые-евреи, которые после крещения применяли всю свою ученость к изобличению грехов иудаизма? Относительно этого могут быть различные мнения,

но для еврейства они служили источником неисчислимых страданий и глубокого позора.

Как велика ни была та или иная группа маранов, огромное большинство их вступило в новую веру с горечью в сердце, со злобой в душе; одни посылали проклятия своим старым единоверцам, другие — своим новым братьям, третьи и тем, и другим. Немало бедствий накликали эти проклятия: недаром многие историки считают маранов виновниками введения новой инквизиции в Испании.

Мараны, по словам этих историков, своей погоней за богатством и наслаждениями, своими бессовестными финансовыми спекуляциями вызвали в широких слоях испанского населения тот взрыв негодования, которым отличается время между севильской резней и окончательным изгнанием евреев из Испании. С другой стороны, мараны восстановили против себя также и большую часть дворянства, которое не могло без боли видеть, как вчерашние узники гетто, едва освободившиеся от своего позорного отличительного знака на одежде, получают в государстве — в виде премии за свою религиозную измену — лучшие и влиятельнейшие места, отовсюду вытесняют представителей благородных католических семейств, погружают их в экономическую кабалу, а сами роднятся с виднейшими испанскими грандами, вызывая своей показной роскошью и пронырливой суетливостью чувства зависти и брезгливости даже у того, кто был готов закрыть глаза на их еврейское происхождение. Наконец, и духовенство не могло мириться с тем, чтобы все общество, сверху донизу, заражалось безверием, которое нередко несли с собой мараны, и чтобы дух еврейства через их посредничество проникал во все поры общественной жизни, отравляя и саму церковь. Так мараны, озлобляя против себя самые различные классы общества, подготавливали почву для инквизиции.

Не отрицая целиком этих утверждений, другие историки, преимущественно еврейские, доказывают, что историческая ответственность за введение инквизиции в Испании должна падать не на маранов, а на деятелей кровавого 1391 года и последующих лет. Лишенные всех прав, поставленные вне закона, преследуемые и угнетаемые, запертые в узких пределах гетто, не имея права покинуть страну, чтобы избавиться

от унижений и угрозы смерти, евреи, естественно, должны были массами переходить в христианство и с тем большей жадностью набрасываться на мирские блага, чем труднее они им доставались и чем дольше они были для них запретным плодом. Мараны, по словам этих историков, — это неизбежное следствие антиеврейской политики конца XIV и начала XV века; то есть причину всех дальнейших бедствий следует искать не в маранах, а в тех, кто вызвал их к жизни.

Однако если в самом деле несправедливо приписывать маранам вину за дальнейший ход истории Испании, принявший определенный характер только потому, что появление маранов явилось неизбежным следствием тех или иных событий, то с тем же основанием можно утверждать, что преследование и угнетение евреев стало следствием того духа ненависти к иудейству, которым вообще была проникнута католическая церковь и который в других странах, задолго до испанских событий, приводил к кровавым и жестоким гонениям на евреев и на их религию. И если Испанию в этом отношении опередили во времени Германия, Италия, Англия и Франция, то это объясняется только толерантностью ее политики, в основе которой был главным образом материальный расчет.

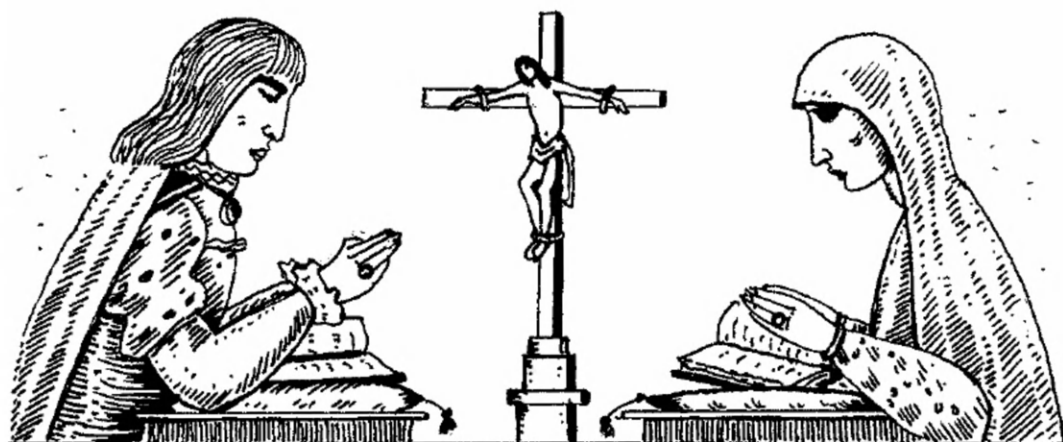
Дело в том, что Испания имела перед собой слишком могущественного врага в лице мавров, чтобы позволить себе роскошь религиозного фанатизма в отношении евреев. Чтобы испанские короли действительно вняли голосу католической церкви, желавшей искоренить иудаизм, необходимо было предварительно покорить мавров. Не простой случайностью стало то обстоятельство, что именно Фердинанд Католик, ознаменовавший свое правление окончательной победой и разрушением мусульманского могущества, ввел в Испании новую инквизицию. Таким образом, не зверства 1391 года и не появление маранов были причиной введения инквизиции в Испании, а победа над мусульманами, которая, усилив власть испанских королей, дала им возможность обратить свое оружие против внутренних, часто лишь мнимых врагов как на политической, так и на религиозной почве.

Однако на пути практического проведения в жизнь принципа чистоты религии, впоследствии вылившегося в формулу

*cuius regio, ejus religio**, находилось в Испании одно серьезное препятствие, отсутствовавшее в других странах Европы. Дело в том, что в Испании нехристиане не только были велики числом, но и владели огромными богатствами, которые были необходимым условием как материального развития страны, так и правильного функционирования государственных финансов. Военная жизнь отвлекала испанское дворянство от мирного труда, и торговля и промышленность были почти всецело предоставлены маврам и евреям, которые, обогащая себя, обогащали вместе с тем и страну. Кроме того, не будучи привилегированным сословием, они были прекрасным объектом для всевозможного рода обложений — тем податным мясом, которым обильно кормилась казна и без которого она не могла обойтись. Чтобы побудить испанских королей к гонениям против арабов и евреев, необходимо было предоставить им новый источник денег. И тут как нельзя кстати произошло открытие Америки, сулившее Испании золотые горы и дни беспечного счастья. Это стало той компенсацией, без которой ни один испанский монарх не решился бы осуществить во всей полноте программу католической церкви, требовавшей не только изгнания евреев и преследования мавров, но и жестоких мер в отношении как христианских еретиков, так и маранов и морисков — иудеев и мусульман, принявших христианство.

* Чья область, того и вера (*лат.*).

Глава вторая Фердинанд и Изабелла

Со свержением в 1031 году последнего представителя династии Омайядов, занимавшей кордовский престол с 756 года, реконкиста пошла более решительно. В правление Фердинанда I (1035—1065), объединившего на некоторое время Кастилию с Леоном, у мусульман была отнята Коимбра, а мусульманские князья Бадахоса, Толедо, Сарагосы и Севильи признали вассальную зависимость от Фердинанда, называвшего себя «императором Испании». Его сын Альфонсо VI (1043—1109) завоевал Толедо, Македу, Мадрид и ряд городов по Тахо. Альфонсо VII (1105—1157), возложивший на свою голову короны Кастилии, Леона и Галисии, отвоевал у мусульман Хаэн, Гуадикс, Баэсу и Альмерию. В 1114 году Альфонсо Завоеватель, арагонский и наваррский король, овладел Сарагосой. В знаменитой битве при Лас-Навас-де-Толосе 16 июля 1212 года, в которой принимали участие объединенные силы кастильского, арагонского и наваррского королей, мусульманам был нанесен страшный удар. С этого момента уже не было сомнений, что Иберийский полуостров будет принадлежать христианам. В 1236 году Фердинанд III Святой взял Кордову, оплот арабского владычества в Испании, перешел

Гвадалквивир и в 1248 году вступил в Севилью; за несколько лет до него арагонский король Яков Завоеватель овладел Валенсией. Территория мавров, таким образом, ограничивалась одним лишь Гранадским эмиратом, откуда их не могли вытеснить христиане не столько вследствие того, что местность эта была хорошо защищена природой, сколько вследствие тех внутренних междоусобиц, которые раздирали христианские государства.

За исключением права чеканки монеты дворянство во многих государствах Пиренейского полуострова обладало в своих владениях всеми правами независимых князей; оно отправляло суд, свободно распоряжалось своими вассалами и объединялось в союзы. Первоначально эти союзы возникали для борьбы с маврами, но затем их стали образовывать, дабы успешнее защищать свои вольности в противодействии королевской власти. В Кастилии таких союзов (орденов) было три: Сантьяго, Калатравы и Алькантары; они представляли собою военно-религиозную армию, состоящую из солдат-дворян, дававших настоящие монашеские обеты.

Особенно резкий характер междоусобия приняли в Кастилии после убийства в 1369 году Педро Жестокого, когда на престол в лице Энрике Трастамары вступила новая династия. И если сам основатель этой династии сдерживал политические страсти, делая всевозможные уступки дворянству, то его преемникам пришлось столкнуться с необузданной анархией. В 1385 году Хуан, сын Энрике, горько жаловался кортесам на то, что не может отправлять правосудие и управлять страной так, как ему подсказывают совесть и разум: ему мешают в этом те злоупотребления привилегиями, которые сделались обычными в среде высшего дворянства и устранить которые ему не под силу. Эти слова прекрасно характеризуют состояние кастильской монархии за время от убийства Педро Жестокого до вступления на престол Изабеллы Католической — время, полное ужасных и бесконечных восстаний и гражданских войн, когда центральная власть вела самое жалкое существование. Король был игрушкой в руках соперничавших партий, и дело реконквисты было почти совершенно оставлено.

До чего пал авторитет монарха, видно из событий 1465 года, когда восставшими дворянами над изображением Энри-

ке IV, прозванного Бессильным, был совершен акт, символизирующий свержение короля с престола. Алонсо Каррильо, толедский архиепископ, торжественно снял с королевского изображения корону; Альваро де Суньига, граф Пласенсии, сломал королевский меч; Родриго Пиментел, граф Бенаvente, уничтожил скипетр, а Диего Лопес де Суньига жестом, полным отвращения и презрения, сбросил изображение Энрике с кресла. Впрочем, Энрике IV остался королем, но вынужден был даже предоставить дворянам право чеканить монету, и вскоре в Кастилии образовалось 150 монетных дворов, наводнивших страну обесцененными деньгами.

Дошло до того, что Энрике IV из политических соображений допустил интимную связь своей жены, королевы, с Бертраном де ла Куэвой, возведенным в звание герцога Албукерского, почему дочь Энрике донья Хуана и получила прозвище Бертранеха (la Beltraneja). Она считалась наследницей престола, но гранды, когда решили окончательно отставить Энрике от власти, объявили ее «незаконнорожденной» и объединились сначала вокруг брата Энрике малолетнего Альфонсо, а потом, за смертью Альфонсо, выдвинули кандидатуру Изабеллы, сестры Энрике IV, которая заставила брата лишиться дочь права на кастильский престол и признать это право за ней. Впрочем, Энрике не оставлял надежд передать трон дочери. Поэтому, в видах усиления позиций Изабеллы, гранды решили выдать ее замуж за человека, который в случае необходимости с оружием в руках отстаивал бы кастильский трон для своей жены. Их выбор пал на Фердинанда, наследника трона Арагонии, переживавшей в то время, подобно Кастилии, тяжелые дни внутренних беспорядков. Отец Фердинанда король Хуан II, дабы укрепить положение сына, охотно откликнулся на это предложение. Фердинанд прибыл в Вальядолид, где в 1469 году и состоялось бракосочетание. Таким образом, два наиболее сильных государства Пиренейского полуострова должны были со временем перейти во власть четы Фердинанда и Изабеллы.

Когда Энрике узнал об этом браке, он решил сосватать Хуану-Бертранеху за французского герцога Шарля Пеннского, брата Людовика XI, чтобы подкрепить претензии дочери на кастильский престол. Кроме того, португальский король Афонсу V как брат матери Хуаны должен был защищать права

внучки. Таким образом, против Фердинанда и Изабеллы образовалась сильная иностранная партия, которая, впрочем, опиралась и на значительную часть кастильского дворянства, боявшуюся, как бы Изабелла и Фердинанд, известные своей энергией, не объявили войны вольностям и привилегиям дворян. Вот почему после смерти Энрике в 1474 году католической царственной чете пришлось вести упорную борьбу за свое признание против Португалии, Франции и сторонников Хуаны. В конце концов Изабелла и Фердинанд одержали победу, и Бертранехе был вынесен ультиматум: в течение шести месяцев либо выйти замуж за принца Хуана, сына Фердинанда и Изабеллы, либо отправиться в монастырь Санта-Клара. Постригшись в монахини, она тем не менее продолжала именовать себя королевой и до самой смерти в 1531 году объединяла вокруг себя недовольные элементы страны.

Изабелле было восемнадцать лет, когда она вышла замуж за Фердинанда, но и тогда уже она представляла собой вполне сложившуюся личность, имевшую определенный взгляд на роль и значение королевской власти. Гордая, самолюбивая и энергичная, она намеревалась твердо охранять авторитет монарха и не допускала мысли, чтобы мятежные дворяне диктовали ей свою волю. Она царствовала не только номинально, но и фактически, так как кортесы принудили Фердинанда поклясться, что он будет строго соблюдать законы страны и ничего не станет предпринимать без согласия Изабеллы.

Несмотря на молодость, Изабелла с самого начала серьезно отдалась заботам о государственных нуждах, обнаруживая глубокое знание страны и удивительно внимательное отношение даже к самым мелким государственным делам. Она была в высшей степени красивой и элегантной женщиной, обладала живым умом и страстным темпераментом, но ей были чужды чисто женские интересы. Ее отличительными чертами были искренность и прямота, однако политические соображения побуждали ее нередко скрывать истинные планы, так что даже самые близкие люди не догадывались о них. Нередко, впрочем, она и в государственные дела вносила свою природную страстность, составляя в этом отношении контраст Фердинанду, умевшему всегда сохранять самообладание. Изабелла подвергала себя во время войны опасностям

и сама нередко командовала отрядами. Обратной чертой ее мужественности было отсутствие у нее чувства жалости и сострадания к противникам, в особенности когда дело касалось религии. Фанатически религиозная, она легко поддавалась влиянию духовенства и считала своей жизненной задачей борьбу с ересью и с некаатолическими вероисповеданиями. В это, казалось, вкладывала она всю свою женскую натуру, всю свою горячность — она горела ненавистью к врагам церкви. Здесь сказывались ее природная прямолинейность, здесь проявлялся ее фанатизм. Впрочем, несмотря на свою набожность, она любила науку и просвещение, учредила академию для дворян, университет, библиотеку и оказала содействие Колумбу в его смелом предприятии.

Фердинанд был более чем на год моложе Изабеллы и подобно ей, рано развился как физически, так и духовно. Королем Арагона он стал лишь в 1479 году, то есть через пять лет после того, как сделался соправителем Кастилии. Холодный и рассудительный, не знающий ни требований совести, ни нравственных начал, не считающийся ни с собственным словом, ни с чувствами даже наиболее близких людей, он направлялся к раз намеченной цели без излишнего шума, но твердо и упорно. Он не был фанатичен, не проявлял жестокости ни по отношению к политическим, ни по отношению к религиозным врагам, если только жестокость эта была бесполезна; но он умел в случае надобности быть жестоким. Он часто уступал, когда видел, что победа далека, но это отступление было лишь кажущимся и впоследствии обыкновенно щедро вознаграждалось. Так, когда в 1474 году умер Энрике IV, Фердинанд, несмотря на данную клятву, попытался фактически стать правителем Кастилии, но возбудил этим такое недовольство дворян, что тут же отказался от этого плана; тем не менее он мало-помалу приобретал все большую и большую власть. Изабелла чувствовала его превосходство и во многом ему подчинялась, но и он высоко ставил ее ум, так что не без основания дел говорилось, что «фавориткой короля была королева, а фаворитом королевы был король».

Прежде всего Фердинанду и Изабелле предстояло положить конец господствовавшей в стране анархии. В Галисию, где разбой рыцарства превысил все мыслимые пределы, были от-

правлены полководец Фернандо Акунья и член королевского совета Гарей Лопес де Чинчилья; они взорвали около пятидесяти дворянских крепостей, превратившихся в разбойничьи притоны, казнили многих грандов, в том числе Педро де Миранду и маршала Перо Пардо, изгнали из страны около тысячи рыцарей-разбойников и принудили городские власти начать правильные взносы податей в королевскую казну. В Севилью, где герцог Медина Сидония и маркиз де Кадис вели с 1471 году между собой войну, королева явилась лично. Насилия, грабежи и убийства здесь были столь обычны, что осталось мало людей, чистых от преступлений. Изабелла твердой рукой стала подавлять беззаконие — свыше 4000 человек бежали, боясь справедливой кары, в Португалию или Гранаду. Для борьбы с разбойничающими рыцарями Фердинанд и Изабелла учредили святую эрмандаду (Santa Hermandad, буквально — «святое братство»).

Правосудие эрмандады совершалось с замечательной быстротой, а наказания отличались невероятной жестокостью. Преследование преступников, пытавшихся ускользнуть из рук правосудия, и приведение в исполнение судебных решений возлагались на специальные отряды, которые получали содержание и вооружение за счет местного населения. Грозная деятельность эрмандады заставляла трепетать всех при одном упоминании ее имени. Главное начальство над эрмандадой было вручено брату Фердинанда — Альфонсо Арагонскому.

Восстановлением спокойствия внутри государства задача Фердинанда и Изабеллы не ограничилась: им предстояло еще окончательно изгнать мавров с Пиренейского полуострова и сделать Гранаду христианским владением. Достижению этой цели весьма способствовала борьба за власть в эмирате между эмиром Абул-Хасаном и его сыном Боабдиллом. Фердинанд и Изабелла поддерживали притязания на престол Боабдила, а он, в свою очередь, обещал уступить им значительную часть своего государства. Впрочем, не дожидаясь, пока эти обещания будут исполнены, христиане сами стали прибираться к рукам гранадские города.

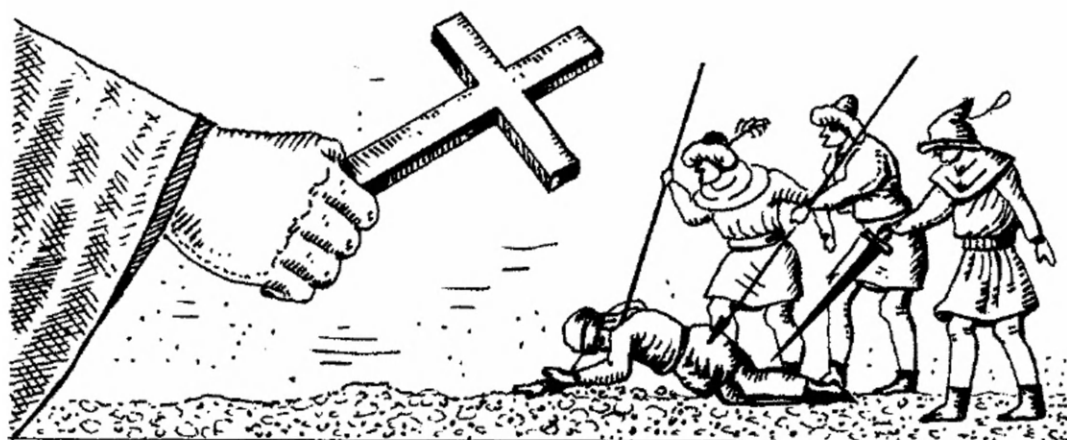
С этими городами Фердинанд и Изабелла поступали по-разному: жестоко расправляясь с теми, которые не хотели сдаваться добровольно, они, с другой стороны, мягко посту-

пали по отношению к тем городам, которые охотно открывали свои ворота при приближении христианского войска. В Бенамакесе, например, были перебиты все способные к военной службе мужчины, другие жители были обращены в рабство, а город сожжен; в других местах жители переходили сразу на положение мудахаров, то есть им обеспечивались религиозная свобода, личная и имущественная неприкосновенность. Мало того, Фердинанд и Изабелла обратились к папе Иннокентию VIII, чтобы он запретил духовенству взимать с их новых арабских подданных налог. Мотивировали они свою просьбу тем, что при взятии большинства гранадских городов ими было обещано маврам не увеличивать тяжести налогового бремени и взимать с них лишь прежний десятинный налог, который они платили своим прежним правителям. В особой булле Иннокентий воздал должное храброй королевской чете, которая во имя славы Господа Бога, «не жалея своих трудов и не считаясь ни с какими опасностями и затратами», борется за правое дело, везде и повсюду искореняя неверных; во внимание к таким подвигам Иннокентий предоставил Фердинанду и Изабелле исключительное право взимания десятинного налога с новых подданных Кастилии, запретив духовенству вмешиваться в это дело.

Такая тактика завоевателей-королей умиротворяюще действовала на мавров, и жители Куэваса, Пурчены, Табары, Серены и т. д. добровольно являлись к Фердинанду и Изабелле, заявляя, что желают стать мудахарами. Когда дело дошло до Гранады, королевская чета объявила от своего имени, от имени инфанта Хуана и будущих государей, что возьмут мавров Гранады и других сдавшихся одновременно с ней городов под королевское покровительство. Мавры поверили и капитулировали на милость победителя.

Однако Фердинанд и Изабелла, как и многие другие монархи, далеко не всегда выполняли свои торжественные обещания. И это был как раз тот самый случай.

Глава третья Учреждение новой инквизиции

Складываясь в правление католической четы в сильное централизованное государство, Испания вынужденно вбирала в себя огромные массы еврейского и мусульманского населения. Но церковь не желала мириться с тем, чтобы католическое государство в своих недрах заключало столь многочисленные и чуждые христианской религии элементы. Следовательно, евреи и мавры должны были исчезнуть, чтобы на развалинах прошлого, богатого разнообразием сословных привилегий, провинциальных вольностей, религиозных групп и национальных организаций, возникло единое государство — единое в своем подчинении монарху, единое по своей вере, единое по своему мышлению и национальности. Но мог ли осуществиться подобный идеал даже с помощью самых крайних мер — при насильственном крещении всех евреев и мавров, при поголовном превращении их в маранов и морисков?

Опыт с маранами ясно показал, что насильственное обращение в христианство иноверческих масс равносильно превращению кожной болезни в подкожную — с тем, чтобы вернее отравить весь организм. Неся с собою ересь и без-

верие, мараны изнутри подтачивали христианское общество, так что слышен был треск католического здания, но не виден был виновник этого бедствия: он скрывался в самых потаенных местах шатавшегося дома. Само собой разумеется, что увеличивать силы опасного врага новым притоком крещеных, на этот раз бывших мусульман, не было ни в интересах церкви, ни в видах государства; между тем нельзя было отказаться и от столь богоугодного дела, каким было массовое обращение неверных в христианскую религию. Терпеливо ждать медленного процесса обращения неверных силою христианской любви было слишком трудно как чрезмерно ревностной католичке Изабелле, горевшей желанием приобрести благодать Божию совершением великого дела, так и Фердинанду, опасавшемуся, как бы религиозное разномыслие его подданных не отразилось на единстве государства и не подорвало католического характера страны, которым король, согласно духу времени, не мог не дорожить. Но раз медленный процесс религиозно-расовой ассимиляции был невозможен или, правильнее сказать, нежелателен, то оставалось процедить, профильтровать через густую сетку католицизма хотя бы те элементы общества, которые желали принять христианство, чтобы убедиться, насколько вновь обращенные могут считаться настоящими, действительными христианами. Осадок от этой фильтрации подлежал уничтожению или в лучшем случае дальнейшему испытанию в целях приспособления его к восприятию истинной религии; те же элементы, которые хотели сохранить свою прежнюю религию, надлежало навсегда изгнать из Испании. Причем для вящего торжества испанского единства через религиозное горнило стали пропускать не только всех вновь обращаемых, но и потомков тех, кто задолго до правления католической четы принял христианство, а теперь, нередко много лет спустя после своей смерти, возбудил подозрение в искренности своего обращения. Дети, внуки и даже правнуки должны были ответить за чистоту помыслов своих отцов и дедов! В результате Испания покрылась бесконечной сетью религиозных и расовых подозрений, и под страхом самых жестоких наказаний каждый испанец должен был продемонстрировать свое религиозное и расовое алиби.

Испания начала эпохи Реконквисты не знала разделения расового и религиозного вопросов — кто не верил во Христа, не был испанцем, и, наоборот, всякий верующий во Христа был испанской крови. Но когда начались массовые обращения в христианскую веру, возник новый вопрос: достаточно ли принятия христианства, чтобы из мавра или еврея стать настоящим «чистокровным» испанцем, и влечет ли за собой отказ от старой религии вытравление «грязной», не испанской крови? Первое время церковь и государство отвечали утвердительно на этот вопрос; вскоре, однако, было сделано отступление от этого взгляда. Дело в том, что мараны очень часто тайком исполняли обряды своей старой веры; кроме того, покупая свое благополучие ценой отказа — хотя бы лишь формального — от своей религии, они нередко становились злейшими врагами христианства, которое им навязали под страхом жестоких гонений. Несмотря на всю скрытность их поведения, это не могло ускользнуть от внимания христиан; отсюда возникло столь страшное впоследствии обвинение в иудействовании.

Народное недовольство маранами питалось также экономическими причинами: евреи из гетто стали основателями богатейших семей Испании. Вильянова вел свое происхождение от еврея Моисея Пасагона, Малуэнда — от Моисея бен Аструха, Барал де Рибас — от Самуила Алтордокса, Педро де Хасса — от Ахаба Иесуэль; Флоренте Видаль, Хуан де Эспес, Коскон, Помар, Сапорта, Кабальерия, Кабреро, Тореро имели в своих жилах еврейскую кровь и накопили свои богатства в то блаженное время, когда путь от еврейства к христианству был покрыт одними лишь розами. Богатство влекло за собой и влияние в государстве, тем более что мараны роднились с аристократическими родами. Освободившись от ига ограничительных законов, вырвавшись на свет Божий из тисков гетто, став полноправными гражданами, мараны с необычайной интенсивностью стали эксплуатировать народную массу, обнаруживая в то же время чрезвычайную любовь к показной роскоши и безрассудную кичливость своим богатством. Природная сметливость евреев в коммерческих и финансовых делах в связи с предоставлением, по крайней мере на первых порах, значительных привилегий крещеным

делала их тем более страшными конкурентами христианского населения, что они, предав свою религию, лишились вместе с тем и нравственных устоев, которые могли бы положить хоть некоторый предел охватившей их жажде материального благополучия.

Еще в 1429 году собор в Тортосе заклеил поведение тех обращенных, которые не совершали обряд святого крещения над своими детьми. В 1434 году епископу Альфонсо де Санта-Мария удалось убедить Базельский собор включить в одно из своих постановлений особую статью, касающуюся новохристиан: они объявлялись еретиками, если продолжали соблюдать еврейские обычаи; причем тот, кто попустительствовал им, также подлежал суровому наказанию.

В 1449 году в Толедо произошел первый погром, направленный против маранов. Возбужденная толпа разгромила маранский квартал, и многие мараны были повешены головой вниз. Идеолог преследований маранов францисканец Алонсо де Эспина писал несколькими годами позже: «Я думаю, что если бы в наше время возникла настоящая инквизиция, то многие и многие погибли бы в огне, потому что оказалось бы, что они иудеят». Вместо прежнего деления на *judíos fieles*, то есть новообращенных, и *judíos infieles*, то есть не желающих принять христианство, Эспина стал делить евреев на *judíos públicos* (явные евреи) и *judíos ocultos* (мараны).

В июле 1467 года в том же Толедо произошел второй погром маранов. Поводом к нему послужило то, что алькальд Толедо и вместе с тем секретарь короля Энрике IV Алвар Гомес де Чибдад Реал — сам, возможно, еврейского происхождения — всячески покровительствовал маранам и противодействовал графам Фуэнсалида, которые были руководителями чисто испанской, старохристианской партии. Противники алькальда подожгли дома новохристиан, и пожар принял такие громадные размеры, что в огне погибло 1600 домов. Во время беспорядков погибли многие мараны, а руководители толедских новохристиан братья де ла Торре были повешены расстрелявшей чернью. Примеру Толедо последовала в 1473 году Кордова, где епископ Педро вел агитацию против новообращенных. Поводом к беспорядкам послужило то, что из окна дома богатого марана какая-то

девочка выплеснула грязную воду на проходившую мимо христианскую процессию. Грабежи и резня продолжались три дня, а когда все улеглось, последовал указ, запретивший маранам проживать в Кордове и ее окрестностях. Вслед за этим гонения на маранов захватили и другие города. Но особенно жестокая резня произошла в Сеговии 16 мая 1474 года, причем подстрекателем явился Хуан Пачеко, сам принадлежавший к маранской семье.

Еще Хуан II в 1451 году по наущению своего любимца Альваро де Луны, которому и приписывают идею о введении в Испании инквизиции, обратился к папе Николаю V с просьбой назначить папских инквизиторов для наказания иудействующих новообращенных, и папа, разумеется, с большим вниманием отнесся к обращению короля. Этим инквизиторам были даны обычные полномочия, но имелось и одно чрезвычайно важное новшество: они получили право преследовать и епископов. Объясняется это тем, что в Испании было много епископов маранского происхождения. По ним Альваро де Луна и задумал нанести главный удар.

Если бы булла Николая V была действительно проведена в жизнь, инквизиция в Кастилии возникла бы уже в середине XV века. Но враги де Луны тоже не дремали. Они сумели опорочить его в глазах короля, и в 1453 года он закончил жизнь на эшафоте, а папская булла осталась мертвой буквой. Впрочем, сразу после гибели де Луны за учреждение инквизиции стал ратовать духовник Энрике IV Алонсо де Эспина, выдвинувший множество ужасных обвинений против евреев и маранов — «кровожадных волков, пробравшихся в овечье стадо». Особенно горько жаловался он на то, что возвращавшиеся в иудейство мараны нисколько не наказываются; так, в 1459 году в Сеговии случайно выяснилось, что мараны молились в синагоге в день еврейского праздника Кушей. Только инквизиция, по мнению де Эспины, могла положить конец подобному рода преступлениям. О том, что вся Кастилия переполнена иудействующими еретиками и дети новообращенных подвергаются обряду обрезания, постоянно говорилось королю, и тот в конце концов согласился принять меры. 17 сентября 1467 года в Льерене были привлечены к суду два новохристианина — Гарсия Фернандес Валенсия и Педро

Франко де Вильярéal. Оба сознались в совершении еврейских религиозных ритуалов и были сожжены живыми; скомпрометированные при этом две женщины были приговорены к менее тяжкому наказанию, а дом, в котором совершалась ересь, разрушили. Этими немногими жертвами, однако, все и ограничилось. Инквизиция как институт введена не была.

Но идея ее не исчезла. Сразу после вступления Изабеллы и Фердинанда на кастильский престол к ним с предложением учредить в Кастилии инквизицию обратился папа Сикст IV. Но сделано это было не вовремя, так как королевская чета, несмотря на свою религиозную лояльность, слишком дорожила своей независимостью и не желала, чтобы власть папы через посредство инквизиторов приобрела в Кастилии новую силу. Старания Рима на первых порах привели лишь к тому, что была создана комиссия из духовных лиц, дабы определить, насколько широко распространена в Севилье ересь иудействующих. Важную роль в этой комиссии играл ярый сторонник учреждения инквизиции настоятель доминиканского монастыря в Севилье Алонсо де Охеда.

В докладной записке, которую комиссия представила Фердинанду и Изабелле, утверждалось, что большая часть жителей Севильи охвачена ересью и при этом высокопоставленные лица не составляют исключения; ересь заразила, говорилось далее, не только Андалузию, но и Кастилию, и спасти страну от этой язвы может лишь инквизиция.

Действительно, новохристиане занимали в это время в государстве доминирующее положение. Два представителя семьи Кабальериа заседали в высшей королевской канцелярии, секретарями которой состояли Алмасан и Барачина, сыновья евреев. В Арагонии губернатором был Франсиско Гурреа, Луи Санчес — генеральным судьей, его брат Габриэль — генеральным казначеем, а Луи Гонсалес хранителем печати. Маран Мигель из Севильи служил секретарем министерства юстиции, а его заместителем был Мисер Хаиме де Луна. Алькальдом Памплоны был Мосен Луи Сантангел, генеральным викарием сарагосского епископства — Мисер Педро Монфор, кости которого были впоследствии сожжены, начальником кастильской счетной палаты — Гонсало Франко, епископом Кории — Хуан Малуэнда и т. д.

К выводам докладной записки присоединился духовник королевской четы Томас Торквемада, давно уже мечтавший об уничтожении еретиков в Испании. При таких обстоятельствах Фердинанд и Изабелла, уже достаточно укрепившие свою власть и не боявшиеся попасть в зависимость от церкви, обратились к Сиксту IV с просьбой издать буллу об учреждении в Испании инквизиции.

Для Сикста обращение королевской четы показалось неожиданным счастьем. Вскоре, однако, папе стало ясно, что инквизиция, об учреждении которой хлопочут Фердинанд и Изабелла, во многих отношениях отличается от той инквизиции, которая существовала в Средние века почти во всех государствах Европы и введение которой было так желательно римским первосвященникам. Кастильские монархи первым условием поставили, чтобы назначение инквизиторов зависело от светской власти. Второе — не менее важное — условие гласило, чтобы конфискованное у осужденных еретиков имущество переходило в собственность государственной казны. Таким образом, требование Фердинанда и Изабеллы сводилось к тому, чтобы за счет еретиков обогащалось государство и чтобы инквизиторы были орудием не папы, доминиканцев и францисканцев, а светской власти. Другими словами, чтобы инквизиция действовала по указанию не Рима, а Толедо. Условия эти казались тем тяжелее для Римской курии, что новохристиане были очень богаты, и на эту добычу папы давно уже обращали свои взоры. Но папа Сикст IV вынужден был, однако, уступить, и долгие переговоры между Кастилией и Римом закончились торжеством светской власти, закрепленным буллой 1 ноября 1478 года. В противоположность булле Николая V эта булла не предоставляла инквизиторам права обвинять епископов в ереси; по отношению к ним оставалось в силе решение папы Бонифация III, гласившее, что епископы должны отвечать только перед судом самого папы.

Впрочем, несмотря на свою победу над Римской курией, Фердинанд и Изабелла медлили с введением в жизнь папской буллы, поскольку хорошо понимали, какими серьезными экономическими и финансовыми осложнениями будет неизбежно сопровождаться преследование богатых и трудолюбивых

маранов. Кроме того, при дворе Изабеллы были влиятельные новохристиане, которые имели основание опасаться, как бы они сами или их близкие не подпали под действие буллы; они всячески уговаривали королеву не рисковать легкомысленно положением богатейшего класса населения. Правда, духовные лица, ведшие свое происхождение от евреев, теперь находились в лучшем положении, нежели во времена Альваро де Луны: их не мог арестовать и судить первый попавшийся инквизитор.

Два года удавалось маранам оттягивать проведение в жизнь буллы Сикста IV, и все-таки 17 сентября 1480 года роковой шаг был сделан: в этот день были назначены инквизиторами доминиканцы Мигель де Морильо и Хуан де Сан-Мартин. Пока сфера их деятельности была ограничена Севильей, считавшейся очагом маранской ереси, и ее окрестностями.

К началу 1481 года был сформирован инквизиционный трибунал, в который, кроме де Морильо и де Сан-Мартина, вошли доктор Хуан Руис де Медина и фискальный прокурор Хуан Лопес дель Барко. Позже в его состав включили севильского коррехидора (судью) Диего де Мерло и лиценциата Феранда Янеса де Лобона — обоих в качестве приемщиков имущества еретиков. Пока трибунал готовился приступить к работе, из Севильи начался исход маранов. Но первым актом трибунала был эдикт, предписывающий всем дворянам Кастилии арестовать бежавших из Севильи новохристиан и в течение пятнадцати дней передать их в руки севильских властей. В противном случае сеньоры подлежали отлучению от церкви как пособники еретиков, и их имущество конфисковывалось. Эдикт возымел свое действие; число арестованных оказалось столь велико, что тюрьма при монастыре Сан-Пабло, где поначалу обосновался трибунал, не смогла их вместить, и заседания пришлось перенести в крепость Триану, знаменитую мрачными башнями и подземными темницами.

Для предотвращения побегов маранов из Севильи у городских ворот была поставлена инквизиторами особая полиция; беглецам грозила смертная казнь. Но не все мараны видели свое спасение в бегстве; нашлись и такие, кто решил оказать вооруженное сопротивление. Во главе их встал Диего де Сусан, один из влиятельнейших людей Севильи, имущество

которого оценивалось в десять миллионов мараведи. Но заговор маранов, задумавших убить инквизиторов, не удался, так как дочь Сусана сообщила о нем своему возлюбленному, а тот донес инквизиторам. Сусан и другие видные мараны Севильи были арестованы.

Следствие было скорым. Замысел убить инквизиторов не мог быть отнесен к компетенции инквизиционного трибунала, ведавшего лишь дела о ереси, чем, по существу, не был этот заговор. Тем не менее Сусана и его подельников судили именно инквизиторы и вынесли им смертный приговор, словно это были еретики, не желавшие каяться в своих грехах.

6 февраля 1481 года состоялось торжественное аутодафе, на котором сожгли шесть человек. Во главе процессии шел Алонсо де Охеда, увидевший наконец осуществление своих давнишних мечтаний. Через несколько дней он умер от чумы, унесшей в Севилье около 15 000 человек. В том же феврале состоялось второе аутодафе, на котором сожгли трех маранов, в том числе Диего де Сусана.

После этого было решено устроить особое место для сожжения еретиков — кемадеро; остатки его сохранились в Севилье по сию пору. В четырех углах кемадеро находились статуи библейских пророков, сделанные на пожертвования некоего Месы. Впоследствии, однако, оказалось, что этот Меса был иудействующим, и его сожгли на том самом кемадеро, которое он так великолепно изукрасил.

Третье аутодафе в Севилье состоялось 26 марта 1481 года; в пламени погибли семнадцать новообращенных, втайне исповедовавших еврейскую религию: среди них было пять монахов, три священника и один очень известный проповедник по имени Сабариего. С ужасом народ взирал на деятельность инквизиторов, все более и более убеждаясь, что они не щадят ни знатных, ни богатых. Из-за чумы инквизиторы вынуждены были переселиться из Севильи в деревню Арасену, но это не помешало их деятельности. Там они приговорили к сожжению 23 маранов, в том числе несколько женщин, и, кроме того, распорядились выкопать трупы многих еретиков, которые также были торжественно сожжены.

До 4 ноября 1481 года, то есть в течение девяти месяцев, в Севилье и Арасене сожгли 298 человек и еще 79 приговорили

к вечному тюремному заключению; само собой разумеется, что имущество осужденных конфисковывалось. От страшного трибунала нигде нельзя было найти спасения, и неудивительно, что он стал внушать смешанный с отвращением ужас даже многим христианам, в жилах которых не было ни капли еврейской крови. Со всех сторон слышались жалобы на действия инквизиционного трибунала, и все чаще высказывалась мысль, что маранам надо дать возможность покаяться в грехах и примириться с церковью.

«Срок милости и прощения» — время, в которое грешник мог раскаяться, — издавна был в обычае церкви. Теперь под влиянием общественного мнения решено было воскресить его и провозгласить «льготные дни» для маранов. Желающим покаяться и примириться с церковью предстояло подвергнуться тяжелым, большей частью денежным, наказаниям, позору публичного отречения от своих грехов на аутодафе, лишению всего или большей части имущества и опасности стать рецидивистом-еретиком при малейшем подозрении в сочувствии иудейству после примирения с церковью; кроме того, кающиеся должны были дать клятву, что не скроют от инквизиторов ни одного иудействующего еретика и выдадут всех вероотступников и еретиков, как лично им известных, так и тех, о существовании которых до них дошли какие-либо слухи. Так инквизиторы выстраивали шпионскую систему; «льготные дни» стали для маранов ловушкой, в которой под страхом смерти вырывались у людей самые ужасные доносы на близких людей: сын доносил на отца, жена на мужа, брат на брата, друг на друга. Но поначалу мараны доверчиво шли каяться в своих грехах; на одно аутодафе они явились в количестве 1500 человек.

Как только объявленный «срок милости и прощения» кончился, трибунал издал эдикт, в силу которого, под страхом отлучения от церкви, христиане должны были в течение трех дней известить инквизиторов обо всех известных им иудействующих еретиках. Чтобы люди знали, что представляет собой ересь иудействующих и какие деяния еретиков подлежат доносу, были опубликованы 37 пунктов, по которым можно узнать иудействующего еретика: 1) если еврей, принявший христианство, ждет Мессию или говорит, что Он еще

не пришел, а придет, чтобы искупить евреев и освободить их из плена, в котором они находятся, для того, чтобы повести их в обетованную землю; 2) если возродившийся через христианство снова впадает в еврейскую религию; 3) если кто-либо заявляет, что закон Моисея столь же действителен, чтобы спасти нас, как и закон Иисуса Христа; 4) если кто блюдет субботу из уважения к закону, от которого он отказался, что доказывается тем, что он в субботний день надевает чистую рубаху или более праздничную одежду, чем в другие дни, или покрывает стол чистой скатертью или не зажигает света в своем доме с пятницы; 5) если кто из мяса животных, которым питается, удаляет известные части; 6) если кто до убийства животного исследует, не содержит ли нож, которым он его зарезал, каких-либо дефектов, а после убийства покрывает кровь песком, произнося при этом принятые у евреев слова; 7) если кто ест мясо в постные дни, не считая, что он при этом грешит; 8) если кто блюдет великий еврейский пост, известный под различными именами, всего более под названием иом-киппур, и совпадающий с десятым днем еврейского месяца тишри; если в этот день кто-либо ходит босиком или произносит вместе с евреями еврейские молитвы, а в особенности просит в эту ночь прощения у евреев; если какой-либо отец благословляет в этот день своих детей, положив на их голову руку, не осенив себя крестом, а лишь произнесши слова: будь благословлен Богом и мною; 9) если кто постится в день королевы Эстер, празднующийся в месяце адар; 10) если кто соблюдает пост тиша-беаб, то есть девятый день месяца ава, в память двукратного разрушения еврейского храма; 11) если кто постится дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, как того требует Моисеев закон, если он в эти дни не ест мяса, делает омовение тела накануне, снимает ногти и стрижет волосы и сохраняет их или бросает в огонь; если кто произносит молитвы, то опуская, то поднимая голову, обратившись лицом к стене после того, как он помыл руки водой, смешанной с песком, надел на себя известное платье и подвязался определенным кушаком; 12) если кто празднует праздник опресноков и по утрам в эти дни ест дикую петрушку, салат или другие какие-либо овощи или растительность; 13) если кто соблюдает праздник Кушей или

шатра, который начинается в 15-й день месяца тишри; 14) если кто празднует праздник Ханука, который начинается 25-го числа месяца кислев, в память борьбы Маккавеев; 15) если кто за столом произносит молитву по еврейскому обычаю; 16) если кто пьет вино кашер, считая позволительным для себя пить лишь такое вино, которое было изготовлено лицами, исповедующими еврейскую религию; 17) если кто произносит славословие, взяв в руки полный кубок вина, и прежде, чем дать выпить из бокала всем присутствующим, читает определенные слова; 18) если кто ест мясо от животного, убитого лишь евреем; 19) если кто ест те же сорта мяса, что и евреи, и сидит с ними за одним столом; 20) если кто поет псалмы Давида, не заканчивая их кратким славословием*; 21) если, из уважения к законам Моисея, женщина не является в церковь в течение сорока дней после родов; 22) если кто совершил над собою или над своим сыном обряд обрезания; 23) если кто дал своему сыну еврейское имя, то есть имя, которое обычно носят евреи; 24) если кто-либо, крестив своих детей, затем отмывает водой ту часть головы, которая была помазана святым елеем; 25) если кто на восьмой день рождения опускает новорожденного в ведро, куда налил воды и насыпал золота, серебра, жемчугов, хлебных и ячменных зерен, как это делают евреи, произнося при этом известные молитвы; 26) если кто при рождении ребенка изучает гороскоп и исследует дальнейшую судьбу новорожденного; 27) если кто при вступлении в брак соблюдает еврейские обряды; 28) если кто накануне или в день своего отъезда устраивает для своих родных или друзей прощальный обед или обед расставания; 29) если кто носит на себе известные имена (в виде надписи), употребляемые обычно евреями; 30) если кто, изготавливая хлеб, берет часть теста и бросает ее в огонь в знак жертвы по примеру евреев, которые приносят в дар Богу первые плоды; 31) если кто при приближении смерти отвернул голову от стены или если кто придал умирающему такое положение: 32) если кто обмывал или заставил обмывать тело под мышками и другие части, если он одевал его в новый саван, рубаху, плащ, надев также ему сапоги, если он под голову положил ему подушку

* Христианская молитва, обращенная к Троице.

из свежего песка, а в рот вложил какую-либо монету; 33) если кто, обращаясь к мертвецу, произносит над ним похвальное слово или грустные стихи; 34) если кто в доме покойника или в ближайших домах вылил из кувшинов и других сосудов всю воду, как то делают евреи; 35) если кто, оплакивая покойника, садится на пол, ест рыбу и масло вместо мяса; 36) если кто в течение года после смерти родного человека не выходит из дому в знак траура по нем; 37) если кто похоронил покойника в свежей земле или на еврейском кладбище.

При таких обстоятельствах деятельность севильского трибунала, как легко понять, должна была принять широкие размеры; со всех концов Испании к нему поступали доносы, свидетельствовавшие о большом распространении ереси и доказывавшие необходимость введения инквизиции и в других частях государства. Однако возможное расширение поля деятельности инквизиции вызвало недовольство со стороны лица, от которого меньше всего можно было ожидать какого-либо протеста на этот счет. Речь идет о папе Сиксте IV. Видя, что обогащается королевская казна, а Римская курия не получает никаких выгод, он всячески стремился под тем или иным предлогом отменить действие буллы 1 ноября 1478 года.

29 января 1482 года папа обратился к Фердинанду и Изабелле с буллой, в которой порицал деяния севильского трибунала, заключающего в тюрьму ни в чем не повинных людей, подвергающего ужасным пыткам мнимых еретиков и конфискующего имущество лиц по одному лишь недобросовестному доносу. Папа заявил, что необдуманно издал буллу о введении инквизиции и хотел бы сместить инквизиторов Мигеля де Морильо и Хуана Сан-Мартина, однако не делает этого из уважения к королевской чете, но предупреждает, что в случае новых жалоб на инквизиторов он поступит с ними согласно закону. При этом папа отказал Фердинанду в его просьбе устроить экстраординарные инквизиционные трибуналы в других частях Испании.

Осуждение Сикстом первых шагов деятельности инквизиции часто приводится как доказательство того, что Рим не сочувствовал ее введению и что он даже боролся против

нее. Мнение это защищается весьма энергично католическими историками. Испанская инквизиция, утверждают они, есть дело рук государства, а не церкви. Она имела в виду чисто политические, а не церковные цели; она обогащала не папскую, а королевскую казну. С помощью инквизиции, не щадившей самых знатных грандов, восторжествовал королевский абсолютизм, конечная цель Изабеллы и Фердинанда; инквизиторы, дескать, были простым орудием королевского абсолютизма.

В этих утверждениях много преувеличений. Фактически абсолютизм восторжествовал в Испании до и помимо инквизиции. Важнейшие реформы в судебном-административном ведомстве Кастилии были сделаны Изабеллой независимо от переговоров с Римской курией; королевская «аудиенция», высшее судебное учреждение Кастилии, отчасти напоминавшее французский парламент, также получила свой окончательный характер до торжества инквизиции. Фердинанд без всякой помощи со стороны инквизиции уничтожил крепостное право в Каталонии и объявил крестьян лично свободными, удержав за ними право на земельные участки по уплате выкупа в размере трех солидов ежегодной ренты, с отменой уголовной юрисдикции сеньоров и с подчинением крестьян непосредственно королевской власти. Тот же Фердинанд нанес сильнейший удар феодализму, когда сам сделался гроссмейстером духовно-рыцарских орденов Сантьяго, Калатравы и Алькантары, — опять-таки без всякого отношения к учреждению инквизиции. Наконец, святая эрмандада, главнейший оплот королевского абсолютизма, тоже стала действовать до введения инквизиции. Словом, торжество абсолютизма в Испании было обеспечено независимо от инквизиции, которая могла иметь разве лишь косвенное влияние на победу принципа абсолютной монархии.

Не останавливаясь перед преследованием даже самых знатных грандов, складываясь по примеру других органов управления в строго централизованную организацию, получая для своих деятелей содержание из королевской казны и составляя как бы часть высшего совета в государстве, инквизиция неизбежно вызвала представление о могуществе монархической

власти. Но не следует забывать, что широкое развитие инквизиции как органа, беспощадно и безжалостно вырывающего с корнем всякую ересь, сделалось возможным в Испании лишь благодаря долгой, упорной и беспрестанной пропаганде католической церковью идей фанатизма и религиозной ненависти. Церковь долгие годы подготовляла почву для роста этого — вначале совершенно чуждого Испании — растения.

Папа Сикст IV не ограничился буллой от 29 января. Менее чем через три месяца, 18 апреля 1482 года, он снова резко выступил против инквизиции; на этот раз он имел в виду ее действия в Арагонии. В новой булле папа говорил, что с некоторого времени арагонские инквизиторы руководствуются в своих действиях по отношению к обвиняемым не религиозным усердием, а жадностью к деньгам; поэтому очень много истинных христиан без всяких законных доказательств бросаются в тюрьмы, подвергаются пыткам и объявляются еретиками и даже упорствующими в своей ереси; у них конфискуют имущество, а сами они передаются в руки светской власти для того, чтобы над ними была совершена смертная казнь. Во избежание подобного рода действий Сикст IV потребовал, чтобы впредь в инквизиционном трибунале заседали только представители епископа, а кроме того, чтобы имена доносителей и обвинителей, равно как и содержание обвинений и свидетельские показания, становились известны обвиняемым; чтобы последним дана была возможность свободно защищаться в рамках закона, иметь адвокатов и советников, осведомленных о ходе процесса. Арестованные, заявлял папа, должны содержаться лишь в епископских тюрьмах, и на всякое постановление суда может быть сделана апелляция Римской курии. Наконец, всякий чувствующий себя виновным в ереси может путем исповедания перед инквизитором или епископским служителем очистить себя от вины, и в этом кающемся должно быть выдано особое свидетельство. Все, что находилось в противоречии с этой буллой, отныне считалось недействительным, в том числе и прежние папские буллы.

По существу, булла от 18 апреля вступала в резкое противоречие с прошлым католической церкви. До этого времени,

начиная с XIII века, инквизиция считала достаточным для преследования еретика доноса, и вся дальнейшая процедура инквизиционного трибунала заключалась в том, чтобы исторгнуть у обвиняемого признание вины при полном лишении его законной защиты, сокрытии имени обвинителя и невозможности ссылаться на свидетелей, могущих говорить в его пользу; с давних пор было также установлено, что сознание вины и покаяние освобождают только совесть, но не спасают от суда. Этим приемам булла от 18 апреля, казалось, хотела положить конец.

В истории преследования ереси должна была, таким образом, начаться новая эра — эра справедливости и права, когда инквизиционные трибуналы функционируют публично и открыто, когда в них обеспечиваются в рамках обычного закона права обвиняемого и когда есть гарантия справедливого суда. Если бы Сикст IV, публикуя буллу, искренне хотел улучшить судопроизводство инквизиции и внести в него луч гласности, то дальнейшая история Испании приобрела бы совершенно иной характер. Но папа, похоже, и не думал всерьез реорганизовать инквизиционные трибуналы и заменять новыми судами старые, вызывавшие, по его же словам, бесконечные жалобы. Для него булла от 18 апреля была лишь тактическим приемом, с помощью которого он надеялся вырвать из рук Фердинанда столь выгодное в финансовом отношении дело. Доказательством этому служит то, что почти одновременно с осуждением инквизиции в Арагонии папа разрешил учредить такой же трибунал в Кордове, Хаэне и Сьюдад-Реале.

После издания буллы папа приказал генералу доминиканского ордена Сальво Касете лишить монаха Гаспара Хуглара права назначать инквизиторов по указанию Фердинанда. В ответ на это разгневанный король отправил 26 апреля 1482 года Касете письмо, где писал, что назначенные с его согласия инквизиторами в Арагоне Гуальбес и Ортс исполняют свои обязанности добросовестно; посему он не может согласиться на их смещение, вызванное интригами новохристиан, желающих заменить их лицами менее суровыми и справедливыми. Если же папа Сикст IV, поддавшись, несомненно, чарам хитрых маранов, готов переступить границы закона, то король

считает своим долгом ему в этом препятствовать. 13 мая Фердинанд обратился с письмом уже к папе; он просил оставить за Гаспаром Хугларом право назначать, по указанию короля, инквизиторов или предоставить то же право другому доминиканцу; в любом случае, писал король, он не позволит, чтобы в его владениях кто-либо занимал должность помимо его воли.

В течение пяти месяцев папа оставлял этот вызов Фердинанда без ответа, а король действовал по-своему. Наконец энергичная деятельность Фердинанда вывела Сикста из состояния бездействия, и 9 октября 1482 года он опубликовал бреве о готовности вступить в переговоры с королем относительно выработки правил для арагонской инквизиции. К сожалению, не сохранилось никаких документов о ходе этих переговоров. Известно лишь, что они тянулись целых двенадцать месяцев и закончились полной победой Фердинанда. Король получил не только право назначения по собственному усмотрению доминиканца, в свою очередь назначавшего инквизиторов, но и ближайший контроль над инквизицией и право конфискации имущества еретиков. 17 октября 1483 года папская булла санкционировала торжество Фердинанда; причем в ней папа заявил, что предоставлением королевской власти указанных прав он честно исполнил свои обязанности в качестве главы Римской церкви.

Фердинанд и Изабелла поспешили воспользоваться плодами своей победы. Еще до обнародования буллы от 17 октября был учрежден Высший совет инквизиции, известный обыкновенно под именем Супремы — *la Suprema*; во главе этого учреждения был поставлен великий инквизитор, который имел право самостоятельно назначать и смещать инквизиторов. Пост великого инквизитора был прежде чужд инквизиции, всецело зависевшей от Рима. Он назначался королем и утверждался папой. Впоследствии одна должность разделилась на две — великого инквизитора и президента Супремы; иногда их занимал один человек, но иногда два разных человека, и так как границы власти этих лиц не были установлены, между ними происходили недоразумения. Великий инквизитор мог иметь также и заместителей или передавать полномочия судить еретиков другим членам Супремы.

В состав Супремы входили несколько духовных лиц и обыкновенно два члена государственного совета. Главными ее задачами считались выработка общих правил для отдельных трибуналов и контроль над их действиями; она также служила посредником между ними, окончательно решала спорные и наиболее сложные процессы, заведовала финансами инквизиции и нередко посылала для ревизии одного из своих членов в тот или иной провинциальный трибунал. Супрема имела также право приостановить уже начатый в провинции процесс и потребовать к себе все делопроизводство; причем вмешательство ее порой выглядело мелочным. В случае разногласия судей в инквизиционном трибунале относительно вины еретика решение вопроса всегда зависело от Супремы, которая и выносила окончательный приговор. Нередко, нужно отдать Супреме справедливость, она заменяла смертную казнь каким-либо иным, менее тяжелым наказанием.

Вмешательство Супремы в дела отдельных трибуналов не заканчивалось утверждением и вынесением приговоров — к ней поступали просьбы о помиловании со стороны примирившихся с церковью и покаявшихся в грехах. Супрема могла при этом помиловать даже тех, кому провинциальный трибунал отказал в милости. Кроме того, от Супремы зависели награды отличившимся инквизиторам.

Особенно энергично проявлялся контроль Супремы в денежных делах. В 1517 году отдан был приказ генеральным откупщикам посылать в кассу Супремы налоги, которые до того времени поступали в кассу провинциальных трибуналов. От этого распоряжения севильский трибунал пострадал на 500 тыс. мараведи, кордовский на 103 тыс. Супрема претендовала не только на эти обложения, но и на обычные доходы трибуналов, идущие от конфискации и штрафов еретиков. Как только какой-либо трибунал арестовывал богатого еретика, Супрема немедленно требовала от него денег. Часто также Супрема посылала одному трибуналу требование оказать материальную помощь другому. Например, когда изгнание морисков в 1609—1610 годах подорвало доходы Валенсии, Гранада и Севилья были вынуждены отправить ей по 1000 дукатов.

Аппетиты Супремы постоянно росли, пока в 1629 году король Филипп IV не настоял, чтобы ему представили подробный отчет о состоянии ее кассы. После долгих проволочек Супрема представила следующие цифры: каждый член Супремы духовного звания получал 500 тыс. мараведи, светского звания — 166 тыс., секретарь и главный приемщик по 200 тыс. Цифры эти были совершенно неверны: на самом деле великий инквизитор получал 1 452 920 мараведи, духовный член Супремы — вдвое меньше, светский — третью часть от этой суммы; общее жалованье членов и обслуживающего персонала Супремы составляло 10 043 527 мараведи, что было приблизительно в десять раз больше, чем в середине XVI века. В 1635 году бюджет Супремы равнялся 13 350 275 мараведи, а в 1657 году — уже 18 500 000 мараведи.

Глава четвертая Организация новой инквизиции

Первым великим инквизитором стал Томас Торквемада. Он родился в 1420 году в небольшом испанском городе Торквемада, в семье, давшей выдающегося духовного деятеля кардинала Хуана Торквемаду. Томас был родным племянником Хуана, чью славу ему суждено было впоследствии затмить. В петиции, поданной толедскими маранами в 1449 году Лопе де Барьентосу, епископу Куэнки, и перечислявшей аристократические испанские фамилии, в жилах которых течет еврейская кровь, упоминается, между прочим, и имя Хуана Торквемады. Если это правда, то первый великий инквизитор, с именем которого связано столько горьких для евреев воспоминаний, был еврейского происхождения.

Еще юношей Томас Торквемада приобрел большую известность благодаря своему суровому образу жизни, непреклонному характеру, строгому благочестию и необыкновенному красноречию. Горячий изобличитель ереси, Томас в резких выражениях клеймил тайных и явных врагов католической веры и своими смелыми выступлениями пленял народные массы. Толпы богомольцев спешили к юному аскету-проповеднику. Своих многочисленных приверженцев Торквемада

подкупал не только пламенным красноречием, искренностью убеждений и глубокой верой в осуществление своего идеала, но и удивительным бескорыстием, выразившимся в том, что он, несмотря на многочисленные, весьма лестные и выгодные предложения занять высокий пост в духовной иерархии, упорно отказывался от всяких титулов и почестей, предпочитая оставаться простым проповедником-доминиканцем небольшого сравнительно монастыря в Вальядолиде. Лишь в 1459 году, то есть 39 лет от роду, Торквемада согласился наконец принять звание приора в монастыре Св. Креста в Сеговии — с этого момента, собственно, и началась его карьера, так как эта обитель была излюбленным местом паломничества кастильской аристократии, не исключая и королевской семьи. Вскоре Томас был назначен духовником инфанты Изабеллы, будущей королевы. Разумеется, суровый аскет из Сеговии стремился заручиться поддержкой светской власти, которая одна только и могла повести святое дело искоренения ереси в тех грандиозных размерах, о которых он мечтал. Горячо защищая притязания Изабеллы на королевский трон, Торквемада в действительности ратовал за собственный свой идеал.

При вступлении Изабеллы на престол он, казалось, по-прежнему оставался чужд всякого честолюбия, отказываясь от архиепископского звания и кардинальской шляпы. Это особенно выделяло его из массы жадного к почестям и титулам испанского духовенства и создавало ему славу бескорыстно преданного религии проповедника, тем более что в своих обличениях он не останавливался ни перед чем, обрушиваясь подчас и на самых высокопоставленных представителей светской и духовной власти. Однако под личиной скромности Торквемада таил смелый план: он рассчитывал стать выше епископов и других членов духовной иерархии — он мечтал получить особые полномочия и возглавить борьбу с ересью. В качестве инквизитора он обнаружил необыкновенные организаторские способности, удивительную выдержку, не знавшую границ жестокость и поражавшее всех хладнокровие. Из его рук не ускользал ни один еретик; никакой грешник не мог рассчитывать на снисхождение или милосердие, когда в трибунале заседал Торквемада. Если принять во внимание, что наряду с этими качествами Томас отличался глубокой

преданностью королевской семье, то станет вполне понятно, почему Фердинанд, мечтавший установить единство религии, и Изабелла, стремившаяся искоренить в своей стране безбожие, остановили свой выбор на Торквемаде, когда дело дошло до выбора великого инквизитора. Точная дата его назначения не известна; большинство историков считают началом деятельности Торквемады в этом качестве середину сентября 1483 года.

С получением звания великого инквизитора в Торквемаде произошли значительные перемены: прежний аскет, не евший никогда мяса и не носивший иного платья, кроме простой рясы, стал жить в богатых хоромах, окруженный многочисленной челядью; в его распоряжении находились 250 вооруженных пехотинцев и 50 кавалеристов. Боясь своих многочисленных врагов, Торквемада старался не выезжать без свиты и всегда имел у себя на столе «рог единорога», защищавший его от отравления. Бывший бессребреник, отказавшийся от архиепископского звания, не брезговал теперь, несмотря на запрет доминиканского ордена обладать какой-либо собственностью, богатствами осужденных еретиков и копил огромные суммы, стекавшиеся к нему от людей, которые добровольно являлись в инквизиционные трибуналы, чтобы покаяться в прегрешениях. Правда, средства эти шли большей частью на богоугодные дела: так, Торквемада потратил много денег на постройку роскошного монастыря Св. Фомы Аквината в Авиле, на увеличение и украшение монастыря Св. Креста в Сеговии и на различные учреждения своего родного городка, — тем не менее все это мало напоминало сурового и скромного проповедника в Вальядолиде. Уже первые шаги Торквемады свидетельствовали о том, что его вмешательство в дела правосудия будет безгранично и что всякий оправдательный приговор встретит в нем непримиримого врага. Когда, например, трибунал в Медине при рассмотрении одного дела, в котором участвовало много лиц, вынес некоторым из обвиняемых оправдательный приговор и послал его на утверждение Торквемады, тот отдал приказ заключить в тюрьму оправданных и держать их там до нового суда, которым должен был руководить специально посланный для этой цели инквизитор. Обвиняемые снова

были брошены в темницу, подверглись пытке, и в конце концов посланец Торквемады вынес двум из них обвинительный приговор, но остальных все-таки оправдал. Казалось, что на этот раз оправдание войдет в законную силу, однако постановление вторичного суда тоже не пришлось по вкусу великому инквизитору, желавшему, чтобы все преступники были сожжены. Он приказал в третий раз арестовать виновных, перенес трибунал из Медины в Вальядолид и достиг своей цели: несчастные взошли на костер.

Одной из важнейших своих задач Торквемада считал выработку общих правил, которыми должна руководствоваться инквизиция. Для этой цели в ноябре 1484 года королевским ордонансом в Севилье были собраны «инквизиторы, теологи, люди образованные и добросовестные». Собрание, проходившее под председательством Торквемады, приняло следующие правила.

«1) Вновь назначаемые инквизиторы, прибывая на место, созывают в главной церкви духовенство, архиепископа, коррегидора, рехидоров или муниципальных чинов, а также губернатора, чтобы принять от них клятву верности.

2) В главной местной церкви вывешивается объявление, где перечисляются все те меры наказания, которые угрожают лицам, совершившим преступление, входящее в категории ереси или вероотступничества, а также не явившимся добровольно перед инквизиторами, чтобы покаяться в течение срока милосердия, и также тем, которые будут сопротивляться проведению в жизнь определенных Святым Трибуналом мер.

3) Срок милосердия продолжается 30 или 40 дней, и в течение этого времени еретики должны явиться, чтобы примириться с церковью; этому примирению должны предшествовать наказания для спасения души. Этими наказаниями, однако, не могут быть ни смертная казнь, ни вечное заточение, ни полная конфискация имущества, потому что их величествам королю и королеве угодно милостиво поступать с теми, которые в надлежащее время и добровольно каются в своих грехах.

4) Добровольные покаяния в срок милосердия должны делаться письменно в присутствии инквизиторов и секретаря; виновные должны ответить на все вопросы, касающиеся ха-

рактера их покаяния, времени их впадения в грех, числа их сообщников, а также привести имена тех, кого они считают еретиками или подозревают в ереси.

5) Добровольно покаявшийся не может получить тайного очищения от греха, оно всегда должно сопровождаться публичным наказанием, за исключением тех случаев, когда о преступлении никто ничего не знал и весть о нем может привести к нежелательным последствиям.

6) Еретики должны быть провозглашены нечестивцами, они не могут занимать никакой государственной и общественной должности, иметь какую-либо бенефицию, быть прокурорами, аптекарями, бакалейными торговцами, докторами, хирургами, брадобреями, торговыми маклерами, перевозить или продавать золото, серебро, кораллы, жемчуг, драгоценные камни, шелковые вещи; они не могут также ни одеваться, ни временно носить шелкового платья, обладать оружием, лошадьми; нарушение этого постановления равносильно вероотступничеству и влечет за собой смертную казнь. В таком же положении находятся и лица, примирившиеся с церковью, но не принявшие наложенных на них наказаний.

7) Чтобы показать, как велико преступление ереси и вероотступничества, до какой степени нераскаявшиеся в этом грешат против Нашего Господа Бога Иисуса Христа, следует присуждать их к сожжению или вечному заключению с конфискацией всего их имущества.

8) Те, которые добровольно сознаются в своих грехах, должны, помимо наложенных на них инквизиторами денежных или иных штрафов, часть своего имущества предоставить на богоугодное дело; оно будет употреблено на священную войну, которую король и королева ведут против мавров Гранады. Эти дары будут рассматриваться как благочестивое и заслуживающее похвалы дело.

9) Если добровольное покаяние будет сделано после истечения срока милосердия, то кающийся не может избежать конфискации имущества или вечного заточения — наказаний, которые были бы наложены на него за вероотступничество или ересь.

10) Если еретики, о которых стало известно Святому Трибуналу, покаются в своих грехах во время самого процесса,

когда уже известны показания свидетелей, но еще приговор окончательно не вынесен, то они допускаются к примирению с церковью, но должны быть осуждены на вечное заточение. Однако в том случае, когда форма, в которой сделано покаяние, а также другие обстоятельства, суждение о которых всецело зависит от одних лишь инквизиторов, дают инквизиторам основание думать, что покаяние было принесено не чистосердечно, виновные должны рассматриваться как упорствующие еретики, и как таковых их следует выдать светской власти для исполнения над ними смертного приговора.

11) В акте присоединения к церкви инквизиторы должны точно указать время, когда кающийся впал в грех, для того, чтобы все приобретенное еретиком с момента его греховности было конфисковано в пользу фиска.

12) Дети обоего пола моложе двадцати лет, введенные в заблуждение отвратительными примерами ереси своих отцов или других людей, являясь перед Святым Трибуналом, чтобы покаяться в своих грехах, подвергаются легкому наказанию и в том случае, если признание было сделано после срока милосердия.

13) Если после добровольного признания в грехах окажется, что кающийся хвастал тем, что он скрыл от инквизиторов некоторые или многие преступления, или если из дальнейших расследований будет установлено, что кающийся в действительности совершил больше преступлений, чем сознался, то он должен быть арестован и судим как лживый еретик.

14) Если обвиняемый продолжал отрицать свою вину даже после опубликования свидетельских показаний, то его следует судить как упорствующего еретика.

15) Если против обвиняемого, который отрицает свою вину, имеется полудоказательство, он должен быть вторично подвергнут допросу; если он во время пыток сознается и потом подтвердит свое признание, то он осуждается как еретик, у которого вырвали признание; если он после пытки берет назад свое признание, он вторично подвергается пытке или присуждается к необычному наказанию.

16) Обвиняемым запрещено выдавать показания свидетелей, разрешается лишь знакомить их с общим содержанием

показаний, причем следует избегать того, чтобы обвиняемые догадывались, кто именно давал против них показания.

17) Инквизиторы сами, по мере возможности, должны вести допрос обвиняемых.

18) Заявления или признания обвиняемого во время пытки должны приниматься инквизитором или, если он не может при этом присутствовать, особым комиссаром, который знакомит инквизитора с их содержанием.

19) Если обвиняемый, получив приглашение, не является на суд, он должен быть осужден как еретик, грех которого установлен.

20) Если на основании книг уже умершего человека или по его поведению можно доказать, что он был еретиком, он должен быть судим и осужден как таковой; тело его следует извлечь из земли, а все его имущество, несмотря на то, что оно уже досталось его наследникам, конфисковать в пользу государства.

21) Инквизиторы могут распространять свою юрисдикцию на вассалов сеньоров; если последние отрицают подобного рода право, то на них налагаются различные наказания.

22) Если осужденный на смерть еретик оставляет несовершеннолетних детей, то государство, в виде особой милости, выдает им небольшую часть конфискованного имущества, а инквизиторы должны отдавать детей на воспитание в духе истинной религии людям, в которых они уверены.

23) Если покаявшийся во время срока милосердия еретик не подвергался конфискации имущества, но имел богатства, перешедшие к нему от человека, имущество которого было за его ересь конфисковано, то на них не распространяется освобождение от конфискации, хотя таковое касалось всего имущества покаявшегося.

24) Если имущество покаявшегося не подверглось конфискации, его христиане-рабы должны получить свободу; королевская милость дается кающемуся грешнику лишь под этим условием.

25) Инквизиторы, равно как прочие служители инквизиционного трибунала, под страхом отлучения от церкви не должны брать подарков от обвиняемого; виновные в получении таковых помимо отлучения лишаются должностей, платят

штраф в размере двойной стоимости полученного, а также возвращают владельцу полученное.

26) Все служители инквизиции должны жить между собою в мире и согласии, старшие не должны быть горды по отношению к младшим; всякого рода же недоразумения великий инквизитор рассматривает без огласки и мирно улаживает.

27) Инквизиторы должны строго следить за тем, чтобы их подчиненные исполняли добросовестно и неуклонно свои обязанности.

28) Все, не получившее решения в названных пунктах, предоставляется на усмотрение инквизиторов».

Несмотря на полноту и строгость этих инструкций, Торквемада вскоре счел нужным дополнить их целым рядом новых правил:

«1) В каждом округе, где понадобится впредь введение инквизиции, и в округах, где она уже введена или вводится теперь, должны находиться два инквизитора и хороший ассессор — непременно ученые люди с хорошей репутацией, добросовестные и с выдающимися способностями; при них должны состоять альгвасил, прокурор, нотариусы и прочие требующиеся для инквизиции должностные лица, которые также выбираются из среды образованных и усердных людей. Вышеназванным инквизиторам и должностным лицам причитается определенное жалованье. Никто из вышеназванных лиц не должен, под страхом отрешения от должности, присваивать себе какие-либо права и выгоды, истекающие из декретов и распоряжений, которые они будут издавать по своей должности; также воспрещается инквизиторам предоставлять своим близким должности при инквизиции.

2) В Риме должно быть назначено лицо с хорошим образованием и усердием для заведывания делами, касающимися инквизиции в Испании, а вознаграждение этому лицу должно выдаваться из имущества, конфискованного за преступления в ереси и вероотступничестве и принадлежащего их величествам.

3) Вследствие того, что папой Сикстом IV было издано несколько бреве, булл и разъяснений, направленных против инквизиции и ее служителей, их величества повелевают распространить по всему государству предписания, которы-

ми воспрещается приводить в исполнение вышеназванные бреве до тех пор, пока король и королева не выяснят истину через самого папу, ввиду невозможности предположить, чтобы святой отец желал повредить делу святой католической веры. Вышеназванные предписания не будут опубликованы до тех пор, пока не выяснится, издаст ли теперешний папа Иннокентий III какие-нибудь буллы во вред святой инквизиции.

4) Инквизиторы и духовные лица, работающие при инквизиционных трибуналах, могут обратиться к папе с просьбой, чтобы король и королева назначали их в некоторые церкви в своем государстве на первые должности.

5) Желая оставить имущество всем тем, которые совершили преступление, впад в ересь, но вернулись в срок милосердия на путь истины, их величества повелевают, чтобы примирившиеся с церковью имели право взыскивать все суммы, какие когда-либо причитались им в виде долга, и чтобы казна не удерживала также движимое и недвижимое имущество, которое продано, отдано, подарено ими или отнято у них ранее обращения; но их величества повелевают также, чтобы вышеназванные примирившиеся с церковью впредь не имели права продавать, отчуждать и закладывать свое недвижимое имущество без особого разрешения их величеств, которые желают предварительно быть осведомлены, как эти лица хранят святую католическую веру и действительно ли они обратились в нее.

6) Их величества не считают желательным возвращать имущество еретикам и вероотступникам, вернувшимся в лоно истинной церкви после истечения срока милосердия, и утверждают за собою право собственности на все имущество осужденных и снова обратившихся к вере еретиков с того дня, как они совершили преступление, впад в ересь, а казна их величеств имеет право требовать имущество, проданное или отчужденное вышеуказанными лицами тем или иным способом, и отказаться от уплаты долгов, какие могут быть у этих лиц по прежним обязательствам. Но из милосердия и любви к подданным, которые добросовестно совершали сделки с вышеназванными еретиками, их величества повелевают считать эти сделки действительными при условии, чтобы

законность их была подтверждена верными свидетелями или достоверными документами; если же кто-либо совершит обман или подлог в отношении подобной сделки в ущерб казне или явится причастным к такому обману или подлогу и если это лицо является примирившимся с церковью, то оно будет наказано ста ударами и железным клеймом на лице; если же это преступление будет совершено лицом, не примирившимся с церковью, то, хотя бы это был христианин, оно лишается всех своих прав и должностей, и дальнейшая судьба его зависит от милости их величеств.

7) В случае, если какой-нибудь дворянин даст в своих владениях приют еретикам, бежавшим из страха перед инквизицией из городов, местечек и с государственных земель, и затем потребует причитающейся ему уплаты долгов, когда-либо сделанных скрывавшимися в его владениях еретиками, то казначей обязан не платить ему вышеупомянутых долгов, а оценщик конфискованного имущества обязан не отдавать распоряжения об уплате долгов до тех пор, пока вышеупомянутый дворянин не вернет всего, что вышеупомянутые еретики принесли с собой в его владения, так как все это принадлежало и принадлежит их величествам.

8) Их величества повелевают также, чтобы ни один казначей из тех, на обязанности которых лежит принятие и хранение конфискованного за преступления имущества, не конфисковывал имущества какого-либо еретика или вероотступника без особого распоряжения инквизиторов; когда же такое распоряжение будет дано, то конфискация должна производиться альгвасилом в присутствии нотариуса инквизиции и секретаря казначея, чтобы каждый из них составил протокол о конфискации; секвестрированное имущество ставится под охрану местных жителей, и казначей не имеет права трогать его до тех пор, пока лицо, которому принадлежало это имущество, не будет осуждено или объявлено вновь присоединенным. Их величества также повелевают, чтобы при производстве секвестрации при казначее непременно находился альгвасил для наблюдения за правильностью процесса.

9) Если среди секвестрированного таким образом имущества окажется что-либо, что может испортиться от хранения, как, например, хлеб, вино или что-нибудь подобное, то казна-

чей обязан позаботиться вместе с инквизиторами о том, чтобы все это было продано с публичного торга и чтобы вырученная от продажи сумма была приложена к вышеупомянутому секвестрированному имуществу, находящемуся во власти вышеупомянутых лиц. В случае, когда какое-нибудь недвижимое имущество должно быть сдано в аренду, вышеупомянутые инквизиторы должны распорядиться о том, чтобы конфискатор вместе с казначеем сдал его в аренду с публичного торга.

10) Казначей не должен продавать никакого имущества или получать деньги или какое-либо другое имущество, кроме конфискованного и принадлежащего казне; притом делать он это должен только в присутствии двух нотариусов, чтобы каждый из них записал имущество и деньги, которые получит казначей.

11) Каждый конфискатор должен принимать и хранить имущество еретиков, живущих только в его округе, а не принимать имущества еретиков из других инквизиционных округов. В случае же, если какой-нибудь казначей узнает о конфискованном за преступление каким-нибудь казначеем имуществе, принадлежащем по праву другому казначею, то об этом должно быть немедленно донесено.

12) Казначей должен выдавать инквизиторам и прочим служителям инквизиции жалованье вперед по третям года, чтобы им было чем кормиться и чтобы не было основания принимать подношения. Началом их службы считается тот день, когда они впервые вышли из дому по делам инквизиции. Казначей также оплачивает все то, что, по мнению инквизиторов, способствует преуспеянию дела, как, например, вечное тюремное заключение арестованных и прочие дела и издержки.

13) Все распоряжения инквизиторов заносятся ими в особые книги для выяснения истины в случае появления каких-либо недоразумений.

14) Вопросы, не выясненные здесь подробно, предоставляются на усмотрение инквизиторов; если встретятся вопросы, которые, по мнению последних, могут быть разрешены ими без испрашивания мнения их величеств, то пусть поступают они соответственно тому, как повелевают им Бог, закон и совесть. В серьезных же вопросах они обязаны немедленно написать их величествам и мне, дабы их величества приказали

поступить, как подобает служению Господу Богу Нашему для возвеличения Святой католической веры и утверждения христианства».

Но и это было еще не все. В 1485 году Торквемада отправил инквизиторам новые инструкции, имевшие целью определить, в чем должен заключаться «образ действия инквизиторов»:

«Немедленно по приезду в то место, где должна действовать инквизиция, инквизиторы издают эдикт с назначением срока в тридцать, сорок или сколько им покажется нужным дней, чтобы все местные жители, оказавшиеся виновными в ереси или вероотступничестве, могли добровольно прийти и чистосердечно покаяться, рассказывая все, что они знают, не только про себя, но и про других людей, впавших в такое же заблуждение. Люди эти должны быть приняты милосердно; а именно, когда они покаются в своих заблуждениях по всем правилам, на них должно быть наложено публичное или тайное покаяние в зависимости от характера или степени преступления, по усмотрению инквизиторов, а также денежный штраф, который уплачивается ими в определенный срок верному лицу; инквизиторы или нотариусы обязаны сообщить об этом королю — нашему повелителю — или мне, как Генеральному инквизитору, для израсходования этих денег на войну и на прочие благочестивые дела, а также для уплаты жалованья инквизиторам и прочим лицам, причастным к Святой Инквизиции. Остальное имущество — движимое и недвижимое — оставляется покаявшимся; если они занимали какие-либо должности, то лишаются их до тех пор, пока не выяснится их образ жизни, а именно: действительно ли они хорошие христиане. Если же выяснится, что они исправились, то они могут снова занять прежние должности — в случае, если оные окажутся свободными, — или другие, подобные им.

1) Если после назначенного инквизиторами срока явится с покаянием кто-нибудь, кто не явился в срок не из страха или презрения, а по болезни или по какой-либо другой уважительной причине, то к таким лицам следует относиться милосердно, как указано в первом наставлении. Если же ко времени, когда они явятся с покаянием, эти лица уже призывались к трибуналу или против них существуют улики, то

они не пользуются никакими правами в отношении своего имущества; тем не менее инквизиторам предписывается относиться к ним милосердно, насколько разрешают это закон и их совесть, в зависимости от степени и характера преступления.

2) Если лицам, принесшим подобное покаяние, причитается получить деньги по каким-либо долгам, то должники обязаны уплатить эти долги без препятствия со стороны казны; если какое-нибудь имущество подобных лиц было продано, то сделки по продаже считаются действительными и не должны встречать каких-либо затруднений со стороны казны. Но если у этих лиц были рабы-христиане, то они должны быть отпущены на волю, а если эти рабы окажутся проданными, то купившие их люди не имеют права задерживать их, а должны отпустить на волю, причем получают обратно с продавцов стоимость рабов.

3) Если явившиеся с покаянием лица утаят часть правды о своих заблуждениях и о заблуждениях своих единомышленников и впоследствии будет доказана вся истина, то эти лица будут считаться уклоняющимися ослушниками и нечистосердечно покаявшимися, а потому не только не будут пользоваться никакими из вышеназванных милостей, но даже подвергнутся суровому наказанию соответственно установленному порядку.

4) Ни один приемщик инквизиции не должен конфисковывать имущество какого-либо еретика или вероотступника без специального письменного приказа инквизиторов; секвестрованное имущество передается в руки не приемщика, а какого-нибудь верного лица, причем секвестрация производится приемщиком совместно с альгвасилом инквизиции и в присутствии двух нотариусов; вознаграждение нотариусам уплачивается из имущества еретиков, хотя бы они вернулись впоследствии на путь истины. Размер вознаграждения определяется инквизиторами.

5) Если кто-либо окажется удалившимся и унесшим свое имущество из данной местности ранее опубликования эдикта о милосердии и явится в течение срока, указанного данным эдиктом, принося покаяние в своих грехах, то такое лицо пользуется в отношении своего имущества всеми правами, какие указаны в статье первой. Если же такое лицо не поже-

дает явиться в течение указанного срока, то с ним поступают соответственно закону.

6) Мероприятия против живых людей отнюдь не должны препятствовать принятию мер против умерших. Тела лиц, умерших еретиками или евреями, должны быть вырыты для предания их сожжению, что дает казне право секвестрировать их имущество.

7) Приемщик не имеет права продавать или получать какое-либо имущество иначе, как в присутствии двух нотариусов, назначенных либо королем, либо инквизиторами. Каждый из этих нотариусов записывает отдельно принимаемое приемщиком имущество и цену, по которой оно продается, дабы составить впоследствии расчет по этим книгам.

8) Приемщик обязан уплачивать инквизиторам и служителям этого святого дела жалованье вперед по третям года, чтобы им было чем кормиться и чтобы не было повода принимать какие-либо подношения.

9) Инквизиторы должны непрестанно доносить королю и мне обо всем, что происходит в их округе.

10) Все распоряжения инквизиторов должны быть записаны нотариусами инквизиции для выяснения истины в случае надобности.

11) Инквизиторы и ассессор должны действовать сообща и согласно в делах правосудия и во всем, что касается инквизиции, так, чтобы отдельно ни инквизитор без ассессора, ни ассессор без инквизитора не могли принять ни одной меры; если же они совершат что-либо отдельно, то такой акт будет считаться недействительным.

12) Инквизиторы и все должностные лица инквизиции должны иметь жительство вместе в одном доме, чтобы инквизиторы и ассессор могли писать совместно о делах инквизиции, когда это потребуется.

13) Ни одно должностное лицо инквизиции не имеет никаких прав по своей должности, ради чего король приказывает выдавать служителям инквизиции приличное вознаграждение, и впредь он не оставит их своею милостью, если они будут исполнять свои обязанности и не будут принимать никаких подношений; если же окажется, что какое-либо должностное лицо не исполняет вышеизложенных требований, то оно ли-

шается своей должности и подвергается взысканию, определяемому инквизиторами. О каждом подобном случае должно быть сделано донесение его величеству королю, чтобы он мог назначить новое должностное лицо; до тех же пор, пока король и я не назначим новое лицо, освободившаяся с уходом преступного лица должность должна быть временно замещена кем-нибудь другим по усмотрению инквизиторов.

14) Все остальное, касающееся Святой Инквизиции, предоставляется на доброе усмотрение инквизиторов, которые должны действовать согласно тому, как им повелевают Бог, закон и совесть. В случае же, если явится что-нибудь, требующее особого разрешения короля, то они должны написать ему, и все будет сделано, как подобает для служения Господу Нашему Иисусу Христу, возвеличения Его Святой веры и утверждения христианства».

Практически инквизиция действовала следующим образом. По прибытии в какую-либо местность с целью открыть постоянный инквизиционный трибунал или ознакомиться лишь с состоянием умов ее жителей инквизиторы публиковали особый вероисповедный эдикт, коим принуждались к доносам все жители данной местности, знавшие что-либо о еретических мыслях, словах или поступках живших и живущих здесь людей. Недонесение считалось пособничеством вероотступничеству и каралось отлучением от церкви, а также иногда денежным штрафом, доходящим временами до конфискации всего имущества. Вероисповедный эдикт наводил страх на целые округа и превращал мирных жителей в доносчиков; часто неосторожно сказанное слово влекло за собой тяжелые последствия, и даже самые близкие люди доносили друг на друга. Особенно грозные размеры принимало доносительство со стороны заключенных, которые думали этим путем спастись от дальнейших наказаний; донос, однако, нисколько не смягчал вины еретиков.

Как только трибунал получал донос, начиналось тайное следствие, сопровождавшееся обычно созывом свидетелей, которым, однако, не ставился прямо вопрос: что знают они о вине данного лица? Вместо этого инквизиторы обычно заставляли свидетелей говорить об известных им вообще еретиках, что приводило нередко к доносам на новых людей,

а иногда свидетель превращался в обвиняемого, так как изобличался в недонесении. Альгвасил являлся в дом находящегося под подозрением в сопровождении одного или двух служителей трибунала; если подлежащий аресту находился в другом инквизиционном округе, то один трибунал списывался с другим, и еретика отправляли — разумеется, за его счет, — в округ того трибунала, который взял на себя инициативу преследования. Если обвиняемый бежал, то в погоню за ним посылались стража. Иногда для ареста видного лица прибегали к хитрости. Так, в 1561 году священник Доминго де Бальтанас был приглашен приором сопровождать его в севильский трибунал; как только они переступили порог здания инквизиции, Бальтанас был арестован и заключен в тюрьму. Если обвиняемый умирал во время следствия, то процесс не прекращался, и в защиту памяти его, если налицо не было никаких родственников, выступал особый куратор.

Допрос начинался присягой, что виновный будет говорить одну лишь правду; затем устанавливалась личность обвиняемого, причем особенно подробно рассматривалась его генеалогия, есть и были ли у него в роду еретики или представители нечистой крови, то есть мавры и евреи; так как исследование генеалогии по восходящей линии производилось до очень далеких ступеней, то обвиняемые часто сами не знали, не течет ли в их жилах нечистая кровь, и нередко по неведению нарушали присягу. Затем инквизиторы подробно расспрашивали обвиняемого о его жизни и знакомствах, что иногда давало в руки инквизиции обильную добычу. Собственно допрос после этих формальностей, имевших, однако, большое значение, начинался вопросом: знает или догадывается ли обвиняемый, за что он предстал перед трибуналом?

Для огромного большинства обвиняемых этот вопрос был камнем преткновения: боясь выдать себя, люди сбивались, и чем больше они запутывались, тем искуснее действовали опытные судьи, то изобличая обвиняемого во лжи, то вызывая его на откровенность и на вовлечение в дело все новых и новых соучастников.

За первым допросом следовали еще два. Обвинительный акт составлялся прокурором; он состоял из большого введения, где обычно говорилось о ереси вообще, а затем перечислялись

пункты, служившие обвинением против данного преступника. В камеру подсудимому посылали копию обвинения и предоставляли ему право избрать защитника, с которым, однако, он мог совещаться лишь в присутствии ведущего следствия инквизитора; в круг обязанностей адвоката входило добиваться от обвиняемого признания, и поэтому многие отказывались от защитников.

Имена свидетелей не только скрывались, но делалось так, чтобы обвиняемый не мог угадать, кто дал показания против него. С этой целью обвиняемому не сообщалось ни времени, когда свидетель узнал о преступлении, ни места, где он видел или слышал о еретике; мало того, часто свидетельские показания умышленно искажались. Показания в пользу обвиняемого ему не сообщались, так как они могли отвратить его от признания вины. Обвиняемый мог указать трибуналу, к каким новым свидетелям следует обратиться, чтобы узнать о его невинности; обычно трибунал охотно исполнял такие пожелания и собирал новые показания, которые, однако, не читались обвиняемому.

Если виновность обвиняемого не могла быть доказана или невинность не была очевидна, то прибегали к пытке — при условии, что за пытку высказывалось большинство трибунала. Наиболее частыми формами пытки были: связывание веревками, пытка водой, поднимание кверху и быстрое опускание вниз. Ни возраст, ни пол не могли освободить приговоренного от пытки, но иногда от нее освобождали по болезни. Беременность не считалась достаточным поводом для избежания пытки, хотя по отношению к беременным пытка иногда откладывалась. В камере пыток обвиняемому напоминали о необходимости говорить правду как до начала пытки, так и перед каждым ее усилением. Обычно пытка продолжалась час или полтора, а признание влекло ее прекращение. Нотариус записывал каждое слово пытаемого. На следующий день обвиняемый должен был подписаться под тем, что нотариус занес в протокол; отказ от данных накануне показаний влек за собой продолжение пытки. Нередко обвиняемые во время пытки умирали.

В отношении пытки не было привилегированных классов, и самые могущественные гранды подвергались ей, как и ра-

бы; к духовенству старались применять более мягкие формы пытки; кроме того, обычно представителей духовенства пытал служитель церкви, а не светское лицо. Обыкновенно пытку производил инквизиционный алькальд, но бывало и так, что эту обязанность брал на себя городской палач. Так, в Мадриде с марта по август 1681 года городской палач получил от трибунала 44 дуката за 11 случаев пытки, то есть по 4 дуката за каждую. Если пытка ни к чему не приводила, и еретик упорно продолжал настаивать на своей невинности, то он, согласно закону, должен был быть оправдан и освобожден. На деле же после безрезультатной пытки обвиняемого очень редко отпускали на свободу. Инквизиция, как правило, не желала сознаваться в своей ошибке, а потому налагала на тех, кто выдержал пытку, в противоречии с законом и с логикой самые разнообразные наказания. Так, в 1628 году Андреса де Фонсека два раза безрезультатно пытали и после этого приговорили к десяти годам изгнания и 500 дукатам штрафа. Теодора Паула после пытки была наказана шестью годами изгнания и 300 дукатами штрафа.

По окончании пытки назначался день суда, в котором участвовали все инквизиторы данного округа, епископ или его делегат, а также советники суда. Епископ и советники осведомлялись о сущности процесса кратким резюме, которое составлял прокурор. Со временем число советников, которое сначала доходило до двенадцати, стало уменьшаться, и постепенно трибунал превратился в заседание двух-трех инквизиторов; бывали случаи, когда один инквизитор представлял собой весь трибунал.

Для вынесения приговора необходимо было не только абсолютное большинство, но чаще единогласие. Иногда чтение приговора продолжалось очень долго: так, в Кордове 13 мая 1545 года приговор мнимой святой Магдалине де ла Крус начали зачитывать в 6 часов утра и закончили в 4 часа пополудни. Еретик узнавал о приговоре часто лишь за несколько часов до его приведения в действие, когда к нему в камеру являлся тюремщик, чтобы одеть его в надлежащую одежду; этим фактически отнималась у него возможность апеллировать к Супреме. Впрочем, у приговоренных к смертной казни такая возможность была: их оповещали об ожидавшей их участи прежде дня

аутодафе, чтобы они могли путем исповеди и покаяния спасти свою грешную душу.

Наиболее тяжелой формой наказания была выдача еретика в руки светской власти. Инквизиция этим как бы заявляла, что ей с преступником делать нечего, так как душу спасти его уже нет возможности, и светской власти остается лишь казнить еретика. Слова инквизиции при выдаче еретика, что с ним следует поступать великодушно, были простым лицемерием. Выдача означала сожжение на костре; правда, тех, кто после произнесения приговора каялся, не сжигали заживо: их раньше душили, а затем уже жгли мертвое тело. На первых трех аутодафе в Барселоне, происходивших в 1488—1489 годах, сжигали только задушенных еретиков; на большом аутодафе в Вальядолиде 21 мая 1559 года, когда к смерти были приговорены четырнадцать лютеран, заживо сожгли лишь одного; в 1571 году в Логроньо из 47 приговоренных к смерти живыми взошли на костер лишь четверо; в 1722 году в Гранаде всех одиннадцать осужденных сначала задушили, а потом сожгли. Когда обвиненный в иудействе Антонио Габриэль де Торре Савальос на аутодафе в Кордове в 1722 году покаялся после произнесения приговора и стал умолять судей, чтобы его — ради искупления греха — живым возвели на костер, ему в этом отказали; правила есть правила — и его, прежде чем сжечь, задушили.

Гибель была неизбежным уделом тех, кто отрицал свое преступление, несмотря на то, что оно, по мнению трибунала, не подлежало сомнению; такие отрицатели приравнивались к упорным еретикам. Та же участь постигала и тех, кто давал неполные показания; так, в 1606 году мориск Эрнандо де Пальмо был обвинен толедским трибуналом в соблюдении маврских обычаев. Эрнандо отрицал свою вину и подвергся жестокой пытке, но ни в чем не признался. Суд счел его невиновным, но прежде чем Эрнандо об этом сообщили, он попросил вызвать его на дополнительный допрос, на котором сказал, что действительно лет семь-восемь назад исполнял маврские церемонии, не зная, что они маврские. Трибунал увидел в этом новое преступление: дескать, Эрнандо во время первых допросов и пытки дал неполные показания, и несчастного приговорили к сожжению. Кроме того, смертной казни

подвергались рецидивисты и те, кто, сознавшись в своем преступлении, потом брал обратно свое признание. Ни на какую милость не могли рассчитывать также ересиархи, то есть учителя ереси, которые, не довольствуясь гибелью своей души, вовлекали в пучину преступлений и души других людей.

Если еретик до произнесения приговора каялся и просил о помиловании, то ему, если только еретик не был рецидивистом, давалось право присоединиться к церкви. Почти всегда возвращение в лоно церкви происходило на публичном аутодафе и сопровождалась большой торжественностью; впрочем, оно не отвращало наказания, так как присоединение к церкви касалось лишь его души. Прежде всего подлежало конфискации все его имущество, переходившее к инквизиции; также ему грозило многолетнее или даже пожизненное тюремное заключение; наконец, на него распространялся ряд ограничений гражданского характера. Некоторым утешением для присоединившегося могло служить то, что его дети и внуки в отличие от потомства приговоренных к смерти еретиков не оказывались под тяжестью гражданских ограничений.

Недостаток в тюрьмах, а также желание использовать рабочую силу привели к тому, что вечное заточение часто заменялось ссылкой на галеры. Инициатива в этом принадлежала Фердинанду и Изабелле, которые просили об этом Рим, и 26 мая 1503 года папа Александр VI известил инквизиторов, что он предоставляет право заменять вечное заточение другим наказанием: ссылкой в колонии, галерными и иными работами. После этого арестантов в массовом порядке стали отправлять на галеры, и уже в 1506 году Супрема была вынуждена указать трибуналам, что лица старше 60 лет, женщины и духовные лица на галеры посылаться не могут. Фердинанд, по-видимому, стал чувствовать в последние годы жизни угрызения совести по поводу своей инициативы, и когда в 1513 году к нему обратились с предложением послать на галеры всех приговоренных к тюремному заключению, он ответил, что не стоит отправлять еретиков на галеры, так как они не будут там иметь возможности раскаяться. Король Филипп II, наоборот, неоднократно просил инквизицию отправлять на галеры как можно больше людей. Откликаясь на его пожелание, Супрема в 1567 году отправила трибуналам распоряжение, чтобы, во-первых, при-

говаривали к галерным работам на срок не менее трех-четырёх лет, а во-вторых, чтобы тюремное заключение почти всегда заменялось галерными работами. Лишь приблизительно с середины XVIII века приговор к галере постепенно начинает исчезать из приговоров инквизиции.

Частым наказанием также были розги; чаще всего назначалось двести ударов. На аутодафе 6 июня 1585 года в Сарагосе из 79 преступников 22 получили розги, в 1607 году в Валенсии 24 из 47, в Толедо с 1575 по 1610 год этому наказанию подверглись 133 человека. В списке служителей инквизиции в Мурсии в 1746 году фигурирует «нотариус розог», что свидетельствует о том, что это наказание часто пускалось в ход. От розог не спасали ни пол, ни возраст: тринадцатилетняя Изабелла Контери подверглась 7 января 1607 года ста ударам за исламскую ересь; к тому же количеству ударов был приговорен за колдовство Франсиско Маркино 86 лет от роду. Преступники приводились на аутодафе в одной лишь нижней рубахе, с веревкой на шее. В XVIII веке публичное сечение становится все более и более редким явлением, а с 1814 года, хотя к розгам и приговаривали, в исполнение приговоры не приводили.

Менее тяжелым наказанием, нежели розги, считалось «выставление на позор». Иногда таким людям, дабы они не проносили никаких речей, пока стоят у позорного столба, в рот вкладывали кусок железа. На большом аутодафе в 1559 году в Севилье с таким кляпом во рту стояли двенадцать человек; столько же людей выставили на позор в 1680 году в Мадриде.

Еще более легким наказанием было ношение особой одежды — санбенито; причем, составляя самостоятельное наказание, оно вместе с тем служило спутником всех других наказаний. Впервые к ношению санбенито в течение года в 1486 году приговорил 200 человек толедский трибунал. В 1490 году Торквемада издал приказ, чтобы покаявшиеся после начала суда всю жизнь носили черное или серое санбенито с красными крестами спереди и сзади. Впрочем, были разные виды санбенито: великий инквизитор Хименес ввел в употребление андреевский крест, на санбенито у приговоренных к смерти изображали дьявола, картины ада, языки пламени и т. д. Санбенито с написанными на них именами преступников вывешивали в церквах; из-за этого потомки еретиков часто меняли

фамилии. В 1572 году в Фрехенале, где население состояло из новообращенных и сами священники имели в своих жилах много «нечистой» крови, санбенито из церкви были украдены, однако инквизитор Монтоо на основании инквизиционных отчетов составил список осужденных в Фрехенале еретиков, и санбенито с их именами снова были повешены на видном месте.

Если против обвиняемого оставалось подозрение, он должен был искупить его посредством отречения, которое происходило обычно на аутодафе. В зависимости от степени подозрения отречение могло быть «легким» (*abjuratio de levi*), «сильным» (*abjuratio de vehementi*) и «формальным» (*abjuratio de formali*). Впавший после «сильного отречения» в грех считался рецидивистом и подлежал смерти; совершение греха или преступления после «легкого отречения» не считалось рецидивом, влекущим за собою смертную казнь, — в этом и заключалось главное различие между двумя видами отречения. Крайне редко отречение не сопровождалось другими наказаниями — иногда это были изгнание из города, заточение в монастырь, денежный штраф и т. п. Изгнание составляло и самостоятельное наказание: под запрещение попадали целые области страны, грандам иногда запрещалось жить в столице, известны случаи изгнания только из королевского дворца.

Аутодафе, на которых одновременно было предано смертной казни значительное число человек

Город	Дата	Сожжены заживо	Примечания
Сьюдад-Реаль	23 и 24 февраля 1484 года	30	Кроме того, 40 <i>in effigie</i> *.
Сьюдад-Реаль	4 августа 1484 года	42	Все евреи.
Толедо	24 мая 1488 года	21	Кроме того, 400 человек, все евреи, подверглись различным наказаниям.

* В изображении (*лат.*). Выражение возникло из обычая сжигать изображение преступника в случае его недостижимости.

Кордова	5 января 1492 года	34	В том числе семь женщин и двое in effigie.
Кордова	25 марта 1507 года	107	На аутодафе «с большой радостью» присутствовал Фердинанд.
Мадрид	13 сентября 1560 года	29	Казнены были очень богатые люди.
Вальядолид	19 июня 1489 года	22	В том числе четверо in effigie; это было первое аутодафе в Вальядолиде.
Севилья	19 июля 1501 года	45	
Майорка	30 июня 1691 года	37	Все евреи, из них 34 были сначала задушены.
Майорка	2 июля 1691 года	38	Кроме того, семь in effigie.

Глава пятая Первые шаги новой инквизиции

Деспотизм Торквемады вызвал недовольство даже в рядах инквизиции. За год пребывания в качестве великого инквизитора он отстранил от дел почти всех инквизиторов, назначенных Сикстом IV. На собрании в 1484 году в Севилье из инквизиторов, назначенных до вступления во власть Торквемады, присутствовали только двое; остальные были новые лица, ставленники Торквемады. Судя по тому, что в 1486 году папа ограничил право Торквемады смещать назначенных им инквизиторов, следует заключить, что между ним и великим инквизиторов велась из-за этого права борьба. Так, по сути, продолжался старый спор между Римом и Мадридом из-за обладания контролем над инквизицией. 23 февраля 1487 года Иннокентий VIII назначил севильским инквизиторов Мигеля де Морильо, противника Торквемады, и неудивительно, что это вызвало возмущение великого инквизитора. Тогда папа временно отстранил от должности Мигеля де Морильо и другого севильского инквизитора Хуана де Сан-Мартина и тут же, также временно, отнял право назначать инквизиторов у Торквемады.

Это был момент высшего напряжения борьбы, и чаша весов все более склонялась на сторону врагов Торквемады. 7 января 1488 года Хуан де Сан-Мартин был назначен севильским инквизитором и стал получать инструкции непосредственно из Рима, как будто он совершенно не зависел от Торквемады. Смерть де Сан-Мартина в 1489 году, казалось, дала Торквемаде шанс на успех, но уже через два года он получил новый удар. Папа назначил Мигеля де Морильо генеральным инквизитором Кастилии и Арагонии, тем самым, в сущности, поставив его в одинаковое с Торквемадой положение. Но на этом папский престол не остановился — 4 ноября 1494 года Александр VI под предлогом преклонного возраста Торквемады назначил еще четверых генеральных инквизиторов с такими же полномочиями, как у Торквемады. При этом формально Торквемада продолжал занимать первенствующее положение, и от его имени публиковались инструкции трибуналам.

Многочленное генеральное инквизиторство продолжалось в течение ряда лет, постепенно, со смертью того или иного генерального инквизитора, сокращаясь. В 1496 году умер Иньиго Манрике, в 1498 году — Франсиско де ла Фуэнте, и на их места никто не был назначен. В том же 1498 году умер и Торквемада. Великим инквизитором стал Диего Деса, епископ Хаэна. При этом генеральным инквизитором оставался Алонсо Суарес де Фуэнтельсас, назначенный на эту должность в 1494 году, но он мало вмешивался в дела инквизиции. В 1504 году умерла королева Изабелла, и произошло временное разделение Испании на два королевства — Кастилию и Арагон. Поэтому когда Деса подал в отставку, были назначены в июне 1507 года два великих инквизитора — Хименес для Кастилии и Хуан Энгера для Арагона. В дни правления Хименеса главное инквизиторство было разделено между двумя лицами — между ним и арагонским инквизитором, но в 1518 году, когда Хименес умер, арагонский инквизитор кардинал Адриан Утрехтский (будущий папа Адриан VI) стал великим инквизитором не только Кастилии и Арагона, но и Наварры, которую Фердинанд присоединил к испанской короне. С этого момента и до конца существования инквизиции Испания не знала одновременно двух и более генеральных инквизиторов.

Борьба за власть между высшими чинами инквизиции, хотя и привела к некоторой неразберихе, не нарушила деятельность

инквизиционных трибуналов. В ноябре 1484 года заработал трибунал в Валенсии. Это событие не было отмечено торжествами, как в других местах. Дело в том, что это была уже вторая попытка — первая, в мае того же года, потерпела крах из-за сопротивления местного дворянства, которое заявило, что инквизиция нарушает фуэро*, которыми издревле пользовались валенсийцы; прежде всего это касалось конфискаций. Инквизиторам угрожали расправой, и они вынуждены были убраться восвояси. Фердинанд был взбешен. Он приказал инквизиторам немедленно вернуться в Валенсию и взяться за работу, не считаясь ни с чем, что будет говорить и думать народ. При этом, однако, членам трибунала было рекомендовано, учитывая местные настроения, проявлять как можно больше милосердия, особенно по отношению к тем, кто раскался в совершенных грехах.

Таким образом, трибунал начал работу, но поначалу деятельность его была практически парализована валенсийскими властями. 17 августа 1485 года Фердинанд, раздраженный происходящим, приказал альгвасилу Кораскиеру именем короля арестовывать и бросать в тюрьму по первому требованию инквизиторов всякого дворянина, какое бы место он ни занимал. Но и это, по-видимому, не подействовало; из письма Фердинанда от 23 января 1486 года видно, что валенсийцы охотно давали приют беглецам инквизиции, даже тем, кто был осужден на смерть и сожжен *in effigie*.

Только ценой колоссальных усилий королю и инквизиции удалось сломить сопротивление валенсийцев. В ход шли, с одной стороны, угрозы, а с другой — обещания проявить невиданную для инквизиции мягкость в обращении с грешниками. Присоединившимся к церкви обещали, что их имущество не будет конфисковано, и все долговые обязательства и денежные расписки, данные им, сохраняют силу. Впрочем, дабы вознаградить себя за отказ от конфискации, инквизиторы стали накладывать на раскаявшихся грешников — под видом епитимии — значительные денежные штрафы.

Похожие события происходили в Арагоне, в столицу которого, Сарагосу, Торквемада отправил инквизиторов Гаспара

* Право, привилегия (*исп.*).

Хуглара и Педро Арбуэса. Они прибыли туда 3 мая 1484 года, и уже через неделю состоялось первое аутодафе: за совершение еврейских обрядов четверо были подвергнуты епитимии с конфискацией имущества — им поставили в вину, что они ели в пост мясо. На следующем аутодафе, 3 июня, наказание было уже серьезнее: обвиненные «в еврейской ереси» двое мужчин были отправлены на костер, а женщина, которая умерла до начала процесса своей смертью, подверглась сожжению *in effigie*.

После этого инквизитор Хуглар бесследно пропал — говорили, что его отравили мараны. Но не это стало причиной того, что аутодафе прекратились. В Сарагосе, как и в Валенсии, подняли голову противники инквизиции, причем среди них были не только новообращенные, но и «настоящие» христиане, которых возмущало тайное ведение следствия и конфискация недвижимого имущества: то и другое противоречило местным традициям. Глава высшего суда Арагона Тристав де ла Порта заявил, что инквизиция нарушает права народа. К Фердинанду была направлена депутация, чтобы просить его прекратить действие в Арагоне инквизиционного трибунала. Фердинанд принял депутацию крайне холодно, заявив, что сам он является простым орудием церкви и всего лишь проводит в жизнь канонические правила. Когда же депутация стала просить, чтобы инквизиция осталась в том виде, в каком была в Арагоне с давних пор, и не нарушала фуэро, Фердинанд ответил, что никто не думает о нарушении фуэро; речь, наоборот, идет об их упрочении. Если бы прежние инквизиторы действовали согласно каноническим законам и своей совести, то не было бы нужды вводить новую инквизицию. Беда заключается в том, что прежние инквизиторы были продажны. А если в Арагоне так мало еретиков, как это утверждает депутация, то, значит, там некому бояться инквизиции.

Между тем во втором по величине городе Арагона Теруэле дело шло к народным волнениям. Сюда одновременно с организацией инквизиционного трибунала в Сарагосе были отправлены инквизиторы Коливера и Наварра для устройства такого же трибунала. Муниципалитет отказался впустить их в город, и они, удалившись в близлежащую деревню Селья, выпустили манифест, которым отлучили от церкви членов муниципалитета, а городу угрожали интердиктом. Тогда теруэльцы обратились

напрямую в Рим, и папа — что не удивляет, если иметь в виду его трения с испанской короной, — прислал двух священников, уполномочив их снять как отлучение, так и интердикт, если он будет наложен. Возмущенный Фердинанд отдал приказ архиепископу Сарагосы этих священников арестовать и доставить в цепях в королевский суд. Распоряжение это, однако, ввиду настроения жителей Теруэля осталось на бумаге. Не желая обострять ситуацию, город отправил к Фердинанду депутацию. Но в ответ на просьбу отменить введение инквизиции в Теруэле депутаты услышали приказ беспрекословно повиноваться распоряжениям инквизиции; в противном случае горожанам были обещаны наказания столь тяжкие, что они навеки останутся устрашающим примером для нежелающих покориться. Отдан был также приказ губернатору Арагона отправиться в Теруэль и принять присягу у всех городских деятелей в готовности служить инквизиции; отказ сделать это должен был расцениваться как нарушение воли короля. Члены депутации Хуан де ла Мата и Мисер Хаиме Море были оставлены в Мадриде в качестве заложников; впрочем, им удалось тайком бежать, и лишь через шесть месяцев, к неописуемой радости Фердинанда, один из них, Хуан де ла Мата, был пойман.

Добиться присяги от членов теруэльского муниципалитета не удалось, и 2 октября 1484 года инквизиторы отдали приказ, которым все находящиеся на службе в Теруэле лица были признаны негодными к занятию государственных должностей; им была прекращена выдача жалованья. Одновременно инквизиторы обратились к Фердинанду с просьбой предоставить в их распоряжение светскую власть в городе. 5 февраля 1485 года король издал указ, согласно которому все чиновные лица Арагона, равно как все дворянство, вместе с находящимися в их распоряжении солдатами поступали в распоряжение инквизиции, дабы та могла арестовать виновных жителей Теруэля и конфисковать их имущество. Одновременно Фердинанд распорядился, чтобы войска из Куэнки и других кастильских городов вступили в пределы Арагона и начали там войну против врагов инквизиции. Мы не знаем, отправилось ли крестоносное войско из Кастилии в Арагон; известно лишь, что теруэльцы после этого наконец сдались. 15 апреля 1485 года Фердинанд назначил губернатором по-

корившегося города Хуана Гарсеса де Марсилью, предоставив ему диктаторские полномочия. Фактически город всецело оказался в руках инквизиторов, так как Марсилья слепо исполнял все их приказания.

Инквизиционная касса обогатилась громадными суммами: по малейшему подозрению налагались большие денежные штрафы на тех, кто в период бунта сочувствовал противникам инквизиции; немало людей вовсе лишились имущества только потому, что они считались неблагонадежными. Во время беспорядков в Теруэле близлежащие местности, в частности Селья, давали теруэльским инквизиторам займы значительные суммы, которые те обязались выплатить из конфискованных у бунтовщиков средств; этим объясняется, почему жители теруэльского округа были на стороне инквизиции.

Жестокое подавление теруэльских беспорядков вызвало крайнее недовольство в Сарагосе. У сарагосских новообращенных — в наивной надежде запугать инквизицию — возник план убить какого-нибудь важного инквизитора. Выбор пал на Педро Арбуэса, который пользовался в Сарагосе ужасной репутацией. За короткий срок он выстроил в городе систему доносительства, сделал тем самым господами положения наиболее испорченных людей. Среди заговорщиков было немало высокопоставленных людей, в том числе, между прочим, королевский казначей Габриэль Санчес. Весной 1485 года состоялось первое покушение на Арбуэса; оно оказалось неудачным и побудило инквизитора принять меры предосторожности: он стал носить панцирь под платьем и железную каску под шапкой. Но это ему не помогло: в ночь на 15 сентября Арбуэс был зарезан в церкви во время молитвы. Как позже выяснилось, трое убийц были наняты кожевником Хуаном де Эсперандеу, чей отец томился в тюрьме.

Результат убийства Арбуэса оказался противоположен тому, на какой рассчитывали враги инквизиции: инквизиторы не только не испугались, но умело использовали его в интересах своего дела. В народе был пущен слух, что евреи, мусульмане и мараны решили убивать христиан и что церкви угрожает страшная опасность. Фанатичная толпа легко в это поверила и завопила о мести. Эти настроения быстро передались высшим классам. Город пообещал 500 дукатов тому, кто укажет

бежавших убийц, а Фердинанд заявил, что не остановится ни перед какими расходами ради их отыскания. Была опубликована особая прокламация, которая отлучала от церкви всех, кто знал что-либо о заговоре против Арбуэса и не сообщил об этом инквизиционному трибуналу. А папа Иннокентий VIII опубликовал 3 апреля 1487 года бреве, в силу которого все правители, государи и судьи христианского мира должны были по указанию испанской инквизиции выдавать ей скрывавшихся в их странах беглецов и в течение тридцати дней, под страхом отлучения и обвинения в содействии ереси, доставлять их в Испанию. Инквизиция, таким образом, становилась международной. Правда, бреве это осталось лишь на бумаге, поскольку иностранные государства отказывались подчиняться требованиям испанских инквизиторов. Так, когда в 1501 году в Португалию сбежали два еретика из Кордовы, король Мануэл отказался их выдать до тех пор, пока ему не будут предоставлены доказательства виновности обоих беглецов. Им был даже учрежден особый комитет, на рассмотрение которого должны были поступать все просьбы испанской инквизиции.

После смерти Арбуэса преследование еретиков приняло в Сарагосе страшные размеры. 20 декабря 1485 года на аутодафе были сожжены Альваро де Сеговиа и Хоана Синфа. Первому было, между прочим, поставлено в вину то, что он читал сам и заставлял читать своих детей Библию на еврейском языке. Местным властям был дан приказ безжалостно подавлять всякое сопротивление конфискации имущества еретиков, и у приемщика имущества сарагосского трибунала оказалось столько работы, что пришлось назначить ему помощников. Ищейки инквизиции рыскали повсюду и в конце концов напали на след убийц Арбуэса. В Лериде был схвачен один из них, француз Дюранго, который выдал своих сообщников. Трое арестованных понесли наказание 30 июня 1486 года на аутодафе в Сарагосе. Правда, один из них, Хуан де Педро Санчес, успел бежать во Францию, и его сожгли *in effigie*. Дюранго же отрубили руки и прибили их к дверям депутатского здания; когда он умер, тело притащили на базарную площадь, разрубили на мелкие куски и разбросали по улицам. Кожевеннику Эсперандеу отрубили руки, затем, еще живому, голову и тоже разрубили тело на куски. 28 июля состоялось аутодафе еще

шести причастных к убийству Арбуэса. Один из них, Гаспар де Санта-Крус, успел бежать в Тулузу, где умер; сын его, Иеронимо, решением инквизиции отправился в Тулузу, чтобы откопать кости отца, сжечь и доставить в Сарагосу протокол об их сожжении. Жена Гаспара, тоже умершая ко времени аутодафе, была сожжена *in effigie*. Также были сожжены изображения Мартина де Сантангела и Гарсиа Лопеса, а еще двоих, Педро де Эксеа и Виоланте Руиса, сожгли живыми.

6 августа состоялось аутодафе, на котором наказанию подвергли пять евреев, 24 сентября еще одно — с десятью осужденными. 21 октября сожгли шесть человек, причем одну женщину, Марию Лабидию, за участие в заговоре против Арбуэса. 29 ноября были сожжены одиннадцать человек за следование еврейским и мусульманским обрядам. 15 декабря ожидалось сожжение помощника губернатора Арагонии Франсиско де Санта-Фе, замешанного в убийстве Арбуэса, но он прыгнул с башни, в которой был заключен, и разбился; поэтому сожгли его труп. 16 декабря разного рода наказаниям подвергли девять человек. Еще один участник заговора против Арбуэса, ла Бадиа, решил, подобно Франсиско де Санта-Фе, покончить с собой и в ночь накануне аутодафе, которое назначили на 21 января 1487 года, разбил лампу, наглотался стекла и испустил дух в страшных муках. Его тело протащили по улицам, затем отрубили руки и, по традиции, изрезали на мелкие куски. Как сообщники его были сожжены *in effigie* Педро де Альмасан, Перес Беленгер и Педро де Вера. 15 февраля сожгли шесть человек. 15 марта еще один человек, замешанный в покушении на Арбуэса, Матео Рам, был сожжен после того, как ему отрубили руки. С ним сожгли его сообщников — одного живьем и троих *in effigie*.

Разыскивая следы заговора против Арбуэса, сарагосская инквизиция по малейшему подозрению привлекала к ответственности все новых и новых людей, и аутодафе следовали одно за другим. 18 августа 1487 года на базарной площади лишили головы Мосена Луиса Сантангела — одного из руководителей убийства Арбуэса. Голова еще долго после этого красовалась на колу, а тело сожгли. На этом же аутодафе сожгли живьем женщину. Через два дня сожгли живьем троих; *in effigie* был сожжен некто Кривостан де Гелва, принявший христианство, но вернувшийся к иудейским обрядам, а затем принявший мусульманство.

В 1488 году прошла серия аутодафе в связи с арестами тех, кто отзывался о Сантангеле как о добром христианине. Затем стали наказывать тех, кто — хотя бы по слухам — сочувствовал убийству Арбуэса. На этом основании к вечному тюремному заключению был приговорен финансовый инспектор Арагонии Санчо де Патерна и еще множество людей. Всего в Сарагосе только в связи с убийством Арбуэса было подвергнуто различного рода наказаниям свыше 200 человек.

Таким образом, террор, развязанный инквизицией, сломил сопротивление Арагона. Были вырезаны почти под корень многие роды маранов. Особенно сильно пострадала знаменитая семья Сантангелов, происходившая от раввина Азария Гинильо. Носить санбенито и каяться публично на аутодафе вынужден был даже королевский казначей Луис Сантангел (двоюродный брат обезглавленного, носивший то же имя), который уговорил Изабеллу сочувственно отнестись к предприятию Колумба и сам дал на это 17 000 дукатов; как известно, первый подробный отчет о путешествии Колумб прислал на имя Сантангела. Впрочем, король, питавший к нему расположение, оградил его от дальнейших преследований.

Каталония также была недовольна введением новой инквизиции. Барселона, ссылаясь на Римскую курию, пыталась доказать, что она не нуждается в инквизиторах, посланных Торквемадой: дескать, местный инквизитор Хуан Комте сам прекрасно справляется с ересью. Но и здесь Фердинанд проявил упорство и добился от папы передачи права назначать и смещать каталонских инквизиторов. В июле 1487 года в Барселону явился назначенный Торквемадой инквизитор Алонсо де Эспина. Судя по тому, что к нему навстречу не вышли ни депутаты Каталонии, ни магистрат, ни духовенство в полном составе, можно заключить, что сопротивление введению новой инквизиции все еще продолжалось. Тем не менее 30 июля муниципальные чины принесли инквизиции присягу в верности, и король специальным письмом поблагодарил их за это.

Об аутодафе барселонского трибунала сохранился отчет его архивариуса и нотариуса Педро Мигеля Карбонеля. Первое состоялось 25 января 1488 года — на нем заживо сожгли четверых маранов и еще двенадцать *in effigie*. Затем, 23 мая, сожгли трех женщин; одна из них была женой врача короля Хуана II Бадоса.

8 августа аутодафе обошлось без костра — инквизиция ограничилась тем, что приговорила девять человек к вечному заточению. Большое аутодафе имело место 16 августа: 34 мужчины и 85 женщин прошли в санбенито по городу; их приговорили к ношению позорных костюмов в течение года. 13 мая 1489 года были осуждены четыре женщины и двое мужчин. 24 мая 1490 года 149 человек были сожжены *in effigie*. 10 июня 1491 года сожгли троих иудействующих заживо и 126 *in effigie*. 4 октября 1497 года были сожжены *in effigie* 53 еретика, 20 декабря 1501 года — опять-таки *in effigie* 20 еретиков. 17 января 1505 года навечно в тюрьму отправили четверых еретиков и двоих — товарища главного королевского казначея в Каталонии Хаиме де Касафранку и каноника Далмасио де Толосу — сожгли. 23 июня была сначала задушена, а затем сожжена жена Касафранки — донья Бланка. Хроника Карбонеля на последней дате останавливается; под конец он замечает, что работы с каждым днем все больше и больше, а выгоды от этого никакой. Большое число сожженных *in effigie* говорит о том, что, несмотря на запрещение выезжать за границу, многие еретики смогли бежать.

В ведение барселонского инквизиционного трибунала входили диоцезы Таррагоны, Вича, Героны, Лериды, Урхеля и Эльны, и повсюду, в особенности в Лериде, где сопротивление инквизиции было очень сильным, инквизиторы действовали с большим усердием. Всего при Торквемаде, то есть в 1485—1498 годах, барселонская инквизиция устроила 31 аутодафе, на которых сожгли заживо 23 человека, 15 мертвых тел и 430 беглецов *in effigie*, 116 человек отправили в тюрьму и еще 304 вынесли другие наказания.

Наименьшее сопротивление инквизиция встретила в Кастилии, где мараны, прибравшие к рукам власть, были одинаково ненавистны как грандам, так и народным массам. Возникло лишь незначительное брожение в Севилье и Толедо; остальные кастильские города отнеслись к появлению инквизиторов равнодушно. Толедская инквизиция с 1485 по 1501 год — по неполным, судя по всему, данным — осудила на смертную казнь 297 человек, сожгла *in effigie* 600, заключила в тюрьму около 200 и примирила с церковью во время срока милосердия 5200. Из сожженных заживо 297 человек 180 человек были осуждены за соблюдение еврейских обрядов и еще

117 — за то, что верили в «эррерскую пророчицу». Имеется в виду пятнадцатилетняя девушка, которая рассказывала, как явившийся Мессия взял ее на небо, где она видела всех сожженных еретиков, сидевших в золотых креслах и ожидающих возвращения на землю.

Весьма энергичной была деятельность севильского трибунала, который, если верить подсчетам секретаря инквизиции Суриты, к 1520 году отправил на костер более 4000 еретиков и осудил на различные наказания свыше 30 000 человек, не считая тех, кто сумел бежать.

Если же говорить обо всех жертвах новой инквизиции в начальный период ее существования, то здесь стоит обратиться к подсчетам испанского историка инквизиции Х. Льоренте.

Год	Сожжены		Приговорены к различным наказаниям
	живыми	in effigie	
1481	2000	2000	17 000
1482	88	44	625
1483	688 только в Севилье и Кордове	644	5725
1484	908	110	1561
1485	620	510	13 471
1486	528	264	3745
1487	928	664	7145
1488	616	308	4379

Такое усердие со стороны инквизиции вызвало панику среди маранов, и неудивительно, что они и вообще все подозрительные в религиозном смысле массами побежали из Испании. Казалось бы, инквизиция, задававшаяся целью освободить страну от еретической заразы, могла лишь приветствовать бегство еретиков, сокращающее ей работу. Но она поступала совершенно иначе: многократно издавались эдикты, запрещающие оставлять Испанию всем, в чьих жилах текла еврейская кровь, а перевозившие их подвергались штрафу в 500 флоринов. 8 ноября 1499 года архиепископ Мессины Мартин опубликовал приказ, одобренный в 1502 году великим

инквизитором, в силу которого ни один капитан или купец не имел права без особого на то разрешения переправлять за море новохристиан, будь они еврейского или маврского происхождения; нарушитель подвергался конфискации имущества и отлучению от церкви. В портовые города были отправлены специальные люди, дабы препятствовать новохристианам покидать Испанию. Таким образом, новохристиане были заперты внутри страны. Не следует, однако, думать, что это было бессмысленной жестокостью со стороны инквизиции. Ересь в глазах инквизиторов была таким же преступлением, каким является для нас самое тяжкое уголовное деяние, и как в настоящее время уголовный преступник безнаказанно не выпускается за границу и преследуется далеко за пределами той страны, где им совершено преступление, точно так же инквизиция стремилась наказать еретиков и навсегда лишить их возможности грешить.

Беспристрастие историка требует сказать, что Фердинанд иногда смягчал акты инквизиции и исправлял то, что находилось в явном противоречии с требованиями элементарной справедливости. При назначении нового инквизитора король обычно призывал его исполнять свои обязанности, как того требует совесть, — честно, умеренно, не прибегая к излишней суровости и не проявляя чрезмерной жестокости; то же писал он и приемщикам конфискуемых у еретиков имуществ. В год смерти Торквемады валенсийские инквизиторы, узнав, что в Серре несколько христианских женщин оделись в мавританские одежды, явились туда, чтобы арестовать виновных, однако найти их не сумели, так как местные мавры всячески этому препятствовали. Тогда инквизиторы решили арестовать всех мавров. Фердинанд счел это неправильным и написал великому инквизитору, чтобы он позаботился о нахождении такого метода наказания, при котором невинные не отвечали бы за преступления виновных земляков. 15 августа 1500 года Фердинанд написал инквизиторам Сарагосы об эдикте, изданном ими в Калатаюде, что, если его провести в жизнь, то в живых не останется ни один человек. Посему он счел важным напомнить им, что инквизиция существует для спасения души, а не для наказания. 5 марта 1501 года Фердинанд упрекнул барселонскую инквизицию за то, что она наложила

интердикт на город Перпиньян, поспоривший с ней в связи с уплатой арендных денег. Примеры такого рода можно продолжать долго.

Впрочем, они свидетельствуют не столько о беспристрастности короля, сколько о правильном понимании им состояния Испании того времени. Фердинанд видел, что введение инквизиции было встречено скорее враждебно, нежели благожелательно, и если он не шел ни на какие компромиссы, носившие принципиальный характер, то, с другой стороны, готов был подавлять злоупотребления инквизиции, которые могли ей вредить в общественном мнении. Имея в виду примирение общества с инквизицией, Фердинанд прибегал и к совершенно другим средствам. В 1509 году он известил инквизиторов, что треть конфискованного имущества должна предоставляться дворянам, в вассальной зависимости которых находились подвергнутые репрессиям лица. Дворяне, таким образом, стали наживаться за счет еретиков и естественно должны были сочувствовать производившимся в обширных размерах конфискации имущества богатых маранов. Это был один из самых удачных шагов Фердинанда по пути примирения Испании с инквизицией.

Другим средством успокоения дворян и привлечения их на сторону инквизиции служило назначение многих из них на вакансии, образовавшиеся вследствие привлечения к ответственности чиновников, происходивших из маранских семей. Причем сам король принимал в этом деятельное участие. 2 июля 1485 года Фердинанд назначил верных католиков, не имевших в своей крови посторонних примесей, на судебные должности, освободившиеся после еретиков в Толедо. Когда нотариус Хуан Кардона был в 1511 году ограничен в правах из-за того, что его отец Монардо Кардона (уже умерший) был признан еретиком, Фердинанд отдал занимаемую им должность нотариусу Хуану Аргенту, участвовавшему в трибунале, который признал Кардону не правоспособным занимать государственную должность.

Вообще не должно остаться впечатления, что Фердинанд часто шел навстречу жалобам пострадавших от инквизиции лиц; наоборот, гораздо чаще жалоба давала повод подозревать, что данное лицо не сочувствует деятельности инквизиции

и потому заслуживает наказания. В принципиальных вопросах Фердинанд чаще всего становился на сторону инквизиции, даже если она явно нарушала фуэро.

Он также всегда поддерживал скомпрометированных инквизиторов и не отказывал им в защите даже тогда, когда от них отворачивалась сама инквизиция. В этом отношении особого внимания заслуживает дело кордовского инквизитора Люсеро. Еще предшественник Люсеро, инквизитор Гирал, отличился тем, что за взятки освобождал осужденных от обязанности носить санбенито и вымогал деньги у маранов. Он предлагал в обмен на 2 200 000 мараведи отвести от них преследования за ересь и риск конфискации имущества. Гирал успел получить в счет этой суммы 100 000 и еще 50 000 мараведи от двух маранов за освобождение их от участия в сборе упомянутых 2 200 000 мараведи. Когда все это раскрылось, Гирала всего лишь переместили из богатой Кордовы в бедный город Авила, где он продолжил заниматься вымогательством, но уже, конечно, в меньших размерах, не останавливаясь перед получением десяти дукатов.

Но назначенный вместо Гирала в 1499 году в богатую Кордову Диего Родригес Люсеро оказался хищником еще более высокого полета. С превеликим усердием он взялся за дело, и деньги в королевскую казну потекли рекой. Фердинанд был весьма удовлетворен его деятельностью, и, когда случился конфликт между Люсеро и городскими властями, которые пытались умерить аппетит инквизитора, король всецело стал на сторону Люсеро. Поддержка Фердинанда придала Люсеро особое мужество, и начались беспримерные даже для инквизиции аресты подозрительных лиц; покончив с маранами, Люсеро взялся за христиан, в жилах которых не было ни капли «нечистой» крови. пытками он вырывал у них самые фантастические признания, на основании которых производились все новые аресты. Люсеро заявил, что раскрыл заговор с целью заменить в государстве христианство иудейством. Были арестованы 25 еврейских пророчиц, которых он обвинил в том, что они агитировали во всей стране в пользу иудаизма и против христианства, и 50 знатных христиан, в том числе несколько высокопоставленных духовных лиц, которые были объявлены ближайшими сотрудниками этих пророчиц. Молва с ужасом распространялась о страшных бедствиях, надвигающихся на

бедную Испанию, которую один лишь Люсеро может спасти. И Люсеро старался оправдывать народные ожидания. Некий Мембреке был изобличен в иудействе; тотчас было снаряжено следствие о лицах, слушавших его проповеди, и в результате 107 человек были сожжены на одном аутодафе.

Это стало последней каплей, заставившей жителей Кордовы пожаловаться великому инквизитору Диего Десе. В поданной в 1505 году петиции они писали, что доносительство и шпионство приняли в городе невероятные размеры и что ни один гражданин, как бы он ни был верен и предан религии и церкви, не чувствует себя при Люсеро в безопасности. В то же время низкие и подлые люди пользуются при инквизиционном трибунале почти неограниченным доверием, в особенности когда дело касается слежки за лучшими людьми Кордовы. Деса потребовал предъявить неопровержимые доказательства виновности Люсеро, но горожане сделать это не могли без доступа к документам инквизиции, который им, конечно же, никто не собирался предоставлять. Поэтому кордовцы истолковали ответ Десы как отказ и решили искать правду у королевской власти, но не у Фердинанда, который открыто поддерживал Люсеро, а у его дочери королевы Хуаны и ее мужа герцога Бургундского Филиппа Красивого. Дело в том, что Хуана по завещанию Изабеллы наследовала кастильский трон, который, впрочем, Фердинанд отдавать не собирался.

Филипп Красивый, который не прочь был стать кастильским королем, отнесся к петиции кордовцев весьма серьезно, поскольку увидел способ поднять свою популярность в Кастилии. 30 сентября 1505 года последовал эдикт, подписанный Филиппом и Хуаной, требовавший от Десы прекращения деятельности инквизиции до прибытия их в Кастилию. Одновременно были посланы письма грандам с просьбой оказать помощь в этом деле. Однако все распоряжения Филиппа остались лишь на бумаге. Инквизиция с ними не пожелала считаться и продолжила в Кордове, под руководством Люсеро, действовать с прежним усердием. Мало того, как раз в это время Люсеро задумал продемонстрировать свое могущество и избрал мишенью бывшего духовника королевы Изабеллы гранадского архиепископа Фернандо Талаверу.

Действующий всегда путем убеждения, бескорыстный Талавера был прямой противоположностью жадному интригану Люсеро. Арестовав какую-то женщину по обвинению в том, что она устроила в своем доме синагогу, и подвергнув ее пытке, Люсеро вырвал показания против Талаверы. Суть этих показаний сводилась к тому, что Талавера устраивал в архиепископском дворце собрания, где говорили о скором пришествии на землю Мессии для замены христианства иудейством. Вслед за этим в гранадской церкви, прямо во время богослужения, в присутствии самого Талаверы были схвачены его племянник — настоятель собора и некоторые церковные служители, затем, уже в архиепископском дворце, были арестованы сестра Талаверы, его родственницы и вся его челядь. Одно это уже бросило тень подозрения на архиепископа: раз все ближайшие лица к нему обвиняются в ереси, то и он сам не может быть совершенно чистым. Но так как вся деятельность инквизиции строилась на свидетельских показаниях, то они и стали насильно вырываться у арестованных родственников Талаверы. В письме Фердинанда (9 июня 1506 года) к Франсиско де Рохасу, королевскому послу в Риме, сказано, что основанием к обвинению Талаверы в иудаизме послужили показания его сестры, близких родственников и прислуги. Правдивость этих показаний, по мнению Люсеро, не подлежала никаким сомнениям, и инквизитор, который не мог без специального разрешения папы арестовать архиепископа, просил Фердинанда сделать в Риме через де Рохаса необходимые для этого шаги. Рохасу удалось получить разрешение папы на преследование Талаверы. Но как раз в этот момент власть в Кастилии перешла к Филиппу Красивому, на сочувствие которого так рассчитывали кордовцы.

Филипп не был принципиальным противником инквизиции, он вообще не имел четких принципов. Любитель женщин, живой и легкомысленный красавец Филипп мало заботился о делах государства своей жены Хуаны. Если он вмешивался в дела Кастилии, то только для того, чтобы насолить ненавистному тестю, которому, по-видимому, не мог простить того, что он наделил его ревнивой женой. Уже одно сочувствие Фердинанда инквизиции делало ее нежелательной в глазах Филиппа; кроме того, Филипп не забыл, что инквизи-

ция не обратила внимания на его эдикт; наконец, он понимал, что мараны и другие жертвы инквизиции охотно заплатят ему, если он их освободит от угрозы инквизиционного трибунала. По всем этим причинам жалобы кордовцев на Люсера нашли у Филиппа сочувственный отклик и были немедленно приняты к рассмотрению. Это представляло опасность для всей деятельности инквизиции в Кастилии, и Супрема поспешила отречься от Люсера. В письме Супремы капитулу Кордовы говорится, что обвинения, выставленные против Люсера, невероятны: ведь даже разбойник на большой дороге удовлетворяется кошельком своей жертвы, щадя ее жизнь, Люсера же похищает у жертвы и жизнь, и деньги, и даже честь. Лишенный покровительства духовной власти Люсера, казалось, уже погибал; он попытался отправить всех узников инквизиционной тюрьмы, которые были свидетелями его преступлений, на костер, но это ему не удалось. Свобода его висела на волоске, но в этот момент (25 сентября 1506 года) умер Филипп Красивый.

Люсера воспрянул духом и продолжил свою деятельность как ни в чем не бывало. В ответ на это 9 ноября толпа ворвалась в залу заседаний инквизиции и захватила нескольких служителей трибунала; самому же Люсера удалось бежать. Были освобождены все арестованные и отправлена депутация к королеве с просьбой сместить Десу и предать суду Люсера и всех его сотрудников. К королеве, однако, депутацию не допустили, а Деса обратился к бывшему в то время в Италии Фердинанду с просьбой взять под свое покровительство Люсера. Папа, со своей стороны, издал буллу, в которой приказывал Десе разыскать всех участников оскорбления инквизиции и должным образом наказать их. Люсера, таким образом, праздновал победу. Теперь и Талавера не должен был ускользнуть из его рук. Архиепископ предстал, с разрешения папы, перед судом инквизиции, который признал его виновным и отправил протоколы процесса в Рим для вынесения окончательного решения. Римская курия, однако, пришла к выводу о невиновности Талаверы и всех его арестованных родных, но эта радостная весть не застала уже архиепископа в живых. Он умер, не перенеся оскорблений.

Но и даже после этого Люсера удержался на своем месте; его деятельность решено было расследовать лишь после смены

великого инквизитора. 9 июля 1508 года комиссия под председательством великого инквизитора Хименеса вынесла вердикт, гласивший, что Люсеро безосновательно выносил обвинительные приговоры, а так как все эти обвинения ложны, то томящихся в тюрьмах по вине Люсеро узников следует выпустить на свободу, акты об их мнимых преступлениях уничтожить и разрушенные дома восстановить за счет правительства. Впрочем, это не означало осуждения самого Люсеро. Фердинанд всячески стремился смягчить его участь; он отправил адвокату Хуану де Ордунье письмо, прося его защищать Люсеро и следить, чтобы тому не было причинено какое-либо оскорбление. Давление короля сыграло свою роль, и все наказание Люсеро свелось к смещению с поста инквизитора Кордовы. Если столь скомпрометированные люди, как Люсеро, отделывались легким наказанием, то что говорить об остальных?

Иногда великий инквизитор или Супрема пытались бороться со злоупотреблениями отдельных инквизиторов, но попытки эти не приводили ни к каким конкретным результатам, поскольку чаще всего носили формальный характер. Так, в 1544 году инспектор барселонского трибунала доктор Алонсо Перес представил Супреме отчет, в котором писал, что все члены барселонского трибунала, за исключением одного, берут взятки, развратничают с арестованными еретичками, дерутся между собой и т. д.; особенно нечестно ведет себя фискал, присваивающий себе предметы, принадлежащие трибуналу. В ответ на это Супрема распорядилась о возвращении некоторых предметов и пригрозила более строгим наказанием в случае продолжения такого поведения. Сделанное трибуналу внушение мало изменило положение дел, и в 1550, 1552 и 1561 годах в Супрему поступили новые и более резкие жалобы на действия членов барселонского трибунала. На этот раз Супрема ограничилась временным лишением жалованья некоторых членов преступного трибунала, при этом они продолжили занимать свои места.

Велики были злоупотребления со стороны инквизиторов, параллельно своей основной деятельности занимавшихся торговыми операциями. Возникавшие на этой почве споры между инквизиторами и частными лицами рассматривались инквизиционными трибуналами, и приговоры их редко носили беспри-

страстный характер. В 1504 году великий инквизитор Деса запретил членам трибуналов под страхом немедленного удаления со службы и штрафа в 20 000 мараведи заниматься торговлей, говоря, что этим они наносят удар репутации инквизиции. Это распоряжение было прочитано в каждом трибунале на собрании всех служителей инквизиции. Мало того, оно было занесено в инструкции, носившие обязательный характер. После этого, казалось бы, служители инквизиции должны были прекратить торговую деятельность; на деле же среди них по-прежнему осталось много купцов и торговцев. В булле папы Льва X от 1 августа 1516 года повторяется то же запрещение. Но, видимо, оно не имело никакого значения, так как королевский эдикт от 9 августа 1725 года, освобождая от государственного налога служителей трибунала, прибавляет, что те из них, которые владеют недвижимым имуществом или обладают капиталом, вложенным в торговые предприятия, не подлежат освобождению от налога. Король, таким образом, признавал факт нарушения инквизицией установленных ею же самой правил.

Жертвы инквизиции за все время ее деятельности (по книге испанского историка Хоакина дель Кастильо-и-Магоне «Трибунал инквизиции», 1835)*

Великие инквизиторы	Годы	Сожжены		Приговорены к различным наказаниям	Итого
		живьем	in effigie		
Торквемада	1481**–1498	11 272	7636	95 603	114 511
Диего де Деса Тавера	1498–1507	1664	832	32 456	34 952
Франсиско Хименес де Сиснерос	1507–1517	4624	2512	45 788	52 924

* Круглые цифры в ряде случаев, а также полностью совпадающее количество жертв при разных великих инквизиторах (например, при Рокаберти и Мендосе-и-Сандовале, при Риве-Эррере и Асторге-и-Сеспедесе) говорят, несомненно, о приблизительности подсчетов, но представление об общей картине подсчеты Кастильо-и-Магоне тем не менее дают.

** Формально великий инквизитор с 1483 года.

Адриан Утрехтский	1518–1522	1344	672	26 214	28 230
Алонсо Манрике де Лара	1523–1538	2260	1125	11 250	14 635
Хуан Пардо де Тавера	1539–1545	840	420	4200	5460
Гарсиа де Лоайса	1546 (29 марта — 22 апреля)	120	60	600	780
Фернандо де Вальдес-и-Салас	1547–1566	2400	1200	12 000	15 600
Диего Эспиноса	1566–1572	720	360	3600	4680
Гаспар де Кирога-и-Вела	1573–1594	2816	1408	14 080	18 304
Иеронимо Манрике де Лара	1595 (август — ноябрь)	128	64	640	832
Педро де Портокарреро	1596–1599	184	92	1920	2196
Фернандо Ниньо де Гевара	1599–1602	240	96	1728	2064
Хуан де Суньига Флорес	1602 (июль — декабрь)	80	32	576	688
Хуан Баутиста де Асеведо	1603–1608	400	160	2888	3448
Бернардо де Сандовал-и-Рохас	1609–1618	880	352	6335	7568
Луис де Алиага Мартинес	1618–1621	240	96	1728	2064
Андрес Пачеко	1622–1626	256	128	1780	2164
Антонио де Сапата Сиснерос	1627–1631	384	182	920	1486
Антонио де Сотомайор	1632–1643	704	352	3520	4576
Диего де Арсе-и-Рейносо	1643–1665	1472	736	7360	9568

Хуан Эверардо Нитхард	1666–1669	144	48	576	768
Диего Сармиенто де Вальядарес	1669–1695	1248	416	4992	6656
Хуан Томас де Рокаберти	1695–1699	240	80	960	1280
Балтасар де Мендоса-и-Сандоваль	1699–1705	240	80	960	1280
Видаль Марин дель Кампо	1705–1709	136	68	816	1020
Антонио Ибаньес де ла Рива-Эррера	1709–1710	68	34	408	510
Франческо дель Джудиче (Хьюдесе)	1711–1716	204	102	1224	1530
Диего де Асторга-и-Сеспедес	1720	68	34	408	510
Хуан де Камарго-и-Ангуло	1720–1733	448	221	1652	2321
Андрес де Обре-и-Ларреатеги	1733–1740	238	119	1428	1785
Исидро Манрике де Лара	1742–1746	136	68	816	1020
Франсиско Перес де Прадо-и-Куэста	1746–1755	10	5	107	132
Мануэл Кинтано Бонифас	1755–1774	2	—	10	12
Фелипе Бертран Серрано	1775–1783	2	—	16	18
Августин Рубин де Севальос	1784–1793	—	—	14	14
Мануэл Абад-и-Ласьерра	1793–1794	—	—	16	16

Антонио де Лоренсана-и- Батрон	1794–1797	—	—	14	14
Рамон де Арсе-и-Рейносо	1798–1808	—	—	20	20
Франсиско Миэре-и- Кампильо	1814–1818	—	—	—	—
Иеронимо Кастельон-и- Салас	1818	—	—	—	—
Итого		36 212	19 790	289 624	345 626

Глава шестая Изгнание евреев

Единство веры, воодушевлявшее политику Фердинанда и деятельность инквизиции, понималось далеко не одинаково представителями светской и духовной власти: в то время как первые разумели под ним исповедание всеми жителями государства одной и той же религии, вторые в единстве веры видели строго тождественное исполнение всеми христианами известных религиозных обрядов, вытекающее из одинакового у всех религиозного миросозерцания. Различие взглядов обеих властей сводилось, таким образом, к тому, что Фердинанд ограничивался требованием формальной принадлежности всех подданных к христианству, а инквизиция требовала присоединения к христианству по существу, внутреннего слияния с ним.

Инквизиция, дочь католического Рима, не знала других подданных, кроме католиков. Для испанского короля существовало испанское государство, для испанской инквизиции — только католическая Испания; евреи и мавры находились для нее словно вне Испании и не составляли органической ее части, а евреи и мавры, принявшие христианство, существовали под вечным подозрением. Казалось, что инквизиция

делит жителей страны на две категории — на тех, кто достоин попечения о себе, и на тех, кто стоит вне закона.

Этим объясняется, почему с введением инквизиции в Испании остановился рост числа новообращенных. Если до этого формальный переход в христианство был связан для евреев с перспективой занять хорошо оплачиваемое или влиятельное положение в стране, если раньше он давал гарантии спокойной и мирной жизни, то теперь он означал для них вступление в класс людей, который, не удовлетворяя требованию о чистоте крови, подвергался чаще других преследованиям и вечно находился под дамокловым мечом обвинений в иудейской ереси.

Положение новохристиан при инквизиции стало во много раз хуже положения евреев, которые в качестве нехристиан не подлежали ведению инквизиции, если только не занимались прозелитизмом и не оскорбляли христианской религии, а потому неудивительно, что они не спешили становиться христианами. Этим, однако, подрывались основы политики Фердинанда, задавшегося целью иметь одну религию в пределах единого государства. Между инквизицией и светской властью возник, таким образом, конфликт на почве еврейского вопроса.

Конфликт этот носил тем более своеобразный характер, что, по существу, обе стороны одинаково были заинтересованы в возможно большем переходе евреев в христианство. Для устранения его необходимы были решительные меры, причем, разумеется, и мысли не возникало, чтобы отказаться или даже смягчить надзор инквизиции над новообращенными. Следовательно, возникла идея направить внимание в другую сторону — значительно ухудшить положение евреев, чтобы принудить их массами переходить в христианство, несмотря на опасность очутиться в качестве новообращенных в тисках инквизиции.

Но правовое положение евреев было настолько тяжелым, что трудно было придумать какие-либо новые ограничения, и сам собой всплыл вопрос об изгнании их из Испании. Уже в 1481 году, то есть почти одновременно с введением инквизиции, появился эдикт Изабеллы об изгнании евреев из Андалузии, где их было больше, чем в других местах Испании.

Эдикт этот не был приведен в исполнение; во всяком случае, в 1484 году в Андалузии, как это видно из буллы Сикста IV, евреи жили беспрепятственно. Не возымел эдикт действия, вероятно, потому, что в то время Фердинанд вел борьбу с маврами из-за Гранады и нуждался в еврейских деньгах.

Тем не менее Торквемада продолжал твердить о том, что страна должна быть очищена от тех, «кто принес столько зла миру». В народе был пущен слух, что евреи всячески оскорбляют христианскую веру, насмехаются над ее святынями и позорят дорогие ей имена. Так, утверждали, что королевский врач Рибас Альтас носил на шее золотой медальон с изображением, крайне оскорбительным для христианства, причем сам Альтас фигурировал на нем в качестве героя неприличной сцены. Медальон этот открыл престолонаследник принц Хуан и был настолько потрясен увиденным, что серьезно заболел, и только сожжение Рибаса Альтаса восстановило его здоровье. Рассказывали также, будто несколько евреев в страстную пятницу 1488 года забросали камнями находившийся на холме Гано (близ Касар-де-Паломеро) крест, но были пойманы герцогом Альбой, который сжег раввина и многих участников этого святотатства и привел крест в надлежащий вид. К этому же времени обычно приурочивается и пресловутая переписка между «принцем» испанских евреев Чаморро и константинопольцем Улиффом, которой так часто пользовались в своих интересах враги евреев и маранов. Но переписка эта была сфабрикована гораздо позже и, следовательно, не могла влиять на судьбу испанских евреев до издания эдикта об изгнании их из Испании. Венцом всех этих и подобных им инсинуаций был инсценированный Торквемадой процесс «святого дитяти из Ла-Гуардии», который вызвал в испанском обществе сильное негодование против евреев и маранов. Он завершился в ноябре 1491 года, за пять месяцев до эдикта об изгнании евреев, и повлиял, без сомнения, на решение королевской четы раз и навсегда освободить страну от еретической заразы.

Существо дела святого дитяти из Ла-Гуардии заключается в следующем. В июне 1490 года был арестован новохристианин Бенито Гарсиа, который после пыток заявил, что вместе с пятью другими маранами и шестью евреями замышлял

заговор против христианства. На основании его показаний были арестованы девять маранов и евреев (еще три еврея из названных Гарсиа к этому времени умерли). Их обвинили в том, что, во-первых, они убили трехлетнего христианского ребенка из Ла-Гуардии, во-вторых, из вырванного у мальчика сердца пытались сделать волшебное средство, дабы уничтожить не только инквизицию, но и христианство, и, в-третьих, произносили святотатственные слова, и мараны при этом принуждались евреями к соблюдению различных еврейских обрядов. Обвиняемые то энергично отрицали свою вину, то приписывали себе, не имея силы переносить дольше пытки, всевозможные преступления. Что характерно, в Ла-Гуардии и ее окрестностях в это время никто не жаловался на пропажу ребенка. В конце концов 16 ноября 1491 года обвиняемые евреи были казнены живьем, а маранов, прежде чем сжечь, удушили. В зачитанном на аутодафе решении инквизиционного трибунала особенно подчеркивалась роль в этом деле евреев. Мнимая жертва мнимого убийства была провозглашена святой, окружена ореолом мученической смерти, и ей были приписаны самые разнообразные чудотворные способности; поле, где, согласно показаниям осужденных, закопали кости ребенка, запрещено было более обрабатывать, дабы весь мир знал это место и помнил о страшном злодеянии евреев.

Евреев стали обвинять в прозелитизме и в оскорблении христианства; кроме того, говорилось, что старания инквизиции положить конец тайному иудейству и ее борьба с отпадением маранов от христианства бессмысленны, пока в стране будут существовать открытые приверженцы иудаизма. Изгнание евреев делалось, таким образом, условием успешной борьбы инквизиции. Тем более что в еврейском золоте Фердинанд теперь не нуждался: только что завоеванная богатая Гранада должна была возместить потери, связанные с прекращением притока еврейских денег. Хотя в целом, конечно, изгнание евреев из Испании с финансовой точки зрения было невыгодной операцией.

Как бы то ни было, 31 марта 1492 года Фердинанд издал пресловутый эдикт. Перед его опубликованием, когда среди евреев стал распространяться слух о готовившемся бедствии, главный раввин Авраам Сениор и бывший при Фердинанде

министром финансов Исаак Абрабанель предложили королевской чете значительную сумму денег — 30 000 дукатов, если эдикт не будет издан; утверждают, что король стал колебаться, но тут вмешался Торквемада. Войдя с распятием в руках в комнату, откуда за несколько минут до этого вышли еврейские представители, он обратился к Фердинанду и Изабелле со словами: «Иуда Искарот продал Христа за 30 сребреников, а вы желаете продать Его за 30 тысяч! Вот же Он, возьмите Его и продайте». Великий инквизитор бросил на стол распятие и покинул королевский дворец. Под впечатлением этих слов Изабелла стала настаивать на немедленном опубликовании эдикта, и Фердинанд уступил просьбам жены.

Во введении к эдикту говорится о том, что, узнав о существовании в своих государствах христиан, тайно исповедующих иудейство, за что ответственность всецело несли евреи, с которыми христиане вступали в различные сношения, король и королева издали в 1480 году распоряжение об устройстве отдельных кварталов для евреев во всех городах, местечках и деревнях в надежде, что так будет положен конец указанному злу. Также был отдан приказ инквизиции наказывать виновных, и многие уже заплатились за свою вину; однако инквизиторы и многие другие лица, как духовные, так и светские, беспрестанно доносят, что зло далеко не прекратилось и что христиане продолжают встречаться, разговаривать и иметь сношения с евреями, которые всеми доступными средствами стараются оторвать их от святой католической веры и толкнуть на путь ошибочных верований и законов, совершая над христианами и их сыновьями обряд обрезания, заставляя христиан соблюдать еврейские посты, есть еврейскую пищу и хоронить по еврейскому обряду. Обо всем этом королю и королеве стало известно как от самих евреев, так и от тех, которые были ими развращены и оторваны от христианства. Король и королева еще раньше пришли к убеждению, что вернейшим средством для искоренения гнусной ереси является полное и совершенное отделение евреев от христиан, возможное лишь при изгнании евреев из государства; однако сначала они сочли возможным ограничиться лишь удалением евреев из городов, местечек и деревень Андалузии, где зло от прикосновения с евреями

приняло наибольшие размеры, надеясь, что это послужит устрашающим примером для других евреев, которые перестанут причинять вред католической вере. В действительности, однако, евреи продолжают совращать христиан и новохристиан; приходится также признать, что изданный против андалузских евреев эдикт не получил применения. В силу этого, посоветовавшись с прелатами, грандами и учеными, король и королева решили приказать всем евреям и еврейкам оставить королевские земли и никогда ни в одну из них не возвращаться; приказ этот распространяется как на тех, кто родился в королевских землях, так и на тех, кто проживает в них временно вследствие каких-либо случайных обстоятельств, — все они, какого бы ни были возраста, должны оставить страну в конце ближайшего месяца июля с сыновьями, дочерьми, с еврейской прислугой и другими живущими при них евреями и более не возвращаться в нее. Всякое нарушение этого приказа, в форме ли неоставления страны с самого начала или возвращения в нее каким-либо способом, повлечет за собой смертную казнь и конфискацию имущества виновного в пользу королевской казны, причем приведение в исполнение наказания не потребует соблюдения обычно предшествующих ему формальностей.

Король и королева повелевают также, чтобы по истечении указанного в приказе срока, то есть конца июля, никто, какого бы он ни был сословия и положения, не смел оказывать какой бы то ни было помощи или поддержки, будь она открытая или тайная, еврею или еврейке под страхом потери всех наследственных земель, вассального имущества и крепостей, а также всякого рода королевских милостей. В видах лучшего использования евреями до конца предоставленного им срока своего имущества и богатства король и королева берут их под свое покровительство, защиту и охрану, обеспечивают им возможность до конца июля свободно распоряжаться движимым и недвижимым имуществом и гарантируют им личную и имущественную безопасность, нарушение коей будет наказываться согласно законам страны. Евреи могут вывезти из королевских земель сушей или морем свои богатства и имущество, если только они не заключаются в золоте, серебре и монетах и не составляют запрещенных законами королевств товаров.

Чтобы все знали этот эдикт и никто не мог оправдываться неведением, король и королева приказали, чтобы он был публично прочитан на площадях, рынках и других местах городов, местечек и деревень всех королевских земель. Позже эдикт был дополнен распоряжением от 14 мая 1492 года, гласившим, что евреям предоставляется право продавать движимость и недвижимость, одушевленные предметы и долговые расписки. С другой стороны, однако, Фердинанд наложил запрет на продажу земли евреями, чтобы этой землей можно было удовлетворить христианских кредиторов. Затем, 30 мая, король издал распоряжение, в силу которого все споры на почве финансово-торговых сделок с евреями должны были быть предъявлены суду в течение двадцати дней и рассмотрены до середины июля. Если у христианина или мавра имелись в руках долговые обязательства, выданные евреем, не имеющим наличных средств, чтобы уплатить долг, этот кредитор получал в возмещение долга земельный участок еврея, причем стоимость участка определялась правительственным чиновником. Если срок долговых расписок истек после вступления в действие эдикта об изгнании, то должник-еврей должен был уплатить своим кредиторам всю сумму или обеспечить платеж чем-либо эквивалентным величине долга; наоборот, от христианина или мавра еврей не имел права требовать немедленной и досрочной уплаты долга; он мог либо оставить в стране доверенных, которые в срок потребуют следуемые еврею деньги, либо продать имеющиеся у него на руках долговые обязательства, причем все эти сделки должны были быть закончены к моменту оставления евреями Испании. Так как евреи в огромном большинстве случаев были кредиторами, а не должниками, то легко понять, какие потери они понесли при продаже имевшихся у них от христиан долговых обязательств и как много, с другой стороны, выиграли от этого должники-христиане либо посредники, которые дешево скупали у евреев христианские расписки, а затем взыскивали их полную стоимость.

Королевская казна также заработала на изгнании евреев. Когда евреи стали прибывать в портовые города, им объявили, что каждый отправляющийся по морю обязан заплатить по два дуката в пользу короля, и они были вынуждены это сделать.

Пребывание в стране сверх срока наказывалось конфискацией имущества в пользу казны. Кроме того, в казну пошло все имущество, которое евреи не смогли ни увезти, ни продать. Это имущество было очень значительно, так как опасности путешествия, запрещение вывозить деньги и золото, опасения, что невозможно будет реализовать полученные от христиан долговые обязательства, да и смутные надежды на возвращение — все побуждало евреев оставлять у своих знакомых христиан на хранение самые разные предметы, в первую очередь наиболее ценные.

От внимания правительства, разумеется, это не скрылось, и после изгнания евреев были назначены особые чиновники, в обязанности которых входило разыскание всего спрятанного в пределах Испании еврейского имущества и обращение его в государственную собственность. Король требовал принятия строгих мер против тех христиан, которые, взяв у евреев на хранение ценные вещи, переправляли их за границу. Под предлогом того, что евреи вывезли с собой запрещенные вещи либо получили их впоследствии от своих христианских друзей, испанские власти преследовали евреев и в других странах, обращаясь за помощью к английскому королю Генриху VII и неаполитанскому королю Фердинанду I.

Когда прошло первое ошеломляющее впечатление, произведенное эдиктом от 31 марта, евреи стали готовиться в путь. Толедский раввин Исаак Абоаб во главе большой делегации отправился в Португалию, чтобы просить короля Жуана II принять своих соплеменников. Жуан милостиво принял делегацию, и все свидетельствовало о том, что он придет на помощь испанским евреям. И действительно, на заседании грандов Португалии король ясно дал понять, что за известную сумму, нужную ему для ведения войны в Африке, он готов разрешить испанским евреям въезд в Португалию. Этим решением остались недовольны не только португальские гранды, увидевшие в нем оскорбление католицизма, но и местные евреи, испугавшиеся чрезмерного наплыва в Португалии своих несчастных соплеменников, которые, с одной стороны, могли лечь тяжелым бременем на португальские еврейские общины, а с другой — вызвать в стране всеобщий ропот из-за своего большого количества и побудить правительство, и без

того враждебно относившееся к евреям, принять против них репрессивные меры. На короля все это влияло, и он вдруг заговорил о временном проживании испанских евреев и даже о всего лишь об их проезде через Португалию. Так как для Жуана II весь вопрос заключался лишь в деньгах, то наибольшие выгоды были даны богатым евреям; из них было выбрано шестьсот, которые получили право постоянного жительства в Португалии за 100 золотых крузадо с человека. Ремесленники, в которых Португалия нуждалась, также были допущены в качестве оседлого элемента; с них взималось по 4 крузадо. Остальная же еврейская масса могла оставаться в стране не более восьми месяцев, причем за право въезда с каждого человека взималось по 8 крузадо. Король, правда, взял на себя обязанность позаботиться о найме дешевых судов для отправки евреев из Португалии в какую-либо другую страну. Не внесшие в королевскую казну денег за право въезда или оставшиеся в стране после указанного для отъезда срока должны были быть обращены в рабство. Около 20 000 семейств, то есть приблизительно 120 000 человек, переехало на этих условиях в Португалию. Для жительства им было отведено пять городов вблизи испанской границы. Испанским евреям, обнаруженным в других местах, грозило обращение в рабство.

Бежавшие в Португалию евреи не составляли, однако, всей массы изгнанников. Евреи, жившие на севере Испании, сошлись в Сантандере, чтобы оттуда по морю отправиться в далекое путешествие — частью в Голландию, частью, обогнув Пиренейский полуостров, в Африку и Италию. Другие направились в Марокко, Тунис, Турцию, Неаполь, Венецию, Грецию, в неведомые страны Востока. Некоторые арагонские евреи, преимущественно из Бургоса и Сарагосы, бежали в Наварру; там нашли прибежище около 15 000 человек. Вступили эти евреи в Наварру с разрешения наваррской королевской четы или очутились в качестве незваных и непрошенных гостей, сказать сложно; но, во всяком случае, они оставались там недолго, так как Фердинанд Католик потребовал от наваррского короля Хуана де Лабрита принудить их либо принять христианство, либо покинуть страну. В 1498 году эдикт об изгнании евреев был распространен и на Наварру.

Еврейам удалось отсрочить время исхода на два дня: вместо 31 июля они покинули Испанию 2 августа — по еврейскому календарю 9 ава; в этот день у евреев принято соблюдать траур в память разрушения Первого и Второго Иерусалимских храмов. В течение некоторого времени до злополучного дня все дороги в портовые и пограничные города были запружены тысячами и десятками тысяч людей; кто мог держаться на ногах, шел пешком, женщины, старики и дети ехали в повозках либо верхом на мулах и ослах. Впереди шли раввины, своим молитвенным пением ободряя павших духом; женщины и дети, по приказанию раввинов, пели песни и били в барабан и цимбалы для того, чтобы рассеивать мрачное настроение толпы. При отсутствии точных данных вопрос о числе евреев, вынужденных в 1492 году покинуть Испанию, остается спорным и решается историками в зависимости от того, к кому из летописцев и современников эдикта об изгнании они питают больше всего доверия. Испанский историк иезуит Хуан Мариана (1537—1624) определяет число изгнанных евреев цифрой 170 000 семейств, или 800 000 человек, эту же цифру приводит и Хуан Антонио Льоренте (1856—1823). Еврейский историк Генрих Грец (1817—1891) говорит о 300 000 изгнанников. Цифры, которые дают другие историки, находятся между двумя этими крайними точками.

Еврейам, переселившимся в Португалию, катастрофически не повезло: их въезд в страну совпал с эпидемией чумы, развитию которой немало способствовали, без сомнения, убийственные гигиенические условия, при которых происходила массовая эмиграция из Испании. Португальские христиане увидели в чуме Божье наказание за допущение евреев в Португалию и требовали поскорее удалить их из страны. Евреи пытались скрываться в горах, но чернь всячески преследовала их, и евреи сами стали умолять Жуана II отправить их, согласно обещанию, морем в другие государства. Ужасы, пережитые одной из первых партий отпльвших, состоящей из 250 человек, подробно рассказаны каббалистом Иудой бен Яковом Хайатом в предисловии к своей книге. В течение четырех месяцев плыли они по морю, не имея возможности причалить к какому-либо берегу, так как никто не решался впустить в свою страну зачумленных. Между тем на корабле

закончились съестные припасы, и голод стал вырывать из числа пассажиров одну жертву за другой; в довершение всего на судно напали бискайские пираты, разграбили его и отвели в порт Малаги. Городские власти Малаги не разрешили евреям высадиться, но также запретили плыть дальше и отказали в возможности приобрести еду. От верной смерти мог спасти их лишь переход в христианство. Сто человек крестились и сошли на берег, остальные один за другим умирали от голода и болезней, пока вдруг власти Малаги не сжалились над ними и позволили отплыть в Африку. Участь этого судна не представляла ничего исключительного: такие же ужасы ждали других странников, и нельзя без содрогания читать даже в описании беспристрастных летописцев бесконечно тяжелый мартиролог испанских евреев.

Сложившаяся ситуация заставила многих евреев просрочить назначенное для отъезда из Португалии время; за это им пришлось платить штраф в размере ста крузадо с семейства; тысяча человек тем не менее была обращена в рабство и распределена между различными дворянскими родами. По приказанию Жуана II у обращенных в рабство были отняты дети от трех до десяти лет, чтобы дать им христианское воспитание. Горе родителей, насильственно лишенных детей, было столь велико, что многие кончали самоубийством или принимали христианство, только бы не расставаться с ними.

Не многим лучше была судьба тех испанских евреев, которые сразу отбыли в Марокко, Алжир, Тунис и Италию. На море на них нападали пираты, которые искали у беглецов золото и драгоценности. Но и при высадке на какой-либо берег многим пришлось пережить всевозможные ужасы. Многие города отказывались их принимать, и они вынуждены были жить в чистом поле. Среди них правил бал голод. В марокканском городе Сале капитан корабля, обещая накормить детей хлебом, завлек на судно 150 мальчиков, которых потом продал в рабство мусульманам. В Генуе священники появлялись на городских площадях, держа в одной руке крест, а в другой — кусок хлеба, и давали хлеб тем, кто соглашался принять христианство.

Мы не станем описывать здесь дальнейших мытарств испанских изгнанников; скажем лишь, что скоро Испания по-

чувствовала печальные последствия ухода столь полезных граждан. Особенно сильно пострадала торговля, что дало основание немецкому экономисту и историку Вернеру Зомбарту даже утверждать, что одной из причин перенесения центра экономической энергии из круга южноевропейских наций к северо-западным народам стало изгнание евреев из Испании и Португалии. С точки зрения церкви, однако, произошло в высшей степени богоугодное предприятие. Папа Александр VI горячо поздравил Фердинанда и в знак высшей благодарности наградил его титулом: отныне он должен был называться не просто Фердинандом, а Фердинандом Католиком; эту честь разделила с ним и его супруга-соправительница Изабелла.

Глава седьмая Мавры и мориски

2 января 1492 года пала Гранада, и вступила в силу хартия от 25 ноября 1491 года. Ею от имени Фердинанда и Изабеллы, а также инфанта Хуана и всех будущих королей Испании торжественно объявлялось, что отныне королевская власть будет защищать мавров от любых преследований как своих вассалов. Мавры получают право владеть землей и передавать ее по наследству. Никто не будет нарушать их обычаев и заставлять их носить иную одежду, кроме той, которую они сами пожелают. Желющие отправиться в мусульманские страны смогут свободно продать свое имущество или оставить своих агентов, причем в течение первых трех лет после капитуляции Гранады власть оплатит их дорожные расходы. Мавры ни в каком случае не будут принуждаться носить отличительные знаки на одежде, а евреи не получают над ними никакой власти, в частности не будут сборщиками податей. Мечети не будут разрушены, и христианам запретят доступ в них. Судьи-мавры будут рассматривать дела, где обе стороны являются маврами, а в случае спора между мавром и христианином суд будет иметь смешанный характер и состоять из арабского кади и христианского алькальда. Мавры-рабы, скрывшиеся от своих христиан-

ских владельцев в Гранаде, не будут им выданы. Новые налоги во всей совокупности не будут превышать старых. Мавры получают право вести торговлю с мусульманскими государствами и всеми городами Кастилии и Андалузии, причем им не придется платить более высокие налоги, чем христианам. Христиане, принявшие ислам, не будут подвергаться никаким преследованиям, а христианки, вышедшие замуж за мавров, смогут по собственному усмотрению выбирать религию. Все пожертвования в пользу мечетей, школ и благотворительных учреждений по-прежнему будут поступать в руки общины; губернаторы и магистраты, назначаемые новыми монархами, будут относиться к маврам доброжелательно и любезно, в противном случае они понесут строгое наказание. Эти обещания оказались, однако, капитулировавшим маврам Гранады недостаточными, и дополнительно Фердинанд и Изабелла именем Бога поклялись, что маврам будет предоставлена полная свобода в выборе занятий и в передвижении по всему королевству; кроме того, было подтверждено, что желающие продать свою землю и отправиться в Африку не будут встречать никаких препятствий.

На первых порах казалось, что Фердинанд и Изабелла решили отнестись с должной серьезностью к этим обещаниям, и назначение на пост гранадского генерал-губернатора графа Тендилли, впоследствии получившего титул маркиза Мондехара, свидетельствовало о добрых намерениях королевской четы. Тендилля слыл человеком справедливым и беспристрастным. Архиепископом Гранады был назначен Фернандо Талавера. Он выучился арабскому языку и часто вступал в религиозные диспуты, что, разумеется, способствовало поднятию авторитета христианской религии в Гранаде. Отличаясь любовью к страждущим, Талавера собственным примером учил, что религия любви и братства не есть пустой звук. Но деятельность его по самому характеру своему не могла привести к быстрому успеху, то есть к немедленному и поголовному обращению гранадцев в христианство, — а именно этого требовали от Талаверы его воинственные противники, которых возглавлял толедский архиепископ Франсиско Хименес де Сиснерос.

Король Фердинанд не имел четкого плана действий в отношении мавров. Когда португальский король Мануэл 20 апреля

1497 года изгнал из своей страны не желавших принять христианство мавров, то Фердинанд милостиво разрешил им «вместе с женами, детьми, челядью и всяким имуществом» не только пройти через Испанию, но и остаться в ней столько времени, сколько им заблагорассудится, причем мавры были взяты под особую защиту короля. В резком противоречии с этими привилегиями, предоставленными иностранным маврам, находится письмо Фердинанда от 1498 года, в котором он высказывает удовлетворение по поводу оставления испанскими маврами Гранады и советует поддерживать их стремление к эмиграции, так как их воспоминания о былой независимости делают их ненадежными подданными. Однако открыто принять какие-либо репрессивные меры против мавров король не решался, опасаясь вызвать их восстание и не желая без повода нарушать торжественно данную присягу, тем более что Талавера — хотя медленно, но верно, — подвигал дело религиозного объединения недавно покоренной страны.

В середине июля 1499 года Хименес уговорил короля назначить его помощником Талаверы. Однако, получив полномочия, он стал действовать совершенно самостоятельно, не считаясь с Талаверой. Проявив необычайную энергию и щедрость на подарки (порой он просто подкупал целые общины), Хименес за короткое время обратил в христианство много народа; рассказывают даже, что в один лишь день (18 декабря 1499 года) крестились несколько тысяч человек; тогда же мечеть квартала Альбаисин, в котором было свыше 5000 маврских домов, была превращена в церковь Св. Спасителя. Деятельность Хименеса вызвала возмущение той части мусульман, которые дорожили своей верой. В ответ на их протесты последовали репрессии: наиболее видные мусульмане были брошены в тюрьму, а на городской площади сожгли 5000 мусульманских книг. Кроме того, Хименес вопреки королевской хартии стал преследовать христиан, которые приняли ислам. По его мнению, они и их потомки подлежали юрисдикции инквизиции, отменить которую не могли никакие королевские привилегии. Во время ареста дочери одного из таких людей толпа мавров растерзала королевского альгвасила, и только вмешательство губернатора Тендильи не дало

бунту разрастись. Хименес поспешил к королю, охарактеризовал происшедшее как попытку уничтожить в Гранаде христианство и добился от короля, чтобы прощение было дано лишь тем маврам, которые примут христианство, — остальные должны были немедленно покинуть страну.

Фердинанд развязал Хименесу руки, но тут же, опасаясь, что мавры поднимут восстание, обратился к ним с заявлением, что дает слово, что отныне никто не будет насильно обращен в христианство, а еще через месяц издал для мавров, принявших христианство, амнистию, в силу которой им были прощены все преступления, совершенные до перехода в новую религию. Все это, однако, не принесло ожидаемого результата. Запыхал бунт в горах Сьерра-Невады, на подавление которого пришлось посылать войска. Выступление мавров было жестоко подавлено: в Андараксе взорвали мечеть, в которой скрывались женщины и дети, при взятии Бельфике перебили всех мужчин, а женщин обратили в рабство, в Нихаре и Гехаре все население продали в рабство; при этом насильственно обратили в христианство свыше 10 000 человек. Но едва улеглось восстание в Сьерра-Неваде, как брожение охватило другую часть Гранады, а вскоре и почти всю Андалузию. Чтобы усмирить мятеж, потребовалась восьмимесячная военная экспедиция, стоившая Испании много денег и крови. В эти месяцы многие тысячи мусульман под страхом смерти стали христианами.

Вскоре, однако, эти новообращенные, поскольку в их искренность мало кто верил, сделались, подобно маранам, предметом сначала законодательных ограничений, а затем жестоких преследований. 1 сентября 1501 года им было запрещено иметь и носить оружие, причем нарушение этого закона влекло за собой в первый раз конфискацию имущества и двухмесячное заключение, а повторно — смертную казнь. Но раз стали приниматься меры против новообращенных, то с тем большим основанием можно было начать репрессивную политику по отношению к мудехарам, то есть давно подчинившимся Испании маврам, жившим в рассеянии по всей стране. Был издан закон, в силу которого мудехары потеряли право въезда в Гранаду, так как религиозные интересы новообращенных гранадцев требовали изолирования их от мусульманского населения

остальных частей Испании. Представителям королевской власти в провинциальных центрах были отправлены инструкции о необходимости обращения мудехаров в христианство, причем указывалось, что идти следует путем убеждения, а не репрессивных мер. Но, по-видимому, убеждения ни к чему не привели, и вот уже коррехидор Кордовы просит разрешить ему применять меры принуждения; разрешение ему не дали, что выглядит непоследовательно со стороны правительства, так жестоко расправившегося с гранадцами.

Впрочем, через несколько месяцев после этого, 12 февраля 1502 года, — в духе все той же непоследовательной политики — появился королевский указ, в котором говорилось о запрещении врагам католицизма и лицам, исполняющим позорные обряды, жить в пределах государства. До конца апреля все мавры, мужчины старше 14 лет и женщины старше 12 лет, должны были покинуть Испанию; они могли забрать с собой свое имущество, за исключением золота и серебра и некоторых запрещенных вещей. Выход к морю им разрешался лишь через бискайские порты; мавры, пойманные в других портах, подлежали смертной казни с конфискацией имущества в пользу казны. Ввиду военного времени изгоняемым маврам под страхом смерти и конфискации имущества запрещалось направляться в мавританскую Африку или в Турцию. Христианину, предоставившему после апреля 1502 года приют мавру, грозила конфискация имущества. Указ об изгнании не распространялся, во-первых, на рабов, а во-вторых, на детей моложе 14 и 12 лет, которых отнимали у мудехаров и отдавали на воспитание христианам.

Характерно, что в указе не говорится о том, что изгнание может быть отменено переходом в христианство. В действительности, однако, крещение спасало от изгнания, и мавры тысячами принимали христианство. Так, в Авиле крестилось все мусульманское население поголовно, и ни один не был оттуда изгнан; то же можно сказать и о населении Бадахоса. Новообращенные получили название морисков; отныне Гранада, Андалузия, Кастилия и Леон не знали более ни мавров, ни мудехаров; здесь вместе с «настоящими» испанцами жили мориски, которые в той же мере напоминали мавров, в какой мараны — евреев.

При крещении маврам было обещано в течение первых сорока лет не подвергать их преследованиям инквизиции на том основании, что они недостаточно хорошо усвоили начала христианской религии и их прегрешения могут объясняться не столько злой волей, сколько обыкновенным незнанием. На деле, однако, освобождение морисков от инквизиции оказалось пустым звуком, и уже в 1507 году великий инквизитор выработал ряд инструкций в их отношении; при этом всякий должен был доносить инквизиторам об известных ему случаях тайного соблюдения мусульманских обрядов. С этого времени среди обвиняемых и предаваемых смертной казни и другим наказаниям преступников все чаще фигурируют крещеные мавры.

После подавления восстания в Гранаде там наступило затишье, и в течение свыше двадцати лет инквизиционный трибунал, который сюда был перенесен из Хаэна, ограничивался немногими жертвами. В 1532 году генерал-губернатор провинции маркиз Мондехар даже обратился к королю Карлу I (он же император Священной Римской империи Карл V) с просьбой ликвидировать трибунал из-за отсутствия для него поля деятельности. Супрема восприняла просьбу Мондехара с негодованием, трибунал сохранили, и, оправдывая свое существование, он энергично взялся за морисков. Таким образом, губернатор, сам того не желая, спровоцировал гонения на морисков. Денежные штрафы и конфискации налагались в основном за старые вины. Супрема заявила, что все виновные могут покаяться в своих грехах и тем самым избежать наказания, но исповедь должна быть сделана не на ухо священнику, как обычно, а в письменном виде и засвидетельствована нотариусом, то есть в будущем она могла быть предъявлена в суде. Мориски, поддерживаемые маркизом Мондехаром, обратились к Карлу с просьбой об общем прощении без необходимости предварительной исповеди, но в этом им было отказано. В 1543 году мориски пообещали внести в королевскую казну 27 000 дукатов, если только их освободят от необходимости каяться, но великий инквизитор отверг это предложение. Тогда ставки были подняты: в октябре того же года мориски посулили Карлу I 120 000 дукатов, и эта сумма весьма понравилась королю. Великий инквизитор и Супрема,

однако, продолжали стоять на своем. Между Карлом и инквизицией произошел спор, который давал морискам некоторую надежду, и в течение нескольких последующих лет они слали депутацию за депутацией то к генерал-губернатору Гранады, то к Карлу.

После отречения в 1556 году Карла от испанского трона мориски отправили депутацию уже к Филиппу II. Они жаловались, что из всех данных им обещаний ни одно не исполнено, и просили гарантий от конфискаций, открытого судопроизводства инквизиции и возможности для всех неосведомленных в религии обучаться догмам христианства. За это мориски предлагали единовременно предоставить на нужды инквизиции 100 000 дукатов и вносить по 3000 дукатов ежегодно. Супрема, однако, не только не дала на это своего согласия, но еще суровее стала преследовать морисков, в особенности с возобновлением в 1565 году старого закона о лишении феодалов права давать убежище бегущим от инквизиции. После этого началось расследование, не являются ли живущие на дворянских землях мориски или их предки беглыми еретиками; оно привело к многочисленным арестам. С 1 января 1567 года вступил в силу закон, запрещавший говорить, читать и писать по-арабски, все документы на арабском языке теряли силу, а мориски в течение трех лет обязаны были научиться испанской грамоте. Все арабские книги следовало выдать члену Супремы Педро де Десе, назначенному надзирать за морисками. Этим же законом запрещалась любая одежда, сшитая по арабской моде, — шелковая одежда должна была быть изношена в течение одного года, другие платья в течение двух лет; женщинам запрещалось носить покрывало на лице. Помолвки и свадьбы предписывалось совершать только согласно католическим обрядам; двери домов, где происходили свадебные, религиозные или иные церемонии, следовало держать открытыми. Не разрешались никакие арабские имена или прозвища. Все арабские бани, публичные и частные, приказано было уничтожить. И т. д.

Все это переполнило чашу терпения морисков, и в декабре 1568 года они восстали. В течение нескольких дней в их руки перешло 182 селения, причем почти везде они разрушили церкви, пытали и убивали христиан, а женщин захватывали

для того, чтобы продать их как рабынь в Африку. Все это развязало руки властям. Вместо маркиза Мондехара, склонного к примирительной политике, Филипп назначил главнокомандующим своего побочного брата Хуана Австрийского, который дал солдатам полную свободу грабить и убивать. К солдатам присоединились низы общества, и началась вакханалия убийств и грабежей, заставившая морисков взяться за оружие теперь уже поголовно. Пламя мятежа охватило всю Гранаду. Безумная бойня, стоившая Испании невероятного количества людей и денег, прекратилась только к началу 1571 года, когда у морисков иссякли силы к сопротивлению.

Тем не менее было ясно, что мориски хотя и сдались, но не покорились. Поэтому, по предложению Десы, решено было оторвать их от родных мест и расселить по всей Испании, не делая различия между виновными и невинными. Начали с квартала Альбаисин в Гранаде: мужчин заковывали в цепи, партиями запирали в тюрьмы, их женам давали время продать имущество (что по большей части не удавалось), а затем всех вместе, как стадо овец, гнали на север. От 7 до 8 тысяч человек было отправлено таким образом; многие по дороге умерли с голоду, немало погибло от рук стражников или было продано ими в рабство.

Затем наступила очередь других городов, причем любое сопротивление жестоко каралось. Даже местности, оставшиеся совершенно в стороне от восстания, не избежали общей участи и должны были выдать всех морисков для отправки в дальние провинции. Обыкновенно отправлялись партии в 1500 человек, которых сопровождали 200 пехотинцев и 20 кавалеристов. Их земли и дома, если они только не принадлежали феодалам, поступали в собственность казны. На новых местах переселенцев рассеивали среди христиан; без королевского разрешения они не могли менять место жительства и даже, чтобы провести ночь вне своего дома, нуждались в разрешении местной администрации, которая в своих действиях руководствовалась особым законодательством о высланных морисках. Среди прочего в нем говорилось, что мориск старше шестнадцати лет, приблизившийся к Гранаде на расстояние менее десяти миль, подлежит смертной казни; мальчик от десяти с половиной лет и девочка старше девяти лет за это же преступление об-

ращаются в рабов; дети моложе указанного возраста отдаются христианам на воспитание. Такие же наказания налагались за приближение к границам Валенсии, Арагона и Наварры с той лишь разницей, что смертная казнь заменялась пожизненной каторгой. Схваченный вне пределов отведенного ему жительства мориск наказывался ста ударами розог и четырьмя годами каторжных работ.

Но вскоре возникла новая проблема. В 1582 году в официальном докладе о положении переселенцев говорится, что число морисков неимоверно быстро растет к вреду коренного населения; рост этот объяснялся тем, что они не принимали участия в войнах и не вступали в духовное звание, с которым связан обет безбрачия. При таком положении, говорилось в докладе, мориски представляют угрозу, и даже высказывалось опасение, что через каких-нибудь двадцать лет коренное население может оказаться у них в порабощении. В 1587 году Мартин Сальватиера, епископ Сегорбе, жаловался, что некоторые мориски сумели стать сборщиками королевских податей и что уже встречаются среди них богачи; из его вопля, обращенного к королю, следовало, что, если не будет принято никаких мер, мориски скоро окажутся и многочисленнее, и богаче старых христиан. Подобные речи звучали все чаще: предлагалось отдать всех морисков во власть инквизиции и даже кастрировать всех мальчиков. Особенно ревностным в деле изобретения средств, как избавиться от морисков, был некий брат Бледа, который в своем сочинении «*Defensio fidei*» («В защиту веры») доказывал, что если хорошо постараться, то можно убить всех морисков в один день или ограничиться убийством всех взрослых мужчин, а остальных обратить в рабство. Бледа предпочитал убийство изгнанию как более верное и, по его мнению, благочестивое предприятие, которое послужит надежным средством для предупреждения появления новых еретиков любых мастей. Книга Бледы была одобрена испанским духовенством, напечатана за счет казны и одобрена папой Климентом VII. При таких обстоятельствах вопрос об изгнании морисков напрашивался сам собой, и неоднократно советники короля предлагали ему прибегнуть к этому средству. Филипп II, однако — вероятно, памятуя о гранадском восстании, — все откладывал и откладывал, тем

более что дворянство, опасаясь лишиться рабочей силы, изгнанию морисков противилось.

13 сентября 1598 года Филипп II умер, но и с восшествием на престол молодого Филиппа III ничего не изменилось. Так прошло еще десять лет, пока к окончательному решению вопроса о морисках Испанию не подтолкнули внешние обстоятельства. В 1608 году нависла угроза вторжения марокканского султана Мулея Сидана, и резонно было предположить, что, если это произойдет, мориски поднимут восстание внутри страны. Был созван государственный совет, большинство членов которого высказались за то, чтобы действовать немедленно. Предлагались следующие варианты: поголовное избиение; обращение в рабство; отправка на каторгу; изгнание. Большинство голосов решило остановиться на последней мере и до поры до времени, дабы должным образом подготовиться, держать все в глубокой тайне.

На подготовку ушло более десяти месяцев. 21 сентября 1609 года в кортесах было прочитано королевское письмо, гласившее, что мориски неоднократно обращались за помощью против Испании к Турции, Мулею Сидану, протестантам и другим врагам монархии, что они являются опасным элементом для страны и что изгнание их — богоугодное дело, так как положит конец ереси этой скверной расы. На следующий день был опубликован эдикт об изгнании морисков из Валенсии, где они были наиболее многочисленны. В течение трех дней в сопровождении специальных комиссаров мориски должны были отправиться к портам, где ждали суда, чтобы доставить их в Африку. По прошествии этих дней мориски объявлялись вне закона. С собой изгнанники могли взять только движимое имущество; было объявлено, что, если кто-то перед уходом подожжет дом, уничтожит урожай или спрячет какие-то предметы, то все жители общины будут казнены.

Вся недвижимость морисков отходила дворянству. Из каждой сотни изгнанников, по усмотрению дворян или вице-короля, выбиралось по шесть человек для охраны домов, рисовых полей, ирригационных каналов, машин для выжимания сахарного тростника и т. д.; оставшиеся должны были научить христиан, как пользоваться своими орудиями производства. Дети моложе четырех лет с согласия родителей или опекунов

могут остаться; дети моложе шести лет, отец которых был настоящим христианином, остаются вместе с матерью-мориской. Если же отец мориск, а мать — настоящая христианка, то отец должен уйти, а ребенок моложе шести лет остается в Испании вместе с матерью. Могли остаться и те, кто в течение последних двух лет жил среди христиан и не посещал сходов морисков.

Поняв, что сопротивляться бесполезно, мориски почти поголовно, не исключая и тех шести процентов, которым позволено было остаться, покинули Испанию, причем оставшиеся были заклеены как вероотступники. Без особенной боли о покинутой стране шли они к указанным им портам в сопровождении солдат. Более столетия Испания тщетно билась над проблемой морисков, когда всего лишь стоило дать им возможность уехать. Считается, что всего из Валенсии было изгнано около 150 000 морисков.

12 января 1610 года был опубликован эдикт об изгнании морисков из Гранады и Андалузии. Под страхом смерти и конфискации имущества они должны были покинуть страну в течение тридцати дней; им разрешили продать движимость и за вырученные деньги купить товар, изготовленный в Испании испанскими подданными; вывоз монеты, золота, драгоценных камней и векселей разрешался лишь в размере, необходимом для нужд путешествия. Количество изгнанных из Гранады и Андалузии определяется в 80 000—100 000 человек. Такой же была судьба морисков Кастилии, откуда в общей сложности изгнали около 27 000 человек.

Легкая расправа с валенсийскими морисками придала Филиппу III смелость не останавливаться перед изгнанием неверных из Арагона и Каталонии, хотя в этих провинциях мориски гораздо сильнее были привязаны к христианству и не давали повода себя преследовать. Эдикт об этом был опубликован 29 мая 1610 года одновременно в Сарагосе и Барселоне. Из Арагона были высланы 74 000 человек, из Каталонии — 50 000. Условия их отъезда были почти те же, что и в Валенсии. Но существовала и разница: во-первых, в отличие от валенсийских морисков им пришлось заплатить за перевоз через море; во-вторых, дети моложе семи лет были отобраны у родителей и оставлены в Испании, дабы вырастить из них истинных католиков.

Тем временем магистрат Мурсии обратился к королю с просьбой не трогать местных морисков. В его послании говорилось, что в Мурсии 978 семейств морисков, и все они истинные христиане. Вслед этой просьбе, однако, было отправлено письмо некоего кармелитского монаха, который просил короля не верить магистрату. Монах утверждал, что в Мурсии на 10 500 жителей — 5500 морисков, и все они изменники, находящиеся в постоянном общении с африканскими маврами. Донос монаха не увенчался успехом, и мурсийских морисков временно оставили в покое; впрочем, в 1614 году их тоже изгнали.

Манию изгнания вскоре заменила столь же губельная мания преследования как скрывшихся от изгнания морисков, так и вернувшихся обратно. Последние в силу эдикта от 29 сентября 1612 года подлежали ссылке на каторжные работы; несмотря на это, многие тайком возвращались; в Альмагро (Кастилия), например, отловили 800 вернувшихся морисков. Большинство их отправили в рудники, остальных выслали из пределов Испании на средства магистрата, на который помимо того наложили штраф за то, что он допустил в пределы города людей, которые не имели на это права. Вскоре Испания превратилась в сплошные охотничьи угодья, где дичью были мориски — за поимку каждого полагалась премия.

Из-за этого мориски лишь в очень небольшом количестве остались в Испании — в большинстве случаев в качестве рабов; щадя интересы дворянства, правительство не изгоняло рабов и даже разрешало вернуться тем морискам, которые добровольно переходили в рабство. За морисками-рабами с большим усердием наблюдала инквизиция. На аутодафе в 1613 году из 26 осужденных морисков было 25 рабов. Число рабов, однако, быстро сокращалось, и поле деятельности инквизиции сужалось. На аутодафе 2 декабря 1625 года в Кордове на 68 иудействующих был только один мавр Франсиско Луке, пленный морской разбойник, которому инквизиция назначила двести розог, четыре года каторжных работ и затем вечное заточение с ношением санбенито. В Барселоне 21 июня 1627 года на аутодафе было три мавра, причем один из них был приговорен к сожжению; до сожжения он был задушен, что свидетельствовало о его отречении от ереси. В 1638 году

в Сарагосе был сожжен за упорный исламизм некто Иеронимо Буэнавентура. В 1649 году валенсийский трибунал привлек к ответственности нескольких рабов, пытавшихся бежать в Африку. В 1655 году на аутодафе в Кордове из 87 обвиненных была лишь одна рабыня маврского происхождения. На большом аутодафе в Мадриде 30 июня 1680 года, куда были согнаны еретики из различных частей Испании, был один мавр — морской разбойник Мустава; инквизиция приговорила его к сожжению живьем. На аутодафе 7 апреля 1669 года в Толедо был присужден к ста ударам плетью раб мавр Солиман.

Отчет инквизиции в Вальядолиде за 1622—1662 годы говорит лишь об одном мусульманине, в Толедо в 1648—1794 годах было всего пять случаев преследования мавров. В Мадриде в 1703—1820 годах только один человек был обвинен в мусульманской ереси. Правда, в Гранаде в 1727 году было разоблачено целое гнездо мусульманских еретиков: 45 человек были осуждены на аутодафе 9 мая и еще 28 — 10 октября 1728 года; все они, по-видимому, были очень богаты, так как главному доносчику Диэго Диасу инквизиция назначила из конфискованного богатства ежегодную пенсию в 100 дукатов, а когда он умер, пенсия выдавалась его семье; более того, в 1769 году Супрема положительно отозвалась на просьбу дочерей Диаса о выдаче приданого.

Изгнание мусульман тяжело сказалось на испанской экономике. Немецкий историк инквизиции Конрад Геблер вообще утверждает, что оно разрушило испанскую промышленность того времени. По некоторым данным, доходность церковных и дворянских земель в Валенсии, Сарагосе и Тарасоне упала сразу вполовину. В герцогстве Гандиа, где жили свыше 60 000 морисков, земельный доход упал за один год почти в четыре раза; в десяти деревнях этого герцогства в год изгнания пустовало 417 домов, пять поселков полностью обезлюдели, а еще в четырех осталось по несколько человек. Погибли не только арабские общины, но и некоторые из тех, где население было смешанным. Поскольку резко снизилось число арендаторов земли, сильно пострадали интересы землевладельцев. Правительство пыталось компенсировать их потери, раздавая субсидии.

Инквизиция также потерпела убытки: в Валенсии ее доход уменьшился вдвое. Когда король посетил в 1615 году Ва-

ленсию, инквизиция обратилась к нему с просьбой передать ей часть земель, конфискованных после изгнания морисков в пользу государства. Неизвестно, удовлетворена ли была эта просьба, — во всяком случае, финансовое состояние валенсийских инквизиторов оставалось плачевным долгое время — в 1617 году они вынуждены были довольствоваться частичным жалованьем. Не лучше обстояло дело с барселонским трибуналом. Сарагосский трибунал добился от короля в 1617 году субсидии, но это, похоже, ему не помогло, потому что через два года он прекратил выдачу жалованья из-за нехватки средств. Супрема латала финансовые дыры, заставляя трибуналы финансировать друг друга, жаловалась королю, что ее расходы превышают доходы, и требовала денег из казны.

Глава восьмая Протестантизм

18 февраля 1521 года папский нунций Алеандер известил папу Льва X, что в Нидерландах печатаются испанские переводы сочинений Мартина Лютера и желательно принять меры против допущения в Испании подобных книг. 21 марта того же года папа передал содержание письма Алеандера королю Испании Карлу I, присовокупив требование о тщательном наблюдении за преступными книгами, а великий инквизитор кардинал Адриан отдал 7 апреля приказ конфисковать вредные книги. Вскоре и государственный совет обратился к Карлу I с той же просьбой. Все это, однако, носило характер предварительных мер, так как фактически в Испании еще не было протестантов. Лишь в 1523 году перед майоркским трибуналом предстал лютеранин Гонсальва, которого осудили на смертную казнь. Да и этот случай лютеранства, скорее, связан с желанием инквизиторов наказать хотя бы одного протестанта, так как сомнительно, чтобы в 1523 году на острове Майорке оказался настоящий лютеранин, когда в самой Испании еще не было последователей этого учения.

Первыми осужденными протестантами на испанской почве, если не считать упомянутого Гонсальвы, были иностранцы:

в 1524 году валенсийский трибунал осудил за лютеранскую ересь немца Эстеве, в 1528 году — Корнелиса из Гента. В том же 1528 году перед толедским трибуналом предстал, судя по имени, и первый испанец-лютеранин — Диего де Уседа из Кордовы. В 1529 году в Валенсии судили по обвинению в протестантизме Мельчора из Вюртемберга, который говорил во всеуслышание, что мир через три года потонет в крови, так как на свете нет ни одного истинного христианина. С этого времени протестантизм стал мало-помалу проникать в страну, и 27 апреля 1531 года Супрема предложила трибуналам опубликовать вероисповедный эдикт, в силу которого все, знающие что-либо о лютеранской ереси, должны были сделать надлежащие донесения.

30 апреля 1531 года приор монастыря в Консуэгре донес, что один из монахов хранит лютеранское сочинение. Обвиняемый монах Угональдо, представ перед толедским трибуналом, заявил, что приобрел за полреала книгу Лютера на испанском языке на толкучем рынке, поскольку хотел узнать, что он проповедует, но с первой же страницы убедился в дурных намерениях автора и книги дальше не читал. Суд вынес Угональдо порицание и наложил на него епитимию. В том же 1531 году был обвинен в протестантизме Гаспар де Торральва, иностранец из Байонны, хотя ничто не говорило о его лютеранстве — он в гневе произнес слова «*reniego de Dios*» (отрицаю Бога) и не соблюдал пост по слабости здоровья. Гораздо более громкий процесс возник в 1534 году против испанки Марии де Касальи. Обвинение содержало 34 пункта: Касальи отрицала необходимость исповеди, называла глупцами людей, посещавших мессы, восторгалась Лютером, насмеялась над папскими буллами и над индульгенциями, покупателей которых называла животными и т. д. Приговор ей, судя по всему, был относительно мягким; во всяком случае, известно, что она прожила потом еще довольно долго. 14 марта 1535 года толедский трибунал судил за лютеранство юриста Гуго де Цельзо родом из Бургундии, который, несмотря на духовное звание, женился; его приговорили к лишению сана, вечному заточению и конфискации имущества. Через некоторое время, однако, Цельзо был освобожден, но потом снова привлечен к суду и в 1551 году сожжен как еретик. Той же участи в 1540 году

подвергся Франсиско де Сан-Роман, богатый купец из Бургоса, который может считаться первым испанцем, погибшим за дело протестантизма. Будучи в Бремене, Сан-Роман однажды из любопытства пошел в церковь, чтобы послушать пастора Якова Пробста; проповедь произвела на него столь сильное впечатление, что он стал читать теологические книги, вскоре сделался страстным протестантом и даже отправил Карлу I письмо с проклятиями за его преступное отношение к лютеранству. Мнимые друзья посоветовали Сан-Роману ехать в Испанию, чтобы там бороться за истинную веру, но по дороге он был арестован и посажен в тюрьму. Проявив неожиданную гуманность, на первый раз его освободили, но Сан-Роман не успокоился и подался в Регенсбург, где находился император, чтобы обратить его в протестантизм. Здесь его опять арестовали, заковали в цепи и отправили в Вальядолид, где и сожгли. Точнее, сожгли его мертвое тело, так как толпа, услышав на аутодафе о его грехах, истыкала его шпагами. Как ни серьезен был этот случай, свидетельствующий, что и настоящие испанцы не гарантированы от лютеранской ереси, инквизиция тем не менее утешала себя тем, что Сан-Роман заразился вредным учением за границей.

Случай с Хуаном Гилемом или, как чаще его называют, с доктором Эгидием, не представлял, наоборот, ничего утешительного для инквизиции, так как Эгидий постоянно жил в Испании и не мог нигде, помимо Испании, ознакомиться с ложными учениями. Он был каноником в Севилье и пользовался большой популярностью во многих церковных приходах за свое красноречие и ученость. Где усвоил он протестантские идеи, сказать трудно. Льоренте полагает, что около 1540 года Эгидий уже был лютеранином, что подтверждается показаниями монахини Леоноры де Сан-Кристобаль, прочитанными на инквизиционном суде 11 сентября 1559 года. О его еретических взглядах, разумеется, не было известно королю Карлу, который в 1550 году назначил Эгидия епископом Тортосы; тот, однако, не успел занять епископскую кафедру, так как немедленно после этого назначения инквизиция получила на него донос. 21 августа 1552 года на суде в Севилье Эгидий отрекся от своих взглядов и был приговорен к году тюремного заключения, десятилетнему отрешению от обязанностей про-

поведника и епитимии. Он умер в 1556 году, и смерть спасла его от более сурового наказания, так как выяснился ряд других его преступлений; в 1560 году были сожжены его кости. Вместе с ними сожгли кости Константина Понсе де ла Фуэнте, каноника в Севилье. Дело Понсе возникло в 1558 году, который вообще стал знаменательным годом в истории испанского лютеранства, — с этого времени число протестантов в Испании начинает неуклонно расти, хотя в сравнении с другими странами Европы здесь их всегда было мало.

До 1558 года протестантизм в Испании вообще находился в зачаточном состоянии. Лишь в Севилье возникло небольшое общество последователей Эгидия и Понсе, на которое и посыпались удары инквизиции. Инквизиция вышла на его след в 1557 году. Из севильского монастыря Сан-Исидоро тогда бежали за границу одиннадцать монахов; это обстоятельство заставило усилить надзор над Севильей. Вскоре инквизиции стало известно, что туда прибыл из Германии лютеранин Юлиан Эрнандес, который привез еретические книги на латинском и испанском языках. Его схватили и вместе с ним заключили в тюрьму Хуана Понсе де Леона, который помогал ему рассылать по городу книги и письма. Инквизиция поняла, что держит в руках нить большого заговора; начались аресты — в монастыре Сан-Исидоро схватили пятерых монахов; вскоре в тюрьму были отправлены священник Хуан Гонсалес, его мать и три сестры, старший хранитель севильской церкви Кантильяна со всей семьей, в том числе и его зять Кристо-баль Косада, известный врач. Кроме них, были арестованы бенефициант церкви Сан-Висенте Франсиско де Сафра и его отец; их хорошо охраняли, но Франсиско де Сафре в ночь на 1 ноября 1557 года удалось бежать — как утверждалось, с помощью дьявола, ибо, несмотря на все старания инквизиции, местопребывание его осталось неизвестным. Чуть раньше смогли бежать золотых дел мастер Педро де Соса, жена которого Каталина де Вильябос была арестована, Гаспар Сапата с женой своей Изабеллой Тристан, которую позже поймали в Барселоне, Франсиско де Карденас, его жена Анна Майрено и их родственник Мельчор Диас. В начале 1558 года задержали еще шесть монахов Сан-Исидоро, а также провели тайное следствие в отношении приора монастыря Гарсии Ариаса,

известного больше как доктор Бланко, и знакомого нам Константина Понсе. Бланко арестовали 12 августа, Константина — 16 августа. На этом аресты не прекратились; они продолжались целый год; число их точно не установлено. Тюрьмы были переполнены, и даже пришлось нарушить закон об одиночном заключении, помещая заключенных по несколько человек в камере. Аресты некоторых подозрительных лиц были отложены ввиду недостатка места в тюрьмах, и 6 июня 1559 года трибунал ходатайствовал о предоставлении ему возможности устраивать тюрьмы в частных домах. Чтобы освободить одиночные камеры, решили готовить аутодафе в ускоренном режиме, и на помощь севильскому трибуналу был прислан из Тарасоны инквизитор Мунебрега, который предложил отправить всех преступников на костер. Однако инквизиторы севильского трибунала Карпио и Гаска с ним не согласились, и конечное решение принимала Супрема, которая, в общем, приняла сторону севильских инквизиторов.

24 сентября 1559 года на площади Св. Франциска в Севилье состоялось торжественное аутодафе, на которое вывели 73 человека (по другим данным — 78 и 80); половина их обвинялась, однако, не в лютеранской ереси, а в других преступлениях. Первым был вызван Хуан Понсе де Леон, лютеранин, отрицавший существование ада, говоривший, что инквизиторы — слуги Антихриста, а папа — обманщик. Он купил дом для устройства собраний последователей Лютера, а затем, как утверждало обвинение, превратил этот дом в мечеть; он ел мясо в пост и молился о распространении ереси по всей Испании. На аутодафе Понсе де Леон отрекся от своих преступных взглядов и заявил, что медлил с покаянием, потому что рассчитывал на помощь своих родственников — герцога Аркоса, герцогини Бехар и герцогини Байлен; тем не менее его приговорили к сожжению, имущество конфисковали, а потомство лишили права занимать должности на государственной, общественной или церковной службе. После Понсе де Леона был вызван священник и проповедник Хуан Гонсалес, который сочетал в себе склонность к мусульманской и лютеранской ересям. Прямо на суде он заговорил со своими сестрами Каталиной и Марией «на языке лютеран», и инквизиторы, дабы прекратить богомерзкие речи, вложили ему в рот кляп. Хуан Гонсалес не хотел

ни в чем каяться и говорил, что не выдаст сообщников, так как, сам страдая невинно, не хочет, чтобы другие подвергались напрасным преследованиям. Он был сожжен, как и его сестры. Затем была вызвана Мария де Борхес, которая, отказавшись отречься от лютеранства, заявила, что она хорошая христианка и верит в Бога; кающегося Хуана Понсе де Леона она назвала болтуном; сама она выказала необыкновенную твердость и без страха вошла на костер. Всего в этот день сожгли восемнадцать человек (некоторых предварительно задушили) и *in effigie* Франсиско де Сафра. Большинство остальных еретиков были наказаны продолжительным тюремным заключением, а также 100 или 200 розог. Дом Изабеллы де Баэны, где собирались еретики, был разрушен, и на его месте поставили позорный столб.

Тем временем инквизиторы готовили материал для следующего аутодафе, которое состоялось 22 декабря 1560 года. Виднейшим лицом на этом аутодафе был Юлиан Эрнандес; его сожгли, как и еще тринадцать человек; трое из них были иностранцами — англичане Брук и Бертоун и француз Фабрео. На этом аутодафе *in effigie* были сожжены Эгидий и Понсе, а также бежавший Хуан Перес де Пинедо. Двенадцать жителей Испании подвергли конфискации имущества и отправили в тюрьму; та же кара постигла трех иностранцев: генуэзца Франкиса, англичанина Фрэнтона и фламандца Оланду. Одна женщина — Хуана де Борхес, сестра заживо сожженной Марии де Борхес, — была посмертно признана невиновной; ее заключили в камеру беременной, дождалась, пока она родила, и подвергли пытке, во время которой она истекла кровью.

Прошло несколько дней после декабрьского аутодафе, как в Севилье, к ужасу инквизиции, стал ходить по рукам памфлет, в котором восхвалялось лютеранство и высмеивалась католическая вера; подобное сочинение распространялось в 1559 году в Толедо, и все указывало на то, что и тогда, и сейчас это сделал один и тот же человек. Инквизиторы энергично взялись за розыски преступника и арестовали массу невинных людей. Памфлеты тем временем появлялись один за другим. 1 февраля 1562 года стараниями Хуана Фернандеса Барбосы, получившего за свой донос 200 дукатов, был наконец арестован

Себастиан Мартинес, у которого нашли приспособления для печати, а также большое количество не розданных еще памфлетов. Во время пытки Мартинес назвал своим сообщником проповедника Иеронимо Эрреру, который будто бы из мести за своего друга Константина Понсе стремился причинить инквизиции как можно больше вреда, но когда пытку прервали, заявил, что Эррера невиновен. Тем не менее Эрреру, чья верность католичеству была вне подозрения, арестовали и едва не осудили; потребовалось вмешательство Супремы, чтобы он был выпущен на свободу. Мартинес же предстал на аутодафе 26 апреля 1562 года.

Это было уже третье аутодафе, связанное с делом о протестантской ереси. На нем были сожжены, кроме Мартинеса, восемь человек, из них три французских моряка; *in effigie* сожгли еще пятнадцать. Различным наказаниям подвергли еще 25 человек, из них пятнадцать иностранцев, обилие которых свидетельствует, что протестантизм даже в Севилье, считавшейся наряду с Вальядолидом центром лютеранской ереси, питался главным образом, притоком извне.

Четвертое по счету аутодафе состоялось 28 октября 1562 года. К смерти были приговорены девять человек, из них трое иностранцев; кроме того, сожгли останки трех еретиков. На этом с протестантами в Севилье было покончено, и в дальнейшем здесь отмечены только единичные случаи их преследования. На аутодафе 11 июля 1563 года за привоз из Фландрии еретических книг был подвергнут епитимии доминиканский монах Доминго де Гусман из монастыря Сан-Пауло в Севилье; книги были публично сожжены на площади Св. Франциска. 19 апреля 1564 года сожгли шесть фламандцев, которых поймали на отправлении лютеранских обрядов второй раз. 13 мая 1565 года сожгли *in effigie* шесть человек — все эти еретики были рецидивистами, то есть инквизиция работала в основном над старым материалом, так как нового становилось все меньше и меньше. В дальнейшем среди осужденных на севильских аутодафе еретиков мы видим только иностранцев.

Такой же разгром, как и в Севилье, постиг и другую протестантскую общину, размером несколько меньшую, — в Вальядолиде. Основателем ее был дон Карлос до Сесо, родом из

Вероны, сын, как говорили, епископа; лютеранскими идеями он увлекся, еще живя в Италии. В Испанию он явился с множеством лютеранских книг. Около 1554 года по ходатайству жены Изабеллы де Кастильи, происходившей из королевского рода, он был назначен коррехидором в Торо, каковой пост занимал в течение трех лет, но затем, желая пропагандировать свое учение, часто стал менять место жительства и сделался своего рода странствующим агитатором. В Торо ему удалось вовлечь в свою ересь популярного юриста Антонио де Вресуэло, приора иоаннитского монастыря Хуана де Ильса Перепру и некоторых других видных деятелей. В других городах он также приобрел немало приверженцев; особенно много их оказалось в Педросе, где адептами дона Карлоса стали священник церкви Санта-Круз Педро де Касалья и его помощник Хуан Санчес, которые, в свою очередь, завлекли в лютеранство членов педросской общины. В 1557 году Хуан Санчес отправился в Вальядолид, где обратил в лютеранство Каталину де Ортегу и Беатрису де Виверо. Виверо, в свою очередь, увлекла за собой семь монахинь цистерцианского монастыря. Но самым крупным приобретением для лютеранства стал брат Педро де Касальи — Августин.

Дед Касальи с отцовской стороны и бабушка с материнской были евреями; в свое время они прошли через руки инквизиции. Августин учился теологии в знаменитом, основанном великим инквизитором Хименесом университете в Алькала-де-Энаресе. Там его увидел Карл I (V). Пораженный ученостью и красноречием молодого теолога король назначил его в 1542 году проповедником при своей особе; в этом качестве Августин сопровождал короля в поездке по Германии и Нидерландам, где ярым участием в искоренении лютеранской ереси обратил на себя внимание папы. Тот даже дал ему разрешение читать протестантские книги, чтобы он лучше вооружился против еретиков. Но, возможно, как раз изучение лютеранских книг и сделало Августина протестантом. Сыграл в этом, разумеется, значительную роль и его брат Педро, уже вступивший к тому времени на тропу лютеранства.

Неправильно поэтому считать Августина основателем вальядолидской лютеранской общины; верно лишь, что он был одним из самых образованных, ревностных и деятельных ее

членов. В Саламанке, где он состоял кафедральным каноником, в Торо и в Вальядолиде он вел энергичную пропаганду в пользу протестантских идей и очень скоро сделался в Кастилии общепризнанным главой протестантизма. Выдающийся оратор и прекрасный организатор, Августин не обладал сильным характером, и когда инквизиция наложила на него свою властную руку, он стал умолять о пощаде: покаялся в своих грехах и просил о принятии обратно в лоно католицизма. На аутодафе Августин с зеленой свечой в руке, в санбенито и смешном колпаке самыми позорными словами клеймил свое прошлое и унижался перед своими преследователями. С презрением смотрели на своего учителя вчерашние его ученики, как и он, приговоренные к смерти. За отступничество от лютеранства инквизиция оказала ему в отличие от остальных своеобразную милость: его предварительно задушили, и пламя костра пожрало уже бездыханное тело.

На этом же аутодафе принял смерть один из братьев Педро и Августина де Касалья — Франсиско де Виверо; в тюрьме, надеясь сохранить себе жизнь, он покаялся в грехах и умолял вернуть его в лоно католической церкви. Но на аутодафе, при виде падения Августина, он вместо того, чтобы покаяться уже публично, высмеял свое вчерашнее покаяние и взошел на костер.

Не обнаружил высоких душевных свойств и другой знаменитый протестант — ученик Августина, монах Доминго де Рохас, выходец из аристократической семьи. Он получил теологическое образование в Саламанке; архиепископ Каранса взял Доминго с собой на Тридентский собор, так как считал его одним из лучших своих учеников. Оказавшись в тюрьме, он не только унижался и каялся, выдавал своих товарищей, но и вовлек в круг подозреваемых многих далеких от лютеранства людей; в частности, пострадал его благодетель Каранса, виноватый лишь в том, что когда-то приблизил к себе бойкого на язык проповедника.

Как показали исследования немецкого историка Эрнста Шефера, всего в вальядолидскую протестантскую общину входили 55 человек; из них десять принадлежали к одной семье: четыре брата — Августин и Педро де Касалья, Франсиско и Хуан де Виверо, а также две их сестры — Беатриса и Констанца — погибли от рук инквизиции, еще четверо су-

мели бежать. За исключением Хуана Санчеса ведущие члены общины были арестованы весной 1558 года, однако суд над ними долго откладывали, так как инквизиторы надеялись напасть на какие-либо новые следы.

Об аутодафе было торжественно объявлено только через год. Инквизиционная тюрьма охранялась сотней вооруженных людей — братья Касалья были очень популярны в Вальядолиде, и инквизиция опасалась, что их могут освободить силой. Аутодафе состоялось 21 мая 1559 года; в числе почетных гостей на нем были сестра Филиппа II — принцесса-правительница донья Хуана, инфант принц Астурийский Дон Карлос и многие виднейшие сановники. В первом ряду обвиняемых шел Августин де Касалья, за ним его братья и сестры: Франсиско, Беатриса, Констанца и Хуан; перед ними несли изображение их матери Леоноры де Виверо; всего участвовали в процессии тридцать человек, в том числе португальский маран Гонсало Ваэз, обвинявшийся в иудейской ереси; остальные были лютеране. После проповеди великий инквизитор Вальдес привел к присяге принцессу Хуану и принца Дон Карлоса, затем началось чтение приговоров, прерываемое, когда до них доходила очередь, обрядами лишения духовного звания Августина де Касальи, Франсиско де Виверо и магистра Алонсо Переса. Кроме этих троих, к смерти были приговорены еще одиннадцать человек; сжечь приговорили также останки Леоноры де Виверо. Остальные шестнадцать человек были присуждены к менее суровым наказаниям. Всех поразил юрист из Торо Эресуэло, который на аутодафе, когда многие умоляли о пощаде, упорно порицал папу и перед самым сожжением доказывал, что лютеранство есть единственно правильная вера.

Не менее трагический конец был у жены Эресуэло — Леоноры де Сиснерос. Молодая и жизнерадостная, она еще в тюрьме покаялась в грехах, чтобы спасти свою жизнь, и инквизиция приговорила ее к вечному заточению. Но в камере ей постоянно грезился образ живьем сожженного мужа, и в конце концов она заявила о своих еретических взглядах. В 1567 году Леонора снова предстала перед вальядолидским трибуналом — на этот раз в качестве рецидивистки. Лишь смерть могла искупить ее грех, но инквизиторы советовали ей еще раз покаяться, чтобы быть задушенной, а не сожженной

заживо. Леонора де Сиснерос осталась непоколебима, желая искупить обнаруженную десять лет назад слабость, и 28 сентября 1568 года ее сожгли.

Второе вальядолидское аутодафе состоялось 8 октября 1559 года. Оно было столь же торжественным, как и предыдущее; на нем присутствовал даже король, и очевидцы утверждают, что поглазеть на происходящее съехалось почти 200 000 человек. Среди обвиняемых были Карлос де Сесо, Доминго де Рохас, Педро де Касалья, Хуан Санчес, Ефросина Мендоса, Марина Гевара и другие; все они, в числе двенадцати человек, были приговорены к сожжению; вместе с ними сожгли одного мусульманина; кроме того, были сожжены останки покончившей с собой в тюрьме Хуаны Санчес. Еще тринадцать раскаявшихся лютеран были приговорены к другим наказаниям. Геройски встретил смерть Карлос де Сесо; его так сильно пытали в тюрьме, что при произнесении приговора он не мог стоять, и его держали двое слугителей инквизиции. Хуан Санчес также отказывался каяться, и лишь когда загорелся костер, начал произносить слова покаяния, но в этот момент встретился глазами с Сесо и замолчал. Остальные калялись, просили пощады и, в виде обычной милости, были задушены.

Не все сожженные в Вальядолиде заслуживали смерти даже по законам самой инквизиции. Это объясняется желанием великого инквизитора Вальдеса применить к ним, как он писал в письме папе Павлу IV, «меру устрашающей справедливости», дабы в корне поразить протестантскую заразу. Накануне второго аутодафе он просил папу издать бреве, разрешающее инквизиторам в особых случаях переходить за границы правовых норм. Вальдес знал, к кому обращался. Павел IV принадлежал к тем фанатикам на папском престоле, которые ставили задачу преследования еретиков выше всех остальных обязанностей главы церкви; как следовало ожидать, он отнесся к просьбе Вальдеса благосклонно. Еще в 1555 году он издал буллу «Cum quogundam», объявив, что все, отрицающие Троицу, божественность Христа, не разделяющие установленного учения о Св. Духе, о девственности Св. Марии и в течение трех месяцев не отрекшиеся перед инквизиторами от своих заблуждений, должны рассматриваться как упорствующие еретики и выдаваться светской власти. Расширив таким образом до

таких пределов группу еретиков, подлежащих смертной казни, Павел IV не мог не пойти навстречу просьбе Вальдеса. Особым бреве великому инквизитору и Супреме было дано право считать еретиков подлежащими смерти даже в том случае, если они принесут покаяние, но инквизиция увидит в этом лишь стремление избежать наказания. Затем последовало еще одно бреве, в котором говорилось, что ввиду обнаружения в Испании прелатов, заподозренных в лютеранской ереси, папа уполномочивает великого инквизитора начать, с ведома Супремы, следствие и арестовать тех, о ком имеются основания думать, что они намерены бежать. Тем самым Вальдес получил возможность расправляться с представителями духовенства, которые почему-либо вызывали у него неприязнь; так, в частности, он погубил архиепископа Карансу.

После уничтожения севильской и вальядолидской общин протестантов в Испании, можно сказать, не осталось, хотя время от времени то одного, то другого еретика обвиняли в лютеранстве, подразумевая под этим любое отступление от традиционного католицизма. Из отдельных случаев отметим сожжение 17 сентября 1564 года в Валенсии Гаспара Сентельяса. Это был образованный человек, происходивший из знатной семьи; на суде он сумел опровергнуть все пункты обвинения. Но инквизиция нашла способ осудить его на смерть: после суда защитник попросил Сентельяса подписать заявление о том, что он считает католическую церковь Божьей церковью. Сентельяс категорически отказался, вследствие чего был признан упорствующим еретиком. С Сентельясом был в дружеских отношениях доктор Аркер, итальянец, принявший испанское подданство. Толедский трибунал рассматривал его дело в течение девяти лет. На аутодафе 4 июня 1571 года Аркера должны были до сожжения задушить, но толпа нашла такой приговор чрезмерно мягким и потребовала сжечь его живьем. Она набросилась на Аркера, исколола его кинжалами, и затем его, еще живого, с кровоточащими ранами, затащили на костер.

Шефер подсчитал, что в 1550–1600 годах во всей Испании прошло около 400 «лютеранских» аутодафе; правда, подробные отчеты сохранились только о 216. На них подверглись наказанию около 2100 человек; к сожжению приговорили 340, из них 120 посмертно. Причем известно только о 325 испанцах,

привлеченных к ответственности инквизиционными трибуналами; эта цифра совершенно ничтожна при населении в 8—9 миллионов. Приходится поэтому согласиться с теми, кто утверждает, что инквизиция умышленно, преследуя корыстные цели, раздувала протестантскую опасность, отлично сознавая, что ни о какой опасности не может быть и речи.

Изобилие иностранцев-еретиков побудило инквизицию принять меры предосторожности против них. В 1572 году Супрема отдала распоряжение трибуналам Арагона, Каталонии и Валенсии следить, чтобы нигде не занимали учительских должностей французы, так как именно от их педагогической деятельности, по ее мнению, происходил наибольший вред. Инквизиции также вменили в обязанность наблюдать, чтобы еретической пропагандой не занимались иностранные купцы; не раз конфисковывались торговые суда, прибывавшие в испанские порты, на том основании, что экипаж их состоит из еретиков. Только в течение шести месяцев 1593 года на Канарских островах были задержаны тринадцать немцев с корабля «Св. Петр», семнадцать фламандцев с корабля «Роза», пятнадцать фламандцев с корабля «Леон Колорадо» и двенадцать англичан с корабля, название которого в отчете инквизиции не указано.

Все это подрывало морскую торговлю, и Супрема в 1597 году вынуждена была пойти на уступки и сделать исключение для ганзейских городов: прибывавшие оттуда лица не подвергались допросам о своих религиозных воззрениях и подлежали аресту лишь в том случае, если они в испанском порту или на испанской территории позволяли себе какое-либо оскорбление по адресу католической веры, при этом производилась конфискация не всего товара, а лишь той его части, которая принадлежала обвиняемому. Впрочем, любое судно должно было быть обыскано на предмет наличия еретических книг, подлежащих сожжению.

Английское правительство при заключении в 1604 году мирного договора с Испанией внесло в него особый пункт о том, чтобы английские купцы не подвергались в Испании инквизиционным преследованиям: никто не имел права принуждать их к посещению церкви, судно не могло быть конфисковано и т. д. Супрема известила после этого трибуналы, что отныне

англичане пользуются теми же правами, что и ганзейские купцы, но, например, архиепископ Валенсии Рибера отказался принимать это во внимание — он продолжал настаивать на необходимости преследования англичан на том основании, что с врагами религии нельзя не только заключать договора, но и вообще жить в мире. Письмо Риберы королю было рассмотрено государственным советом, который, не отказываясь от договора с Англией, тем не менее просил великого инквизитора напомнить трибуналам об обязанности следить за иностранцами и не допускать, чтобы испанские женщины встречались с англичанами. Как бы то ни было, внешнеполитические условия были сильнее требований инквизиции, и когда в 1609 году было заключено перемирие на двенадцать лет с Нидерландами, Испания вынуждена была предоставить этому еретическому государству те же права, что англичанам и ганзейцам.

Это не значит, что инквизиция не пыталась сопротивляться — не будучи в силах изменять международные договоры, она не раз пыталась извратить их смысл. Так, в 1612 году Супрема известила провинциальные трибуналы, что привилегии касаются лишь тех голландцев, которые находятся в Испании проездом; голландцы же, постоянно живущие в Испании или купившие здесь дом, никакими привилегиями пользоваться не должны — за ними следует установить особый надзор, дабы трибуналы знали все, что они делают и говорят. В 1620 году Супрема возобновила распоряжение от 1581 года о том, что иностранцы не имеют права содержать в портовых городах гостиницы или постоялые дворы. Когда кончилось двенадцатилетнее перемирие с Нидерландами, инквизиция поспешила объявить, что голландские купцы лишаются всех привилегий, а когда в 1624 году началась война с Англией, великий инквизитор Пачеко издал распоряжение, чтобы все британские подданные, не исповедующие католической религии, оставили в течение двадцати дней владения испанского короля; причем сам король узнал об этом в порядке уведомления. Можно предположить, что Филипп IV не был доволен узурпацией власти со стороны великого инквизитора. Однако тот же Филипп при вступлении в переговоры с Кромвелем в 1655 году отправил Супреме на пересмотр пункт о религиозных приви-

легиях английским купцам в Испании, прибавив, что он готов скорее лишиться всех своих владений, чем совершить нечто такое, что могло бы повредить интересам религии. Супрема в ответ заявила, что слова короля должны быть вырезаны на бронзе для сведения настоящему и будущему поколениям. В конце концов под влиянием Супремы Филипп IV отказался от заключения договора с Кромвелем.

При таком подчинении светской власти инквизиции неудивительно, что Испания вела все более и более изолированную жизнь и оказалась в стороне от тех умственных движений, которые волновали в XVIII веке западноевропейский мир. Французская революция вызвала в 1791 году появление эдикта, в силу которого все иностранцы, проживавшие в Испании, должны были пройти регистрацию: те, которые желали натурализоваться, обязаны были принять католическую веру и дать присягу верности, а прочим отводилось два месяца на то, чтобы покинуть страну; при этом в течение этого срока они не имели права быть заняты в некоторых отраслях труда и искусства, исполнять роль торговых посредников, служить в качестве прислуги у испанцев. Мало того, в 1819 году Супрема напомнила трибуналам, что правила 1605 года о сожжении еретических книг и поведении иностранцев на территории Испании сохраняют полную силу. Во что Испании обошелся этот надзор над иностранцами и над их книгами, говорить не приходится: мировая держава, государь которой справедливо мог гордиться, что в его владениях никогда не заходит солнце, постепенно скатилась до положения третьестепенного государства, одинаково бедного как идеями, так и материально.

Глава девятая Португальская инквизиция

В 1578 году бездетный португальский король Себастьян I погиб в Северной Африке, и королем был провозглашен великий инквизитор кардинал Энрике. Через два года он умер, и корона — на праве законного наследования как внуку португальского короля Мануэла — досталась Филиппу II. Возникло единое государство, единство которого, с одной стороны, было в значительной степени формальным, но с другой — не могло не отразиться на деятельности инквизиции, которая отныне рассматривала весь Пиренейский полуостров как территорию, подвластную своей юрисдикции. Поле деятельности представлялось громадным: в Португалии жило множество новохристиан, не успевших пройти еще, подобно своим братьям из Испании, через очистительное горнило инквизиционных трибуналов и потому стоящих гораздо ближе к старой вере, от которой они насильственно были оторваны несколько десятков лет. И уж во всяком случае, ничто не ограничивало деятельность инквизиции в отношении тех португальских новохристиан, которые, пользуясь установившейся свободой передвижения между двумя странами, стали приезжать в Испанию. Можно сказать, что приток маранов из Португалии

в Испанию резко изменил начавшуюся было примирительную политику инквизиции по отношению к евреям.

То, что такая политика имела место, всего лучше видно из официального доклада, представленного в 1595 году Супреме епископом Хуаном Баутистой Пересом. Он утверждал, что инквизиция справилась со своей задачей, что оставшиеся после эдикта 1492 года в Испании евреи сделались добрыми христианами и что, за редким исключением, везде уже забыт Моисеев закон. Хуан Баутиста Перес предлагал смягчить надзор над маранами — на том основании, что имевшийся, если можно так выразиться, запас в Испании иудейской ереси пришел к концу и они прониклись христианскими мыслями и чувствами.

Но португальские мараны дали инквизиции новую обильную пищу и оправдали утверждения тех, кто не допускал мысли об ослаблении ее деятельности. Со времени унии Испании и Португалии они составили важный предмет заботы инквизиции, и их именами запестрели печальные страницы отчетов инквизиционных трибуналов.

Но прежде чем говорить о событиях, которые последовали за унией, следует сказать несколько слов о португальских маранах. В главе «Изгнание евреев» мы говорили о том, какой прием оказал испанским изгнанникам португальский король Жуан II, который сначала открыл евреям границы своего государства, а затем подверг их таким жестоким преследованиям, каких им не приходилось испытать даже в Испании. Однако репрессии эти касались одних лишь испанских выходцев; на португальских же евреев они не распространялись, и лишь в 1495 году, когда Жуан II уже страдал психической болезнью, он в припадке сумасшествия решил одновременно принудить всех евреев Португалии принять христианство. Миссионером в этом деле, по замыслу короля, должен был стать «мудрый еврей», семидесятилетний Иосиф бен-Давид Ибн-Яхья, который своим публичным и торжественным крещением подал бы пример остальным евреям. Жуан пригласил к себе старца и пообещал ему в случае крещения город Браганцу, а за отказ от повиновения угрожал смертью. Но Иосиф вместе с тремя сыновьями тут же бежал из Лиссабона, и миссионерская задача осталась без подходящей кандидатуры. 25 октября 1495 года Жуан II умер, не успев реализовать свою идею на практике.

На престол вступил король Мануэл I, который отменил обязательное посещение евреями христианских проповедников и дал евреям ряд других послаблений. Так, например, он освободил из рабства испанских евреев, в которое они были обращены Жуаном II за то, что не покинули вовремя пределов Португалии.

Всего год спустя, однако, в его отношении к евреям произошла резкая перемена, вызванная политическими соображениями. Надеясь в будущем возложить на себя корону Испании, Мануэл собрался вступить в брак с дочерью Фердинанда и Изабеллы — недавно овдовевшей Изабеллой. Фердинанд соглашался на этот брак только под условием заключения оборонительного и наступательного союза против Франции и изгнания из пределов Португалии всех евреев — как испанских, так и португальских. На последнем особенно энергично настаивали обе Изабеллы — мать и дочь. Непокколебимая воля молодой Изабеллы и решила участь евреев, хотя сам Мануэл, видимо, сильно колебался и передал условия, выдвинутые Фердинандом, на рассмотрение государственного совета, где произошли чрезвычайно горячие дебаты, в которых сторонники и противники изгнания евреев разделились поровну. Как бы то ни было, 4 декабря 1496 года король издал эдикт об оставлении евреями пределов Португалии.

В нем, в частности, говорилось: «Имея уверенность в том, что евреи упорствуют в ненависти к святой католической вере Господа нашего Иисуса Христа, избавившего нас от греха Своей смертью, и совершали и постоянно совершают преступления против веры и святотатство в наших королевствах... потому что они сыны проклятия и закоренели в жестокосердии... мы, после зрелого размышления и обсуждения с членами нашего совета, порешили и повелели опубликовать сей наш закон и решение о том, чтобы до конца октября месяца, в год от рождения Господа нашего 1497-й все евреи и еврейки, проживающие в нашем королевстве, какого бы они ни были возраста, покинули его под страхом смерти и утраты имущества в пользу того, кто их обвинит. И если кто, по истечении указанного срока, скроет какого-нибудь еврея, мы приказываем, чтобы он за это лишился всего своего состояния и имущества в пользу того, кто обвинит его. И мы просим, и приказываем,

и требуем в силу нашего благословения и под угрозой проклятия королям, нашим преемникам, чтобы они никогда не позволяли жить или пребывать в нашем королевстве и владениях ни одному еврею по какой бы то ни было причине. А сим евреям предоставляется право свободного выезда со всем имуществом; и мы прикажем уплатить им все деньги, которые им должны в нашем королевстве, и также оказать им всякую помощь для отъезда. И в отношении доходов и прав еврейских общин, данных нами, мы приказываем людям, получившим их от нас, чтобы пришли получить за них, потому что нам угодно приказать, чтобы им дали в другом виде столько, сколько вышеназванные еврейские общины давали им дохода».

Возможно, сравнительно милостивое решение Мануэла — предоставление евреям для исхода трех портов (Лиссабон, Порту и Сетубал) и продолжительный срок до начала выхода из страны — было вызвано желанием, чтобы евреи, приняв христианство, остались в Португалии и не вывезли из нее свои богатства. Если так, то расчеты короля не оправдались, и когда стало ясно, что стремления креститься у евреев не наблюдается, он в феврале 1497 года внес в государственный совет предложение немедленно насильно окрестить всех евреев. Совет, возглавляемый епископом Фернандо Котинью, выступил против этого, но король продолжил гнуть свою линию. По совету крещеного еврея Леви бен-Шем Това он распорядился закрыть все синагоги и еврейские школы и, более того, запретил евреям молиться; ослушавшимся грозило строгое наказание. Когда и это не заставило евреев в большом числе перейти в христианство, король, по совету все того же Леви бен-Шем Това, издал в начале марта 1497 года тайный приказ в определенный день насильно отнять у евреев всех детей в возрасте от четырех до двадцати лет (по другим сведениям, до четырнадцати лет), обратить их в христианство и, распределив по разным городам, отдать за счет короля на воспитание в христианские дома. Государственный совет опять попытался предостеречь короля от совершения насилия над малолетними и жестокости по отношению к их матерям и отцам. Заседания совета, как и сам приказ, носили тайный характер, но слух о готовящейся мере все-таки просочился наружу; во всяком случае, 17 марта евреи уже знали о том, что их ждет.

Об этом сообщили Мануэлу, и он, опасаясь, как бы евреи не спрятали где-либо или не отправили за пределы Португалии своих детей, 19 марта, в первый день праздника Пасхи, велел привести приказ в исполнение. Местные власти не считались с возрастом подлежащих отнятию молодых людей, и среди захваченных оказались даже 25-летние женщины и мужчины.

Происходившие при этом сцены не поддаются описанию: отцы и матери бросали детей в колодцы, чтобы не отдавать их в руки врагов, и сами кончали жизнь самоубийством; крики и стоны наполняли города ужасом, и христиане из сострадания к несчастным евреям скрывали многих у себя, не желая, чтобы дети лишались родителей.

При таких обстоятельствах евреи, в большинстве случаев принявшие в эти грустные дни христианство, решили обратиться за помощью к Римской курии. Папой в это время был знаменитый своей распушенностью Александр VI, который менее всего был склонен внимать голосу справедливости, но зато был крайне чувствителен к деньгам, — евреи хотели купить у него для себя защиту, тем более что Александр VI, торговавший кардинальскими шапками, из всего готов был делать предмет купли и продажи.

Однако отправленная в Рим депутация встретила отпор со стороны испанского представителя при папском дворе; депутаты были даже арестованы как еретики. Впрочем, Мануэл понимал, что ради мира в государстве следует смягчить политику, и 30 мая 1497 года был издан закон, в силу которого новообращенным была гарантирована спокойная жизнь в течение двадцати лет, в продолжение которых власти не имели права привлекать их по обвинению в ереси. Этим законом крещеным врачам и хирургам, не владевшим латинским языком, разрешалось читать еврейские медицинские книги; наконец, закон говорил о предстоящей амнистии для всех крещеных евреев и обещал, что по отношению к ним никогда не будут издаваться какие-либо особые распоряжения.

Мануэл все откладывал день отъезда евреев, не пожелавших креститься, и когда они, ввиду наступления осени, стали просить его приготовить для них в обещанных трех портах нужное количество судов, он заявил, что решил отправить всех евреев из одного Лиссабона, куда они все должны немедленно со-

браться. «Несчастливые евреи, — пишет испанский историк Хосе Амадор де Лос-Риос, — не могли даже подозревать, что под новым королевским предложением скрывается самое ужасное вероломство, а между тем Мануэл так распорядился, что в Лиссабоне не только не было достаточного количества судов, но не хватало и запасов первой необходимости. Когда евреи должны были, в силу эдикта об изгнании, покинуть португальскую землю, этот недостаток в судах послужил причиной объявления всех евреев королевскими рабами». Обычно количество евреев, очутившихся в Лиссабоне, определяют в 20 000. Тех, кто не успел уехать, загнали, точно овец, в обширный дворец Эстаус, где их, вместо хлеба и воды, кормили проповедями двух крещеных евреев; запертым евреям были обещаны золотые горы, если они примут христианскую веру. Когда эти меры убеждения не привели к желанным результатам, король отдал приказ действовать силой: полицейские чины должны были загнать в церковь всех евреев, дабы священники совершили над ними скопом обряд крещения.

Массовые крещения такого рода наводнили Португалию новохристианами. Мануэл с самого начала имел, вероятно, целью, с одной стороны, удовлетворить желание невесты об удалении из Португалии иудеев, а с другой — чтобы эти бывшие иудеи, но уже христиане, остались со своими капиталами на месте. Сам Мануэл, похоже, был доволен достигнутым результатом, но страна не разделяла его радости и с большим недоверием смотрела на новообращенных, тем более что они, защищенные законом от 30 мая 1497 года, позволяли себе едва ли не открыто выражать привязанность к своей старой религии. Стоит ли удивляться, что общественное мнение вскоре потребовало репрессий по отношению к поставленным в привилегированное положение маранам? По настоянию кортесов в 1498 году Мануэл издал закон, наказывавший денежным штрафом крещеных врачей, писавших рецепты не на португальском языке; еще строже наказывались аптекари, изготовлявшие лекарства по написанному на еврейском языке рецепту. 21 и 22 апреля 1499 года Мануэл издал два ордонанса, коими христианам запрещалось совершать ряд торговых сделок с новохристианами, а последним без специального королевского позволения нельзя было покупать землю и вы-

езжать за пределы Португалии, в особенности в страны, находившиеся под господством мавров. Все это явно нарушало обещания, что в отношении новообращенных не будут приниматься какие-либо исключительные меры.

Тут же подоспела просьба Фердинанда Католика о выдаче испанским инквизиционным трибуналам всех новообращенных, бежавших от преследования инквизиции из Испании в Португалию. Мануэл, правда, на это не согласился, но обещал отныне требовать у всякого приезжего испанца свидетельство, что он не является беглецом-еретиком; кроме того, испанской инквизиции было разрешено иметь в Португалии своих агентов, дабы они доносили португальским властям о еретиках, которых Мануэл обещал судить согласно португальским законам о ереси.

В 1504 и 1505 годах в Лиссабоне и Эворе чернь пыталась устроить погромы маранов, причем в обоих случаях ею руководили доминиканцы. Беспорядки эти были незначительны, но они свидетельствовали о чувствах, которые могли вызвать взрыв при первом удобном случае. Во время Пасхи 1506 года такой случай представился: в Лиссабоне свирепствовала чума, еда вздорожала из-за отсутствия подвоза, народ был раздражен и пребывал в поисках виновников, из-за которых Бог наслал столь страшную кару, и тут выяснилось, что некоторые мараны режут овец и птицу по еврейскому закону. Толпа потребовала жестокой расправы с виновными, ставшими в ее глазах причиной бедствия. Мараны были арестованы, но на следующий день их выпустили на свободу. Это вызвало еще большее раздражение; достаточно было искры, чтобы разгорелся пожар, и в конце концов прямо в церкви толпа растерзала марана, который позволил себе насмехаться над верой собравшихся в чудеса. После этого доминиканские монахи стали ходить по улицам, призывая народ истреблять еретиков. Призывать долго не пришлось, и в первый же день были убиты 500 человек; людей хватили и тащили на костры, сжигая разом по 15–20 человек. На одной лишь площади Росиу сожгли 300 человек. На следующий день зверства возобновились с новой силой, причем в Лиссабон стеклись из окрестных мест подонки общества, увлеченные перспективой безнаказанных грабежей и убийств. Во второй день были убиты свыше 1000 человек; но

и этим разъяренная толпа не хотела ограничиться, и убийства маранов продолжались еще некоторое время; как считается, всего погибло, как минимум около 2000 человек, а по иным подсчетам — свыше 4000.

Когда Мануэл, находившийся в то время вне столицы, узнал о лиссабонских событиях, он приказал строго наказать виновных. Главные зачинщики погрома, 46 или, по другим данным, 47 человек, были повешены, еще нескольких четвертовали и обезглавили; два доминиканских монаха, подавшие сигнал к убийствам, были задушены, и тела их сожгли; лиссабонские обыватели, признанные виновными в грабежах и убийствах, были подвергнуты телесному наказанию, а имущество их конфисковано; у должностных лиц, не препятствовавших погрому, конфисковали пятую часть имущества; сам город Лиссабон, пользовавшийся привилегиями и особым титулом, был лишен на три года всего этого, у него также было отнято право самоуправления.

Мало того, король, словно мучимый угрызениями совести, издал 1 марта 1507 года эдикт, в силу которого маранам было дано право в любое время оставлять пределы Португалии, переправлять за границу свое имущество и деньги; этим же эдиктом Мануэл отменил все ограничительные меры по отношению к маранам и уравнил их с прочими христианами. 13 марта король возобновил привилегию, данную маранам 30 мая 1497 года, и обещал им, что в течение еще двадцати лет их не будут привлекать к суду по обвинению в ереси. Это обещание было подтверждено им 21 апреля 1521 года, причем двадцатилетняя свобода от преследования за религиозные преступления должна была отсчитываться со дня последнего обещания, то есть фактически к предыдущим двадцати годам были прибавлены новые двадцать. При этом защита королем прав новохристиан вызывала крайнее раздражение черни и духовенства. Чтобы умиротворить их, Мануэл в 1512 году распорядился о прекращении преследований участников лиссабонского погрома, а в 1521 году, незадолго до смерти, снова запретил маранам, под угрозой конфискации имущества, покидать Португалию. Но в целом до вступления на престол его сына и преемника Жуана III (1521—1557) жизнь маранов была защищена, и Португалия считалась убежищем для новохристиан.

Жуан III в отличие от отца был религиозным фанатиком, всецело находившимся под влиянием духовенства. Став королем, он поручил произвести тайное следствие о религиозной жизни маранов. Крещеный еврей Энрике Нунес, который прежде исполнял на Канарских островах обязанности инквизитора, получил задание притвориться человеком, преданным иудейству, и войти в близкое сношение с наиболее видными маранскими семьями. О результатах проведенного таким образом следствия королю был представлен доклад, в котором говорилось, что мараны лишь по форме христиане, а на самом деле они — иудеи, а потому с ними следует поступать так, как поступают с еретиками. Нунес в своих отчетах предлагал ввести инквизицию.

Отчеты Нунеса не только были наполнены самыми злыми нападками на маранов, но и, что вызвало у них ужас, содержали поименный список всех тайных иудеев; среди них был и родной брат Нунеса. Два марана, Диого Вас и Андреас Диас, решили отомстить ему. Переодевшись в монашеское платье, они в июле 1524 года подобрались близко к Нунесу и закололи его; в ноябре того же года их казнили. После убийства Нунеса в стране стали требовать наказать маранов; особенно неистовствовало духовенство. Еще один повод к выступлениям против маранов дал невесть откуда возникший «представитель» мнимого еврейского царя, авантюрист Давид Реубени, который окрылил их рассказами о существующем будто бы в Палестине большом еврейском государстве; многие, наслушавшись его, стали почти открыто исповедовать иудаизм. Но, с другой стороны, речи Реубени, слухи о которых дошли до короля, приостановили осуществление задуманных Жуаном III жестоких мер в отношении маранов, так как португальскому королю пришлось в голову с помощью еврейского царя нанести удар турецкому султану Сулейману II, завоевавшему в 1521 году Египет.

Реубени, однако, в конце концов разоблачили как злостного выдумщика, и король велел своему представителю в Риме Брасу Нето вступить в переговоры с папой Климентом VII о введении в Португалии инквизиции по примеру Испании. Все это делалось под большим секретом, так как Жуан III опасался, что мараны покинут Португалию, когда узнают, что

в ней будут действовать инквизиционные трибуналы. В самом начале переговоров Нето наткнулся на оппозицию: влиятельный при папской курии кардинал Лоренцо Пуччи заявил, что королем руководит не желание очистить Португалию от еретиков, а желание воспользоваться имуществом маранов. Таких корыстных целей курия, по мнению Пуччи, не должна была поддерживать. Не исключено, что кардинал всего лишь выражал мнение папского престола, который сам надеялся обогатиться за счет португальских маранов. Словом, спор папы Климента VII с Жуаном III в 1531 году сильно напоминал спор в 1478 году Сикста IV с Фердинандом Католиком.

После долгих пререканий, свидетельствовавших о нежелании ни той, ни другой стороны отказаться от богатой добычи, 17 декабря 1531 года папа наконец подписал бреве, коим назначил главным инквизитором Португалии исповедника короля францисканца Диого да Сильва. 14 июня 1532 года был опубликован губительный для маранов закон, после появления которого возникало лишь два вопроса: кто воспользуется богатством маранов и где будут их сжигать. При таких обстоятельствах, пока закон не вступил в силу, маранам ничего не оставалось делать, как действовать подкупом; тем более что имелся человек, готовый отстаивать их интересы и вхожий в самые разные круги. Это был новохристианин Дуарте да Паз — умный, ловкий и энергичный дипломат, неоднократно исполнявший в Риме щекотливые поручения португальского короля. Но под видом преданного своему государю слуги Паз в действительности вел искусную интригу в защиту маранов. Он подружился с епископом Марко делла Ровере, папским нунцием в Лиссабоне, и не раз передавал ему от маранов деньги; разумеется, что епископ с какого-то момента стал противиться учреждению в Португалии инквизиции. Затем да Паз вошел в доверие к Диого да Сильве, и тот тоже стал брать от него взятки; дошло до того, что да Сильва в конце концов отказался от своей должности. Когда это произошло, папа под влиянием Марко делла Ровере издал 17 октября 1532 года буллу, которой отменил бреве об учреждении в Португалии инквизиции. Более того, 7 апреля 1533 года в еще одной булле он объявил, что это бреве явилось плодом недоразумения и что люди, которые приняли христианскую веру под влия-

нием насилия, не должны считаться членами католической церкви, а значит, не могут в силу этого подлежать преследованию за нарушение веры. Исходя из этого, папа отменил все репрессивные меры, принятые против маранов, и возвратил им конфискованные земли. После этого между папой и представителями Жуана, действовавшими от имени короля, произошел конфликт: Климента обвиняли в том, что он унижает таинство крещения, забывает, что собор в Толедо одобрял насильственное крещение арабов королем вестготов Сисебутом (правил в 612—621 годах), и позорит католический мир, так как в Португалии никто не сомневается, что он уступает силе денег, а не внутренних убеждений. В ответ папа пригрозил отлучить Жуана от церкви. В июле 1534 года, чувствуя приближение смерти, Климент VII еще раз написал епископу делла Ровере о недопустимости инквизиционных преследований против маранов. Столь твердая последовательность Климента объяснялась, как говорил впоследствии кардинал Антонио Пуччи папе Павлу III, тем, что Климент, раз получив от маранов деньги, считал необходимым защищать их до конца.

Вступивший на папский престол Павел III не был связан с маранами никакими обещаниями и относился к ним с гораздо меньшим сочувствием, но в целом продолжил политику своего предшественника. При нем между маранами и папским нунцием Ровере было заключено соглашение, по которому мараны обязались заплатить Римской курии 30 000 дукатов, если инквизиция в Португалии будет окончательно отменена. Курия старалась честно заработать свои деньги и представила Жуану ряд предложений в пользу маранов, но португальский король упорно не желал их одобрить. Тогда 2 ноября 1535 года Павел III опубликовал буллу, которой даровалось прощение всем маранам, начатые против них вероисповедные процессы прекращались, конфискованное имущество возвращалось, а все находящиеся в тюрьмах немедленно обретали свободу; были также восстановлены в правах дети осужденных и бежавших маранов. Таким образом, Павел исполнил, как он говорил, свой долг по отношению к маранам. Но тут оплошали мараны, не сдержав своего слова, — вместо 30 000 дукатов Марко делла Ровере доставил от их имени в курию только 5000. Папа был взбешен.

Тем временем Жуан III нашел энергичного сторонника в лице императора Карла V. Раздраженный обманом папа уступил давлению императора и 23 мая 1536 года весьма неожиданно для маранов издал бреве, коим ввел в Португалии инквизицию, — с тем, однако, условием, что в течение первых трех лет ее судопроизводство будет вестись согласно существующему в Португалии законодательству и первые десять лет конфискованное у еретиков имущество станет поступать в пользу ближайших их наследников, а не португальской казны. Великим инквизитором был опять назначен уже знакомый нам Диого да Сильва.

Мараны поняли свою ошибку и уже более не жалели денег, что не замедлило сказаться на их положении. В начале 1537 года папа известил недавно назначенного в Лиссабон нунция Джироламо Реканати Каподиферро, что присваивает ему право отпускать маранам грехи; также маранам отныне разрешалось свободно оставлять Португалию, и никто — под угрозой отлучения от церкви — не мог препятствовать им приносить жалобы Риму на отношение к ним инквизиторов. С этого момента Лиссабон превратился в оживленный центр купли-продажи отпущения грехов. На это горько жалуется Жуан III в письме папе от 4 августа 1539 года — он говорит, что иудействующие грешат открыто, бросая всем вызов, так как они уверены, что им удастся купить прощение за содеянное. В этом письме король просит папу назначить вторым великим инквизитором своего брата — молодого принца Энрике.

Каподиферро стал уговаривать Павла не санкционировать назначения Энрике, которому было всего 27 лет, но папа склонился на сторону Жуана, а Каподиферро пришлось покинуть Португалию. Правда, уступив королю в вопросе назначения нового великого инквизитора, Павел в то же время подписал 11 октября 1539 года буллу, которая, вступив она в силу, сильно сузила бы сферу деятельности инквизиции. Но булла эта так и не была опубликована, поскольку мараны, как утверждал португальский посланник в Риме Маскарениас, опять не заплатили папе ту сумму, которую обещали. После этого Павел III сделал вид, что мараны его больше не интересуют, и Жуан III восторжествовал.

20 сентября 1540 года в Лиссабоне прошло первое аутодафе. За ним вскоре последовали другие — не только в Лиссабоне, но и в Эворе и Коимбре. До поры до времени обходилось без приговоренных к смерти. Но вот 23 октября 1541 года инквизитор Иоанн де Мелло предал огню пятерых маранов, в числе которых был Гонсало Каннес Бандара — сапожник, объявивший себя пророком. Через несколько месяцев были сожжены в Эворе четыре марана, в том числе еще один мнимый пророк Луис Диас, у которого были приверженцы даже в аристократических кругах, и Давид Реубени, восемь лет до этого проведенный в инквизиционной тюрьме.

Деятельность трибуналов навела страх на португальских маранов, и они поспешили снова заключить денежную сделку с Павлом III. Во всяком случае, об этом говорится в донесении от 2 декабря 1541 года португальского посла в Риме Христована де Сусы, который обвиняет курию в ведении переговоров с маранами; в результате этих переговоров папа должен был будто бы получить сумму, близкую к 10 000 крузадо, а новый нунций вообще мог оказаться у маранов на постоянном жалованье в 250 крузадо в месяц. Жуан III принялся в резких выражениях упрекать за это папу, а тот в ответ на оскорбления, пусть даже и заслуженные, отомстил португальскому королю назначением на пост кардинала в Лиссабоне его личного врага — бежавшего в Италию от преследования Жуана III епископа Висены Мигеля да Сильвы. Жуан не остался в долгу: объявил да Сильву вне закона и отозвал своего посланника в Риме. Дело выглядело так, будто Португалия окончательно порывает с папой. Для маранов это означало предоставление их в полную власть инквизиции. И действительно, великий инквизитор принц Энрике, обретя самостоятельность в своих решениях, учредил трибуналы помимо Лиссабона, Эворы и Коимбры еще в Ламего, Порту и Томаре, а число арестованных маранов резко увеличилось.

Павел, однако, не хотел доводить конфликт до крайности. Налаживать отношения было поручено новому нунцию епископу Луиджи Липпомано. Впрочем, у нунция были также тайные инструкции, согласно которым он должен был приложить усилия, чтобы удалить инфанта Энрике с должности

великого инквизитора, а если это не получится, то под предлогом молодости отодвинуть его от дел.

Эти полномочия Липпомано получил с ведома новохристиан, которые писали в Рим, что ждут его как спасения; в подкрепление этих слов они отправили папе 2000 крузадо. Нунций, однако, застрял на границе, поскольку Жуан не дал ему разрешения на въезд. Инквизиция тем временем продолжала свирепствовать. 14 октября 1542 года в Лиссабоне прошло аутодафе, на которое вывели свыше сотни преступников, причем двадцать из них были выданы светской власти для совершения над ними смертной казни. Липпомано был впущен в Португалию только после того, как папа уведомил Жуана, что его миссия будет сведена к тому, чтобы поставить официально короля в известность о предстоящем Тридентском соборе; при этом папа обещал королю, что новый нунций ничего не станет предпринимать без его разрешения. И на этот раз папа не обманул.

Пример Англии, совершенно отпавшей от Рима, видимо, пугал Павла, и он, оставив попытки подчинить Жуана своей политике, начал вести с ним переговоры относительно дела богатства, конфискуемого у маранов. Его предложение сводилось к тому, чтобы в течение определенного времени все делить поровну. Жуан ответил на это, что никогда не руководствовался в своих действиях материальными выгодами, но поровну делить богатства еретиков отказался, соглашаясь уступить папе лишь их четверть и на срок не более трех лет. Тогда, желая расположить к себе Жуана, папа предложил инфанту Энрике стать кардиналом, но король вместо благодарности с иронией заявил, что папа дает кардинальскую шапку тогда, когда об этом его не просят, и, наоборот, отказывает в ней, когда в этом нуждаются. Энрике, однако, быть кардиналом согласился. Он уже видел себя в этом качестве на большом аутодафе, но с этим вышла незадача: папа назначил вместо Липпомано нового нунция в лице Джованни Риччи да Монтепульчиано и распорядился, чтобы до его прибытия не предпринималось никаких процессов против новохристиан. Прибытие да Монтепульчиано все время что-то задерживало, и, таким образом, со второй половины 1544 по 1548 год в Португалии не было ни одного аутодафе.

Все это время между Римской курией и Лиссабоном шли переговоры, во время которых каждая сторона старалась извлечь для себя больше выгод: папа, столько раз пользовавшийся деньгами маранов, не желал выдавать их в руки инквизиции, король же настаивал, чтобы инквизиция в Португалии была такой же независимой от папского престола, как и в Испании. Только летом 1547 года стороны пришли наконец к соглашению. Маранам даровалось полное прощение за прошлые грехи, все арестованные выпускались на свободу, конфискованное имущество возвращалось хозяевам, дети прежде осужденных не подлежали никаким правовым ограничениям, а впавшие до сего времени вторично в грех не считались рецидивистами — их следовало рассматривать как обычных еретиков, которых покаяние может спасти от костра. Одновременно объявлялись недействительными все индивидуальные охранные грамоты, купленные отдельными маранами у курии с целью освободить себя от преследований инквизиции; отныне эти индульгенции подлежали отсылке в Рим и не могли быть предъявлены инквизитору в качестве защиты от ареста.

Все предыдущие ограничения деятельности португальской инквизиции, объявленные как Павлом III, так и его предшественниками, отменялись. Португальскому великому инквизитору предоставлялась полная свобода действий по отношению к привлекаемым за ересь лицам, то есть никакие действия теперь он не должен был согласовывать с Римом. Папа, правда, счел своим долгом еще раз напомнить королю о необходимости мягкого отношения к новохристианам и просил Жуана дать им при желании по крайней мере в течение одного года возможность покинуть страну, но король твердо отказал. Таким образом, мараны, формально получив прощение за все, совершенное в прошлом, на деле оказались в полной власти инквизиции.

Уже 10 июля 1548 года в Лиссабоне состоялось первое после соглашения с Римом аутодафе; за ним последовало еще два в Эворе. Однако поставить аутодафе на поток, как мечтал Жуан, не вышло. Дело в том, что Павел III — видимо, испытывая угрызения совести за вероломство, совершенное в отношении маранов, — за несколько месяцев до смерти в ноябре 1549 го-

да предоставил им привилегию, сводившуюся к тому, чтобы в процессах против них лишь в исключительных случаях не публиковались имена свидетелей. 13 августа 1550 года Жуан III отправил на имя нового папы Юлия III протест против этой привилегии, заявляя, что она подрывает деятельность инквизиции, ибо, как мы знаем на примере инквизиции испанской, очень многие обвинения строились на тайных доносах. Рим отреагировал на этот протест с большой задержкой, и лишь в 1560 году папа Пий IV отменил бреве Павла III. Этим объясняется сравнительно незначительное количество аутодафе, равно как и число жертв инквизиции, в период с 1548 по 1580 год, которым отмечена уния Испании и Португалии:

	Сожжены живыми	Сожжены in effigie	Подвергнуты другим наказаниям
Лиссабон	2	37	270
Эвора	12	87	1023
Коимбра	37	45	705
Итого	51	169	1998

Относительно незначительное количество сожженных до 1580 года in effigie объясняется тем, что в Португалии трибуналы не вели расследований по делам умерших преступников и не подвергали заочным наказаниям бежавших. В Испании целью таких расследований часто была конфискация имущества умершего или бежавшего, но в Португалии Жуан III за определенную плату освобождал маранов от опасности конфискации. Сделки между маранами и государством происходили каждые десять лет, и деньги, поступавшие в результате в казну, были неплохим для нее подспорьем. Подобного рода сделки не прекратились и со смертью Жуана в 1557 году. Точно известно, что была заключена сделка в 1568 году. В 1578 года по истечении срока договора Себастьян I начал вести переговоры с маранами о новом соглашении, так как нуждался в деньгах для продолжения своей экспедиции в Африку, но договориться до своей гибели не успел. Сменивший его на троне великий инквизитор Энрике считал продажу освобожденных от конфискации оскорблением для религии и поводом

к преступлениям. Через два года Португалия была присоединена к Испании, и вопрос об освобождении от конфискации маранского имущества отпал сам собой.

Когда произошла уния, Филипп II обратился с просьбой к папе Григорию XIII перевести Португалию под юрисдикцию испанского великого инквизитора. Папа, однако, на это согласия не дал, и португальская инквизиция осталась независимым от Испании учреждением. Правда, Филиппу удалось получить от папы право назначать португальского великого инквизитора, и в 1586 году им стал кардинал Альбрехт Австрийский, который в то же время был и губернатором Португалии. С его прибытием в Лиссабон деятельность здесь инквизиции заметно активизировалась. За двадцать лет, в 1581–1600 годах, три португальских трибунала устроили, по одним подсчетам, 50 аутодафе, а по другим — 58. Сохранилось 45 отчетов об этих аутодафе; они дают следующую, разумеется неполную, картину:

	Сожжены живыми	Сожжены <i>in effigie</i>	Подвергнуты другим наказаниям
Лиссабон	6	29	559
Эвора	16	98	1384
Коимбра	37	35	1036
Итого	59	162	2979

Следует заметить, что в Испании за эти же двадцать лет состоялось 35 аутодафе, хотя население ее было значительно больше португальского. Интенсивная работа португальских инквизиционных трибуналов требовала немало денег; средств, идущих от конфискации имущества маранов, для покрытия всех расходов не хватало. В 1583 году Филипп жаловался Григорию III, что на нужды трибуналов необходимо не менее 14 000 крузадо, тогда как их доходы не превышают 10 000. Чтобы покрыть дефицит, Филипп просил папу предоставить инквизиции доход главнейших церквей Португалии. Папа частично удовлетворил эту просьбу: инквизиция получила половину доходов церквей Лиссабона, Эворы и Коимбры и треть доходов других епископств.

Уния с Испанией привела к быстрому обнищанию Португалии. В 1595 году венецианский посол при лиссабонском

дворе Франческо Вендрамини констатирует, что недавно богатый Лиссабон стал очень беден. Короля Филиппа, говорит он, это обстоятельство мало беспокоит. Бедность страны побуждала людей переселяться в Испанию. Потянулись туда и мараны, и это не осталось незамеченным инквизицией. Постепенно португальские мараны становятся фигурантами отчетов испанских инквизиционных трибуналов. В 1593 году толедский трибунал привлек к ответственности семерых выходцев из Португалии по обвинению в иудейской ереси. Их пытали, но они упорно отрицали свою вину; так как против них было лишь одно свидетельское показание, виновность их установить не удалось, и они были оправданы. В 1594 году на аутодафе в том же Толедо пять португальских маранов были сожжены заживо и девять *in effigie*. В 1595 году на аутодафе в Севилье наказали 89 евреев, несколько позже в Куэнке выявили еще 30 иудействующих; упорствующие еретики были заживо сожжены, остальных присоединили к церкви. Все эти люди относительно недавно приехали из Португалии.

Богатые мараны в 1602 году затеяли с Филиппом III переговоры о всеобщей амнистии за прошлые грехи. Архиепископы Лиссабона, Браги и Эворы пытались протестовать против намечающейся сделки, но сумма, предложенная маранами, была слишком велика, и их возмущение не было принято во внимание. Король получил 1 860 000 крузадо, его любимый министр Лерма — 50 000, еще 100 000 крузадо достались двум членам и секретарю Супремы. Мараны, чье богатство оценивалось тогда в 75—80 миллионов крузадо, сравнительно легко перенесли этот внеочередной налог. Еще до опубликования эдикта о всепрощении король отменил большое аутодафе, назначенное в Севилье на 7 ноября 1604 года, а 16 января 1605 года три португальских трибунала выпустили на свободу 410 маранов. После вступления в силу эдикта все португальские новохристиане, где бы они ни жили, были примирены с церковью; для этого им был дан срок милосердия в один год. Все конфискованное у еретиков имущество, если только оно не было продано и не поступило в королевскую казну, подлежало возврату владельцам.

Иногда, впрочем, инквизиция пыталась игнорировать эдикт — в том же 1605 году шесть португальских маранов бы-

ли приговорены к различным наказаниям, и никакие ссылки на амнистию им не помогли. Но это были скорее отдельные эпизоды. Инквизиция словно затаилась; она спокойно дожидалась истечения срока милосердия, чтобы продолжить свою прежнюю деятельность. По его окончании Супрема разослала указание трибуналам изучить все документы, связанные с маранами, дабы установить, кто из них пренебрег амнистией; кроме того, предписывалось выяснить, не совершили ли мараны новые преступления уже после амнистии.

Инквизиция начала свирепствовать с возрастающей энергией и за пять лет, в 1620—1625 годах, устроила в Португалии 25 аутодафе (в Испании — только восемь). В 1623 году перед трибуналом в Эворе предстали 100 маранов из маленького города Монтемор. 5 мая 1624 году живым был сожжен профессор канонического права в Коимбрском университете Антонио Гомем, пойманный за богослужением в тайной синагоге. Его дом сровняли с землей и на его месте воздвигли позорный столб с надписью: «Praeceptor infelix»*. В Коимбре на аутодафе 16 августа 1626 года различным образом наказали 247 человек, 6 мая 1629 года — 218 человек, 17 августа 1631 года — 247 человек.

В 1640 году инквизиционные трибуналы Лимы и Картахены докладывают Супреме, что немало маранов состоят в переписке с еврейскими общинами Голландии и Востока. С этим, возможно, связаны аутодафе в Лиссабоне в 1640-х годах. 6 апреля 1642 года сожгли заживо шесть человек, 25 июня 1645 года — одиннадцать. 15 декабря 1647 года на аутодафе вывели 69 еретиков. Среди них был купец Антонио Роис Каstellо, называвший себя католиком, но при этом отрицавший Троицу и обучавший своих пятерых дочерей и сына еврейским обрядам. За столь оригинальные религиозные взгляды Каstellо сожгли, а его детей приговорили к пребыванию в тюрьме. Но самой примечательной личностью на аутодафе 15 декабря 1647 года был Исаак Кастро. Он родился в 1626 году в небольшом французском городе Тартас и до перехода в иудейство звался Томасом Луи. В 1640 году он переехал в Амстердам, подвергся обряду обрезания и получил имя Исаак; тогда же

* Несчастный наставник (*лат.*).

был обрезан его отец, получивший имя Авраам, а мать стала называться Бенвенидой. Исаак Кастро учился в Лейденском университете, но, к несчастью для себя, повздорил с одним дворянином и убил его на дуэли. От суда он бежал в Бразилию, в местность под названием Пернамбуку, принадлежащую тогда голландцам, но и там ему не дали покоя, и пришлось бежать еще дальше, в португальские владения. Здесь, боясь, как бы его не выдали голландцам, Кастро стал изображать добропорядочного христианина, но в 1645 году у него нашли филактерии; он был арестован и отправлен в Лиссабон. Сидя в тюрьме, Кастро заявил, что никогда не был крещен и откажется от иудаизма лишь в том случае, если ему докажут ошибочность этого учения. К нему в камеру были отправлены два доминиканца и иезуит, но переубедить его они не сумели. Когда был поднят вопрос о сожжении Кастро, инквизиторы стали сомневаться, можно ли его приговорить к такому наказанию, раз нет уверенности, что он был крещен. Но Супрема разрешила это сомнение, и Кастро, не евший в тюрьме мяса из-за того, что оно не кошерное, и не зажигавший лампы в субботний день, погиб в огне как христианин, предавший Христа.

Общая картина деятельности португальской инквизиции в 1640-х годах сводится к следующим цифрам:

	Сожжены живыми	Сожжены <i>in effigie</i>	Подвергнуты другим наказаниям
Лиссабон	37	14	341
Эвора	5	9	632
Коимбра	8	36	143
Итого	50	59	1116

Надо отметить, что в эти годы сравнительно с двумя предыдущими десятилетиями наметился спад активности инквизиции. Несомненно, это было связано с отпадением в 1640 году Португалии от Испании. Про ставшего королем Жуана IV испанцы говорили, что он в душе безбожник, стремящийся уничтожить инквизицию. Разумеется, это не соответствовало истине — Жуан лично присутствовал на некоторых аутодафе, на которых сжигали еретиков. Но, с другой стороны, он

противился конфискациям имущества заподозренных лиц, находя, что это сильно подрывает экономические интересы Португалии, о которых он заботился гораздо более своего предшественника, занимавшего одновременно испанский и португальский троны. Удивительно то, что мараны не сочувствовали самостоятельному существованию Португалии, и некоторые из них оказались замешаны в заговорах против Жуана IV с целью вернуть Португалию в объятия Испании. Так, за участие в таком заговоре был казнен в 1641 году богатый маран Педро Баэса. В связи с этим был издан ряд ограничительных законов против новохристиан; им, между прочим, было запрещено заниматься медициной и аптекарским делом.

Папа всецело находился на стороне Испании и не признавал Жуана IV королем, так что португальский король не мог обратиться к нему с просьбой отменить конфискации, что, согласно канону, могло быть сделано только Римской курией. Жуан, однако, нашел выход из положения: заявив, что не будет вмешиваться в отправление инквизицией правосудия, он в то же время предоставил обвиняемым полную свободу распоряжаться конфискованным у них имуществом. Но не безвозмездно: лица, на которых распространялась эта милость — а речь шла об очень богатых людях, — должны были создать компанию для ведения торговли с колониями в видах обогащения Португалии, а также построить на свои деньги 36 военных судов для охраны торгового флота. Инквизиция увидела в этом нарушение своих привилегий и стала угрожать отлучением от церкви тем, кто посоветовал королю издать этот закон; папа Иннокентий X стал на сторону инквизиции и издал соответствующее бреве. Тем не менее торговая компания была создана; кстати, при ее содействии португальцы отвоевали у голландцев Пернамбуку. Но в 1656 году Жуан IV умер, и Люсия де Гусман, регентша при малолетнем Афонсу VI, не только отменила многие его эдикты, но и потребовала вернуть инквизиции суммы, потерянные из-за этих эдиктов за последние семь лет.

После смерти Жуана IV число жертв инквизиции заметно увеличилось. Для 1651—1673 годов нам известны такие цифры:

	Сожжены живыми	Сожжены in effigie	Подвергнуты другим наказаниям
Лиссабон	68	18	868
Эвора	54	41	2201
Коимбра	62	0	1724
Итого	184	59	4793

Из аутодафе в это время следует выделить два: 15 декабря 1658 года в Порту, когда привлекли к ответственности 90 маранов, и 25 октября 1660 года в Коимбре, когда на аутодафе предстали 237 человек. 1 декабря 1652 года был задушен и сожжен в Лиссабоне Мануэл Фернандес де Вилья-Реаль, бывший в течение многих лет португальским генеральным консулом в Париже. Здесь опубликовал он политическое рассуждение, в котором превозносил герцога Ришелье, между прочим, и за то, что герцог, в противовес Филиппу II, всегда относился толерантно к представителям иных религиозных взглядов. Возможно, это припомнили ему, когда он по коммерческим делам приехал в Лиссабон; он был арестован, год просидел в тюрьме и наконец отправлен на костер.

В последней четверти XVII века аутодафе стало еще больше. Некоторые продолжались по два дня, а в Коимбре в феврале 1677 года аутодафе заняло целых три дня: к сожжению на нем приговорили девять человек, а к другим наказаниям 264. В этот же период, 10 мая 1682 года, состоялось самое большое аутодафе в истории Португалии. Материал для обвинения был в изобилии, поскольку с недавних пор все лица, в жилах которых даже в самой отдаленной степени имелась еврейская кровь, признавались новообращенными, в глубине души преданными еврейству. Таким образом, браки между маранами и «старыми» христианами вовлекали в круг преступников все больше людей, и вскоре почти вся Португалия оказалась в подозрении у инквизиции. Усиление репрессий побуждало маранов делать все новые предложения правительству: например, в 1673 году в обмен на амнистию и изменения в правилах инквизиционного судопроизводства они предлагали содержать на свои средства 4000 солдат в Индии и в случае войны дополнительно еще 1500, а кроме того, платить ежегодно 20 000 крузадо

отступных. Португальское правительство едва не согласилось на столь заманчивое предложение, но затем под давлением инквизиции вынуждено было от него отказаться.

Впрочем, в два последних десятилетия XVII века активность инквизиции в Португалии постепенно стала снижаться. В цифрах картина ее деятельности в 1681—1700 годах выглядит так:

	Сожжены живыми	Сожжены <i>in effigie</i>	Подвергнуты другим наказаниям
Лиссабон	12	12	422
Эвора	8	18	366
Коимбра	39	31	563
Итого	59	61	1351

Надо иметь в виду, что португальские мараны страдали не только от португальской, но и от испанской инквизиции, которая за шестьдесят лет объединения двух стран под скипетром одного короля привыкла считать их объектом своей деятельности. За оказывавшимися в Испании по разным причинам португальскими новообращенными велась постоянная слежка. В 1651 году в Толедо было устроено аутодафе, на которое вывели членов так называемой «португальско-еврейской общины», — 32 человека сожгли живыми и 30 *in effigie*. Подобные аутодафе, разве что с меньшим числом жертв, прошли в 1660 году в Севилье, в 1680 году снова в Толедо и в Мадриде. В 1677 году в Севилье сожгли живыми девять португальских маранов из тех, что в 1660 году были наказаны *in effigie*; семнадцать лет они жили под чужими именами, но инквизиторы все-таки напали на их след; это говорит о том, что розыск еретиков, избежавших суда, никогда не прекращался.

Розыск этот, как правило, опирался на доносы, которые особенно часто исходили от арестованных, желающих таким путем облегчить свою участь. Доходило до трагических курьезов. В 1642 году некий арестант сообщил о живущем в Вальядолиде иудействующем Антонио Лопесе, которого нашли и арестовали. Лопес отрицал свою вину и заявлял, что никогда не сочувствовал иудаизму; следствие тянулось почти двадцать

месяцев, но вальядолидские инквизиторы так и не смогли прийти к единому мнению, а потому дело было отправлено Супреме, которая распорядилась о производстве дополнительного следствия, и лишь оно выяснило, что арестованный Лопес не имеет никакого отношения к Лопесу, упомянутому в доносе. После этого было начато новое следствие, и в декабре 1645 года арестовали еще одного Лопеса, который, однако, утверждал, что в жилах его нет ни капли еврейской крови и что он постоянно соблюдает обряды католической религии. Тем не менее по приказанию Супремы его подвергли пытке, которая, впрочем, не дала никаких результатов, не считая того, что беднягу изрядно изувечили. В конце концов 14 июля 1646 года Супрема распорядилась примирить обоих Лопесов с церковью. Других Лопесов не искали, вероятно, придя к выводу, что арестованный, желая освободиться из тюрьмы, назвал первое попавшееся имя.

В отношении португальских выходцев такие ошибки были тем более неизбежны, что инквизиция арестовывала их по самым вздорным подозрениям. Так, в Овьедо две женщины сообщили инквизитору Педро Муньосу, что в Бенавенте живет некая Люсия Нуньес, родом из Португалии, надевающая по субботам чистое белье. 17 августа 1621 года Супрема приказала ее арестовать. Во время допроса выяснилось, что чистоплотная Люсия, ревностная католичка и чистокровная испанка, имеет привычку менять белье несколько раз в неделю. Тем не менее ее отпустили не сразу и на тот случай, если откроются какие-либо новые обстоятельства, продержали в тюрьме восемь месяцев, до 15 марта 1622 года.

Португальские мараны на всех испанских аутодафе в XVII веке составляли значительный процент. В Кордове, например, в 1655—1700 годах на публичных аутодафе были приговорены к сожжению (заживо и *in effigie*) 399 человек; из них за иудаизм 324, и почти все они принадлежали к португальским выходцам. Примерно такая же картина наблюдается в Толедо, Севилье и других городах. Из мадридских аутодафе следует упомянуть торжественное аутодафе 1680 года, устроенное по случаю приезда в Мадрид французской принцессы, ставшей женой Карла II. На нем предстали 86 обвиняемых; живыми должны были сжечь 21 человека, но в последний

момент двоим заменили смертную казнь вечным тюремным заключением. Сожгли восемнадцать иудействующих и одного мавра. Среди сожженных был выходец из Португалии Луис Сарабия; в свое время он бежал от инквизиции в Бордо, но позже, решив, что опасность миновала, приехал по каким-то делам в Мадрид и тут же был схвачен инквизицией.

К концу XVII века число иудействующих, выводимых на испанские аутодафе, с каждым годом стало уменьшаться. Эта тенденция продолжилась и в следующем веке, и даже то, что время от времени преследования маранов вдруг вспыхивали с новой силой, как это было в 1721—1727 годах, не меняет общей картины. Явилось это результатом энергичной деятельности инквизиции, в течение целого столетия стремившейся к тому, чтобы иудаизм, получивший в 1580 году новый приток сил из Португалии, в Испании опять иссяк, или, быть может, инквизиция ослабила надзор над маранами, считая их не столь опасными, как прежде, — сказать трудно. Но факт остается фактом. В Толедо с 1727 по 1738 год маранов среди осужденных нет; правда, в 1738 году осудили сразу четырнадцать, но затем, согласно отчетам об аутодафе, доходящим до 1794 года, — только одного в 1756 году. В Мадриде в 1732 году несколько маранов осудили на смерть за святотатство, но более до конца существования инквизиции за еврейскую ересь — никого. 13 июня 1745 года в Вальядолиде был приговорен к смерти один маран, и он оказался последней жертвой инквизиции, которой вменили в вину иудаизм. В общем отчете о деятельности инквизиционных трибуналов Испании за период с 1780 по 1820 год говорится более чем о пяти тысячах случаев привлечения к суду, и из них лишь шестнадцать связаны с иудействующими. Последний случай осуждения за еврейскую ересь отмечен в Кордове в 1818 году, когда был обвинен и приговорен к незначительному наказанию некто Мануэл Сантьяго Вивар.

Глава десятая Разнообразная деятельность инквизиции

Не стоит, однако, думать, что испанская инквизиция преследовала прежде всего маранов, морисков и лютеран; она в равной степени уделяла внимание всем, кто посягал на чистоту католической веры, и поэтому, конечно, не могла пройти мимо мистиков.

Мистики учили, что созерцанием, умственными молитвами и путем отвлечения от всего материального человек может возвыситься до непосредственного соединения с Богом и получить от Него прямые наставления в своем существовании. Это, по их мнению, освобождало его от соблюдения предписаний церкви. Ведь душу его и без того озарял свет, исходящий от Самого Бога. Люди, сияющие этим светом — иллюминаты, — не нуждались ни в каких человеческих указаниях. Религиозные обряды, иконы и церкви, утверждали мистики, нужны лишь для необразованных людей, как нужны игрушки детям; люди, поднявшиеся на высоту соединения с Богом, должны обходиться без них.

Иллюминизм вел, таким образом, к отрицанию всех обрядов. Но, с точки зрения инквизиции, зло не ограничивалось этим отрицанием, поскольку внушения, которые, по утверж-

дению мистиков, исходили от Бога, могли во многих случаях исходить от дьявола, — и кто мог с уверенностью сказать, какой мистик действует под влиянием божественного указания, а какой — по наущению дьявола? Вопрос этот принял еще более острую форму, когда рядом с учением иллюминатов возникло учение квиетистов, которые говорили, что все в мире исходит от Бога. Следовательно, человек безгрешен, так как не может заключать в себе греха то, причиной чего есть Бог. Но кто мог поручиться, что квиетисты не действуют под влиянием низменных, внушенных дьяволом страстей и как можно было оставлять без наказания их поступки, которые по характеру своему мало отличались от самых гнусных преступлений?

Первое упоминание о появлении в Испании иллюминатов относится к 1498 году; судя по всему, они прибыли сюда из Италии и привлекли внимание инквизиции не сразу. Учение их распространялось прежде всего женщинами, которые называли себя пророчицами. Большую известность приобрела «святая пророчица» из Пьедраиты, которая утверждала, что часто ведет беседы со Св. Девой и т. д. По мере того как она переходила из города в город и росла слава о ней, у инквизиции находилось в отношении ее все больше подозрений, и наконец дело дошло до великого инквизитора Хименеса. Тот, однако, верил, что пророчица одарена божественной мудростью, и не стал принимать против нее никаких мер. Более того, пророчицу посетил и выслушал король Фердинанд. Все это, однако, не понравилось в Риме. В 1510 году папа Юлий II поручил нунцию Джованни Руффо и епископам Бургоса и Вича расследовать все обстоятельства, связанные с пророчицей, предоставив им право «с корнем вырвать этот скандал, если в нем заключается лишь одно женское легкомыслие». Как шло расследование, мы не знаем; известно только, что пророчица не была подвергнута никакому наказанию. Несколько позже к Хименесу поступил донос на мистика, который говорил, что Бог открыл ему, будто от него святая женщина родит пророка, который исправит земной мир. Этого мистика арестовали, но о том, что было с ним дальше, сведений не сохранилось.

Ранними центрами мистицизма в Испании были Гвадалахара и Пастрана. Около 1521 года здесь одновременно обра-

тили на себя внимание инквизиции несколько иллюминатов. Сначала главой их была белошвейка Изабелла де ла Крус, затем наибольшую известность приобрела Франсиска Эрнандес. Обаятельная женщина, она имела поклонников среди выдающихся людей Испании и отчасти даже с их помощью создала целую мистическую школу. Инквизиция поначалу не принимала ни против нее, ни против ее последователей резких мер. Позже, впрочем, несколько мистиков, позволявших себе эпатажные речи в людных местах, были арестованы. Виднейшим из них был Педро Руис де Алкарас, слова которого признали кощунством. После пытки он отрекся от учения иллюминатов. Суд инквизиции примирил его с церковью и приговорил к заключению в тюрьму, лишению имущества и розгам, причем сечь Алкараса должны были последовательно в Толедо, Гвадалахаре, Эскалоне и Пастране, где он проповедовал свои взгляды.

В 1532 году была арестована сама Франсиска; она выдала инквизиции многих своих поклонников. Примерно в это же время взяли под стражу группы мистиков в Толедо; их главой была двадцатипятилетняя Петронила де Люсена. И с Франсиской Эрнандес, и с толедскими мистиками инквизиция обошлась сравнительно мягко. Но в дальнейшем распространение мистических идей, а также очевидная их связь, с точки зрения инквизиции, с лютеранством побудили Супрему начать с иллюминатами и квиетистами энергичную борьбу. В письме великого инквизитора Вальдеса Павлу IV от 9 сентября 1558 года говорится, что лютеранская ересь ведет начало от тех, кого называют иллюминатами. В этом же году трибуналы получили приказ учредить над иллюминатами особый надзор. Супрема разослала им длинный перечень ложных взглядов, характеризующих эту секту, отныне признаваемую в числе самых опасных, дабы инквизиторы могли более определенно формулировать свои обвинения.

14 июня 1579 года в Льерене было устроено аутодафе, на котором предстали пятнадцать иллюминатов, — десять мужчин и пять женщин; за исключением сапожника Хуана Берналя все мужчины были духовного звания — они обвинялись в сожительстве со своими духовными дочерьми. Всех духовных лиц приговорили к каторжным работам, тюремному заключению

и денежному штрафу. Объявленная главной преступницей пророчица Санс провела все аутодафе с кляпом во рту; ее осудили на вечное заточение и 400 ударам плетью, причем 200 ударов она должна была получить в Льерене, где происходил суд, и 200 — в Ла-Фуэнте-дель-Маэстре, где постоянно жила.

В 1605 году монах-францисканец Хуан де ла Крус представил толедскому трибуналу записку, в которой доказывал, что взаимные ласки лиц, стоящих на высокой ступени духовного развития, возвышают душу, если ласки эти не сопровождаются желанием грешить. Трибунал немедленно привлек его за это к ответственности. Инквизиция относилась достаточно мягко к тем, кого уличали в половых излишествах, но к тем, кто учил, что половая жизнь является богоугодным делом, не проявляла никакого снисхождения: Хуан де ла Крус подвергся различным унижениям, получил удары плетью и был заточен в монастырь на шесть месяцев.

Тот же толедский трибунал судил в 1616 году священника Иеронимо де ла Мадре де Диос. Его судьба была довольно извилиста: монах-доминиканец, он за распутство был изгнан из ордена, но затем, в 1613 году, услышал голос Бога, повелевший ему оставить прежнюю жизнь и целиком посвятить себя уходу за больными в мадридской больнице при церкви св. Мартина. Проповеди Иеронимо создали ему вскоре необыкновенную популярность, и он прослыл святым. Но спустя два года поступил донос, что он говорил, будто душа может достичь такой степени совершенства, при которой всякая мольба, обращенная к Богу, является отрицанием совершенства, по смыслу своему не могущего ни в чем нуждаться. Сам Иеронимо добавил масла в огонь, написав сочинение мистического свойства. 28 мая 1616 года его арестовали, а сочинение было рассмотрено комиссией из пятнадцати теологов, которые нашли в нем 186 ошибочных утверждений. После более двух лет пребывания в тюрьме 2 сентября 1618 года Иеронимо был выведен на аутодафе, где его приговорили к лишению права произносить проповеди и писать на религиозные темы, годичному заключению в монастыре и запрещению затем пять лет бывать в Мадриде и Толедо; кроме того, он должен был выдать трибуналу все свои рукописи. Характерно, что многие из 186 ошибочных утверждений, приведших Иеронимо к аутодафе,

в прежние времена считались церковью выражением высшей религиозности и человеколюбия и не только не преследовались, но всячески пропагандировались, а люди, выступавшие с подобными идеями, обычно признавались святыми.

Примерно в то же время, что и Иеронимо, но в Севилье появился мистик Фернандо Мендес, учивший, что человек может непосредственно сливаться с Богом; многочисленные поклонники считали его святым и просили, чтобы он выпросил для них у Бога различные милости; считалось, что даже прикосновение к одежде Мендеса приносит благодать. Его постоянно окружали «святые женщины», которые после его проповедей в экстазе сбрасывали с себя платья и плясали неприличные танцы; сам Мендес нередко на исповеди заставлял женщин поднимать юбки. При этом к нему стекались на исповедь не только простолюдинки, но и жены высокопоставленных лиц. Трудно представить, почему инквизиция так долго все это терпела, но только спустя несколько лет, в 1622 году, уже после смерти Мендеса, великий инквизитор Пачеко распорядился начать следствие о распространении в Севилье мистических идей. 30 ноября 1624 года состоялось аутодафе над одиннадцатью иллюминатами, из которых восемь сознались, что они простые обманщики. Девятый, Фернандо Мендес, посмертно предстал *in effigie*; еще двое, раб Антонио де ла Крус и священник Франсиско дель Кастильо, были приговорены — один к «легкому отречению» и к епитимии, а другой — к четырем годам монастырского заточения, изгнанию из Севильи и лишению права исповедовать. Круг севильских мистиков не был этим исчерпан, и в феврале 1627 года состоялось новое аутодафе, на котором священника Хуана де Вильялпандо приговорили к четырехлетнему заточению в монастыре и к штрафу в 200 дукатов, а кармелитку Каталину, состоявшую, по-видимому, в связи с Вильялпандо, отправили на шесть лет в «лечебницу», где она должна была добывать средства к существованию трудом.

На фоне этих сравнительно мягких наказаний особняком стоит севильское аутодафе 1630 года, на котором восьмерых иллюминатов сожгли живыми и шестерых *in effigie*; все они, вероятно, были рецидивистами. Но в общем инквизиция избегала применять к мистикам смертную казнь и часто относилась достаточно снисходительно; карающая ее рука насти-

гала, как правило, только самые одиозные фигуры. Связано это было с тем, что многие мистики признавались святыми в широких слоях народа, с которым церковь предпочитала не вступать в резкие противоречия; более того, некоторые мистики нередко впоследствии были канонизированы.

С конца XVII века объектом преследования инквизиция становятся приверженцы молинизма — учения иезуита Луиса де Молины (1535—1600), который пытался согласовать свободу воли человека с понятием о божественном предопределении. У последователей Молины свобода воли все чаще стала проявляться в половой распущенности, а в своих мистических проявлениях они мало чем отличались от иллюминатов. В 1689 году в Севилье был осужден монах Педро де Сан-Хосе, совершавший непристойные действия с исповедовавшимися у него женщинами; при этом монах утверждал, что мистическим образом видит Антихриста, находящегося уже в Иерусалиме, и сильно от этого страдает. Развратного монаха приговорили к «сильному отречению», отправили на шесть лет в монастырь, лишили звания проповедника и исповедника и т. д. 18 мая 1692 года предстала на аутодафе молинистка Анна Рагуза, называвшая себя невестой Христа. Она утверждала, что получает откровения свыше, и отрицала за молитвой и постом всякое значение; в народе говорили, будто она обладает способностью по запаху определять состояние совести человека. Рагуза была приговорена к двум годам заточения и шести годам изгнания. В 1718 году понесли различные наказания за молинизм семеро монахов доминиканского монастыря в Кордове.

В 1779 году севильский трибунал расследовал дело молинистки Марии Лопес, пользовавшейся большой популярностью в народе. То, что в двенадцать лет она сбежала из отцовского дома и сделалась любовницей своего исповедника, не помешало распространению славы о ее святости. Мария утверждала, что бывает на небе, где с благословения Св. Девы Марии вышла замуж за Христа; рядом с этим освобождение ее стараниями от мук ада миллионов душ уже не казалось столь уж сложным. Все это продолжалось почти двадцать лет. В 1779 году чаша терпения церковных властей, видимо, переполнилась, и Марию Лопес арестовали. В тюрьму были отправлены наиболее выдающиеся теологи, чтобы уговорить

ее отказаться от своих проповедей, но она заявила, что готова умереть мученической смертью, впрочем, добавив, что через три дня свыше будет дан знак о ее невиновности. 22 августа 1781 года Марию Лопес приговорили к сожжению, но инквизиторы умышленно не выдавали ее светской власти три дня, ожидая, надо полагать, что обещанный знак все-таки появится. На костер Марию повели с кляпом во рту, так как она стала произносить самые ужасные святотатства. В последний момент, однако, она расплакалась. Инквизиция сочла это за угрызения совести и милостиво распорядилась о том, чтобы ее предварительно задушили и лишь потом предали огню.

Большой популярностью пользовалась в народе Изабелла Мария Эррайс, известная как «святая из Куэнки». У нее было множество поклонников среди францисканцев и кармелитов, в ее честь устраивались процессии, зажигались свечи и т. д. Ее учение, сводившееся к тому, что человек может полностью, кровью и телом, слиться с Христом, вызвало оживленную полемику среди теологов: одни утверждали, что учение Эррайс ложно, ибо противоречит сущности таинства причастия; другие допускали его истинность, но не видели достаточного подтверждения того, что она сама такого слияния достигла; третьи принимали за истину все ее слова. Слава Эррайс росла с каждым днем, но все закончилось 25 июня 1801 года, когда инквизиция арестовала ее вместе с ближайшими приверженцами. Эррайс умерла в тюрьме и была сожжена *in effigie*; один священник и два монаха, арестованные вместе с нею, были сосланы на Филиппины, двое светских получили по 200 ударов розгами и также были сосланы, а ее прислуга была на десять лет отправлена в женское исправительное отделение. «Инквизиция, — замечает ее выдающийся исследователь Генри Чарлз Ли, — могла уничтожить иудаизм, разрушить протестантизм, сделать необходимым изгнание морисков, но она оказалась не в силах вырвать с корнем злоупотребления мистицизмом, который не только свидетельствовал о горячности испанской религиозности, но во многих случаях так мало отличался от учений, долго признаваемых и распространяемых церковью».

Частым явлением, на которое церковь обратила внимание уже в XIII веке, были сексуальные домогательства, которым

духовники подвергали прихожанок во время исповеди. Виновных в этом наказывали сравнительно мягко; часто дело ограничивалось временным увольнением от должности. В 1559 году, вероятно, под влиянием протестантизма, Павел IV предоставил в Гранаде инквизиторам право преследовать священников по обвинению в сексуальных домогательствах, а в 1561 году Пий IV разрешил великому инквизитору Вальдесу распространить это право на всю Испанию. В 1608 году Павел V предоставил то же право португальской инквизиции, а в 1612 году было установлено, что под сексуальными домогательствами, входящими в компетенцию инквизиции, понимается «возбуждение» не только женщин, но и мужчин. Инквизиция, боясь нанести моральный удар духовенству, стремилась не устраивать скандалов из-за домогательств, причем в вероисповедных актах, призывавших доносить обо всех известных преступлениях, опускалась статья о необходимости доноса на духовников, проявивших такую склонность. Около 1620 года появилась даже теория о том, что уважение к духовенству является законом первой категории, а донесение на преступных духовников принадлежит ко второй категории законов, и, следовательно, им можно пренебречь. Правда, Григорий XV в 1629 году распорядился, чтобы инквизиционные трибуналы наказывали духовников, учивших, будто исповедующиеся не должны доносить на виновных в сексуальных домогательствах.

Наказания, налагающиеся на согрешивших священников, зависели от степени вины и, в общем, отличались снисходительностью; наиболее частым было «легкое отречение», наиболее злостных наказывали лишением права исповедовать, накладывали на них епитимии и заточали их в монастыри. В 1578 году на кармелита Августина де Сервера поступила жалоба от десяти женщин, и после расследования его лишили права исповедовать и на год заключили в монастырь. На доминиканца Доминго де Ревисто было подано свыше 50 жалоб; в результате он получил десять лет монастырского заключения. Монах Хуан Ромеро обвинялся пятью женщинами; на суде он сознался, что действительно расточал им ласки, но, ссылаясь на свою импотенцию, попросил суд вынести оправдательный вердикт. Однако его приговорили к десяти

годам монастырского заточения, епитимии и т. д. В 1604 году перед барселонским трибуналом предстал Эстеван Рамонеда. Поступив пятнадцатилетним мальчиком в монастырь, он отличился там «самым отвратительным и противоестественным развратом». Против него дали показания восемь женщин. Преступление Рамонеды было тем ужаснее, что он вступал в половые сношения прямо в церкви. Несмотря на это, суд вынес ему мягкий приговор: четыре года заточения в монастыре и лишение права исповедовать. Между тем за осквернение церкви, согласно каноническим законам, налагалась тяжелая кара; чтобы избежать ее применения в этом и подобных случаях, инквизиционные софисты толковали, что осквернение церкви бывает лишь тогда, когда половой акт совершается публично; если же духовник грешит, находясь с прихожанкой наедине, то это, конечно, тоже грех, но никак не осквернение святого места.

Священники, добровольно каявшиеся перед инквизиционными трибуналами, отделялись еще меньшим наказанием. В 1580 году в толедский трибунал явился францисканец Марк де Латансон и заявил, что согрешил с шестью девушками и семью замужними женщинами. На следствии выяснилось, что Марк исповедовал женщин в особой комнате, где стояла кровать; когда женщина вступала в комнату, он запирали за ней дверь, начинал исповедь, но затем прерывал ее и «предавался отвратительным актам», после чего продолжал исповедь и давал отпущение грехов. Латансон был приговорен к четырем годам монастырского заточения, причем это наказание все сочли чрезмерным. В дальнейшем священники, добровольно сообщившие трибуналу о том, что не сумели укротить свою разбушевавшуюся плоть, перестали наказываться совершенно — за исключением, правда, тех, кто сопровождал разврат «скверным учением». Такое снисхождение, естественно, вело к тому, что духовники, виновные в сексуальных домогательствах, частенько, покаявшись перед трибуналом, затем продолжали осквернять то святое дело, служение которому было их долгом.

Точных сведений о священниках и монахах, виновных в сексуальных домогательствах, нет. Для установления виновности требовалось по меньшей мере два свидетеля; этим

объясняется, почему в делах о домогательствах число жалоб и доносов значительно превышает число состоявшихся процессов. Известно, что в 1723—1820 годах было возбуждено 3775 дел по обвинению духовенства в такого рода преступлениях, причем 2794 обвинений пришлось на долю черного духовенства. Связано это, вероятно, с тем, что черному духовенству было сложнее удовлетворять похоть в повседневной жизни, а потому оно чаще прибегало к осквернению таинства причастия. Сколько человек из этих 3775 предстало перед судом — сказать невозможно, но, судя по всему, их было ничтожно мало.

Двоеженство строго наказывалось в Испании светскими законами, и кажется, что компетенция инквизиции не должна была распространяться на эту область. Но ввиду того, что многократное расторжение брака у евреев и многоженство у мавров допускались религиозными законами, инквизиция стала смотреть на двоеженство христианина как на иудейскую или мусульманскую ересь. Так, именно как еретика 3 февраля 1503 года в Барселоне приговорили к «легкому отречению» двоеженца Пере де Сентильяну, а затем подобные приговоры вошли в традицию.

Характерный случай произошел в Сарагосе в 1513 году. Хорхе де Бардахи был помолвлен в 1477 году с Леонорой Ользиной, но, узнав, что она от кого-то беременна, Бардахи захотел жениться на ней. В 1497 году, то есть через двадцать лет после этого, Ользина вышла замуж. Еще спустя шестнадцать лет, в 1513 году, о ее старой помолвке узнал сарагосский трибунал и привлек Ользину к суду. Защищаясь, она сообщила, что прежний ее жених Бардахи давно уже женат на Хуане де Луна. Трибунал распорядился арестовать Бардахи по обвинению в двоеженстве. Но Бардахи, по-видимому, имел большие связи, и за него вступился король Фердинанд. После этого дело затребовал к себе великий инквизитор Меркардер и, судя по всему, не дал ему дальнейшего хода. Однако сам факт появления такого дела говорит о том, сколь большое значение инквизиция отводила случаям двоеженства.

Правда, тут она вступала в конфликт со светской властью, которая считала преследование двоеженства своей прерогати-

вой. Порой за то, кто будет наказывать выявленного грешника, разворачивалась настоящая борьба. Но если инквизиции удавалось одержать в ней верх, преступник редко мог рассчитывать на снисхождение. Так, на севильском аутодафе 13 мая 1565 года были наказаны четырнадцать двоеженцев: все получили по двести ударов плетьюми, а пятеро, кроме того, были сосланы на каторжные работы. На аутодафе в Кордове 3 июня 1655 года Габриэль де Ольмо, 55 лет от роду, предстал со знаками двоеженца на одежде (да, были и такие!); его приговорили к «легкому отречению», 200 ударам плетьюми и к десятилетнему изгнанию из Кордовы и Мадрида. В отчетах толедского трибунала за 1575–1610 годы говорится о 54 делах, связанных с двоеженством (то есть чуть более одного дела в год), но затем число таких дел в трибуналах становится все меньше и меньше. Объясняется это, вероятно, тем, что их рассматривали светские суды. А в 1767 году, в правление Карла III, королевский совет постановил окончательно изъять дела о двоеженстве из ведения инквизиции.

В 1529 году толедский трибунал приговорил сарагосского священника, вступившего в брак, к следующему наказанию: в течение трех дней он со связанными руками и с кандалами на ногах стоял в нижнем белье у главных ворот церкви, а затем его лишили духовного звания и выслали за пределы провинции. Своеобразный характер наказания говорит о том, что это был первый случай осуждения инквизицией женатого аббата.

Обычным наказанием для вступившего в брак духовного лица были лишение сана, ссылка на каторжные работы сроком на три-пять лет и запрещение жить в определенных местах. Впрочем, статистика свидетельствует, что преступление это не было распространено. В отчетах толедского трибунала за 1575–1610 годы говорится о двух случаях наказания лиц духовного звания за нарушение безбрачия, а за период 1648–1794 годов в том же Толедо отмечено только десять случаев.

В 1596 году прелат Хуан де Овандо известил толедский трибунал, что францисканец Хуан Корильо не просто живет с женщиной, а сошелся с ней браком. Если первое было для священников и монахов не такой уж большой редкостью

и строго наказывалось, как мы уже говорили, далеко не всегда, то второе, безусловно, было событием из ряда вон выходящим, ибо в нем — с тех пор, как протестантские священники стали жениться, — можно было углядеть лютеранскую ересь. Следствие доказало, однако, что это обыкновенное сожительство, и инквизиция передала дело на рассмотрение прелатам францисканского ордена.

С какого-то момента инквизиция вообще стала смотреть на конкубинат как на преступление, которое ее не касается. Когда служитель инквизиции Хаиме Бокка был наказан 12 дукатами штрафа за то, что имел связь с незамужней женщиной, Супрема сделала выговор трибуналу, что он вмешивается не в свое дело. А после того, как в 1506 году севильский трибунал сжег двенадцать человек за «противоестественные преступления» (речь шла о гомосексуальных отношениях. — *Прим. ред.*), Супрема обвинила его в уклонении от прямых обязанностей, состоявших в искоренении иудейской ереси, и специальным письмом запретила кастильским трибуналам рассматривать дела, которые к ним не относятся.

В Арагонии, однако, трибуналы продолжали расследовать такого рода преступления, а португальская инквизиция считала, что за них следует наказывать смертью или каторгой. Когда инквизитор Эредиа ревизовал в 1597 году трибуналы Барселоны, Вича и Урхеля, он нашел, что из 68 дел 15 касаются обвинения в «противоестественных преступлениях»; впоследствии все эти дела были прекращены. В Валенсии на разных аутодафе в 1598–1602 годах за противоестественные половые сношения осудили 37 человек, из них семь монахов. На аутодафе в Лиссабоне в 1723 году за «противоестественный грех» был вынесен приговор — десять лет каторжных работ и удары плетьюми.

Как бы там ни было, очевидно, что в целом прелюбодеяние, двоеженство, склонение к соитию во время исповеди, мужеложство наказывались гораздо менее сурово, чем неосторожно сказанное слово, которое можно было истолковать как ересь. Об этом свидетельствует, например, случай с почтенным дворянином Альваро де Монтальваном. Этот семидесятилетний старик в ответ на речь священника о блаженстве загробной жизни позволил себе заметить, что об этом мы доподлинно

знать ничего не можем. Сказанное стало известно инквизиции, и Альваро арестовали. После проведенного по всем правилам следствия 18 октября 1525 года несчастного старика приговорили к конфискации имущества и вечному тюремному заключению; последнее, правда, вскоре заменили домашним арестом. В 1571 году священник Лидуэнья де Озорио обмолвился, что епископы Тридентского собора заслуживают сожжения, так как взяли на себя роль папы. За это валенсийский трибунал приговорил его к «сильному отречению», лишению сана, шестилетнему заключению и вечному изгнанию из Валенсии. В 1582 году адвокат Пабло Эрнандес добровольно признался суду, что однажды в пылу спора сказал, будто не все канонизированные действительно святые. Он был приговорен к «легкому отречению», штрафу в 6000 мараведи; причем этот приговор должны были прочитать в церкви во время мессы. Эрнандес пожаловался на приговор Супреме, которая отменила публичное чтение в церкви, но увеличила штраф до 20 000 мараведи.

Наказания за еретические высказывания были крайне разнообразны, как, собственно, и сами высказывания, могущие послужить причиной обвинения. Во всех мыслях, словах, выступлениях и сочинениях лучшей части испанского общества, в особенности в теологических трудах, инквизиция искала повод для привлечения их авторов к ответственности. Все это крайне печально отражалось на духовной жизни Испании.

К той же группе преступлений принадлежало богохульство. С первых же дней своего основания инквизиция стала требовать для себя права наказывать богохульников, которых считала еретиками. В 1534 году мадридские кортесы жаловались королю Карлу V на то, что инквизиция арестовывает людей, которые во время игры в карты или вообще в пылу гнева позволяют себе богохульственные выражения; особенно беспокоило жалобщиков, что эти аресты и последующее, пусть даже самое легкое наказание трибуналом отражаются не только на непосредственном виновнике богохульства, но и на его потомстве, которое таким образом теряет «чистоту крови» в нисходящем поколении. Ввиду этого кортесы ходатайствовали перед Карлом, чтобы богохульство строжайшим образом наказывалось светскими судами, но отнюдь не инквизицией.

Король не дал прямого ответа на это ходатайство, ограничившись заявлением, что инквизиция может наказывать лишь за такое богохульство, в котором присутствует ересь. После этого пыл инквизиции в отношении богохульников несколько остыл; тем не менее в доступных нам отчетах об аутодафе случаи богохульства время от времени продолжают встречаться.

Когда инквизиция только была введена в Кастилии, преследование гадателей и магов не входило в ее компетенцию. Но в 1500 году вышел королевский эдикт, который предписывал коррегидорам и судейским чинам следить за тем, чтобы в их округах не было людей, занимающихся гаданием о будущей жизни; если таковые найдутся, их следовало арестовать, причем светские лица отдавались юрисдикции светского суда, духовные — духовного. Однако инквизиция, стремившаяся забрать себе побольше власти, тут же попыталась заявить свое право расследовать все дела подряд — как лиц светских, так и лиц духовных. В 1501 году сарагосский трибунал арестовал несколько некромантов и обратился к Супреме с вопросом, как поступить с имуществом арестованных. Так как дело, по-видимому, впервые рассматривалось инквизицией, великий инквизитор, сам высказавшись за конфискацию, отправил все-таки свое постановление на утверждение короля. Фердинанд известил архиепископа о необходимости обсудить этот вопрос на общем собрании компетентных лиц, и это собрание решило, что конфискованное имущество гадателей и магов должно принадлежать королю.

Первыми сожженными по приговору инквизиции гадателями стали Мартин де Сориа и Гарсиа де Горуалан. Это произошло 16 июня 1511 года в Сарагосе. Такое расширение сферы деятельности инквизиции вызвало недовольство простого народа, в котором маги и гадатели всегда были популярны; поэтому были выпущены инструкции, согласно которым ведению инквизиции подлежали лишь магические действия, содержащие в себе еретические начала. Эта оговорка, очевидно, сильно отразилась на действиях инквизиторов, так как в 1511—1574 годах в Арагонии, несмотря на большое количество аутодафе, отмечено только три случая сожжения гадателей. Примерно такая же ситуация была в Кастилии, Наварре

и других местах. Это не значит, что инквизиция безропотно приняла отведенную ей роль. В 1552 году епископ Симанкас подверг критике разделение магии на два вида и высказал мнение, что нечистая сила действует в каждом виде магии, и так как нельзя никогда с уверенностью сказать, в каком проявлении магии находится элемент ереси и в каком он отсутствует, то инквизиция должна распространять свою компетенцию на все случаи магии и не делать между ними различия. Однако Супрема не решилась целиком примкнуть к взглядам Симанкаса. В 1568 году она вынесла порицание инквизитору барселонского трибунала за то, что он наложил наказание на некоего Перебону Ната, гадавшего больной женщине; подобные преступники, указывала Супрема, не подлежат ведению инквизиционных трибуналов — пусть их судит обычный духовный трибунал.

Но, как всегда, отдельные трибуналы не во всем соблюдали указания Супремы. В 1567 году сарагосский трибунал приговорил четырнадцатилетнего юношу Хуана де Матеба к 50 ударам розог, шести годам монастырской жизни, а по окончании этого срока к году изгнания за то, что он выдавал себя за человека, обладающего способностью видеть предметы сквозь всякую поверхность (помимо, что любопытно, синего цвета) и, следовательно, различающего глубоко под землей все, что в ней находится. В 1585 году тот же трибунал осудил Грасию Мелеро за то, что она откусила палец у повешенного, дабы использовать его в магических целях.

Сложное дело рассматривал в том же 1585 году толедский трибунал. Эльвира де Сеснедес, уже имевшая к тому времени ребенка, совратила свою госпожу и стала жить с ней и с другими женщинами половой жизнью. Когда это вышло наружу, она сумела убежать от преследования, переодевшись в мужское платье. Позже, выдавая себя за мужчину, она поступила на военную службу, а затем оказалась в Мадриде, где выучилась на хирурга. Она даже сочеталась узами брака с молодой девушкой, но что-то, видимо, в поведении молодого мужа вызвало сомнения у окружающих, и его подвергли принудительному медицинскому осмотру, который, впрочем, установил, что он — мужчина. Но сомнения не исчезли, и магистрат Оканьи, где к тому времени оказалась необычная супружеская

чета, передал Эльвиру инквизиции. Инквизиционные врачи на этот раз признали ее женщиной, а все, что с нею происходило, объяснили воздействием магии и демонических сил. После этого Эльвира, которая, вероятно, была гермафродитом, была выведена на аутодафе, где ее приговорили к «легкому отречению», 200 ударам розог и десятилетней бесплатной службе в больнице.

К магам-еретикам инквизиция с конца XVI века стала относить астрологов, которых к этому времени в Испании развелось очень много. 7 октября 1663 года в Толедо был осужден за занятие астрологией священник Сакоме Прамосельяс — его приговорили к трем годам каторги и затем к вечному изгнанию из Испании. В 1667 году печальная участь постигла монаха Лопеса Монтесиноса, которого за гадание по звездам отправили в четырехлетнюю африканскую ссылку. Наказания эти, если сравнить их с наказаниями за другие магические действия, выглядят достаточно суровыми. Например, в 1659 году толедский трибунал арестовал Хуана Северино, который утверждал, что имеющийся у него череп, изукрашенный серебряными вещами, излечивает людей от трехдневной лихорадки. Суд вынес ему порицание, угрожая в случае рецидива сотней розог; череп отняли и бросили в яму, а серебро с него пошло в погашение суммы, которую Северино должен был внести за свое содержание в тюрьме.

Инквизиция, считая магов еретиками, не соглашалась на реформу маркиза Помбаля, предложившего в 1774 году объявить всех магов и вообще людей, считающих себя в силе изменять «непреложные законы природы, установленные Богом», простыми обманщиками, сознательно вводящими других в заблуждение. Этим обманщиков Помбаль предлагал наказывать очень сурово, но при этом в приговорах не перечислять их чудеса, чтобы никто не допускал мысли, что трибуналы и другие суды серьезно считаются с их показаниями. Мало того, если чародей до конца следствия и суда продолжает настаивать на истинности своих слов, он попросту должен быть объявлен ненормальным и отправлен в больницу для умалишенных. Предложение Помбаля, без сомнения, могло бы способствовать искоренению предрассудков в простом народе, но оно бросало невыгодную тень на прошлую деятель-

ность инквизиции, считавшей магов серьезными еретиками, и неудивительно, что инквизиция отвергла его.

Характерно, что преследование магов было более частым явлением в позднейшее время, нежели в первые века существования инквизиции. Так, в отчетах толедского трибунала за 1575—1610 годы из 1172 дел лишь восемнадцать связаны с преследованием за магию. Но спустя сто с лишним лет только на одном аутодафе в Валенсии 1 июля 1725 года из восемнадцати преступников пятнадцать были осуждены за магию. 5 декабря 1745 года в Кордове осудили Педро Алонсо Хурадо по обвинению в том, что он с помощью ведьмы проник в шкаф кордовского монастыря Санта-Клара и рассыпал там любовный порошок; кроме того, у Хурадо имелся заколдованный камень, который приносил ему удачу в карточной игре. Вместе с Хурадо на том же аутодафе по обвинению в магии были осуждены еще четыре человека.

Еще чаще происходили процессы против магов в конце XVIII и в начале XIX века; не без основания некоторые исследователи инквизиции утверждают, что кудесники и чародеи заменили ей исчезнувших евреев и мавров. В 1818 году Супрема предписала севильскому трибуналу арестовать Анну Барберо, обвиненную в соглашении с демоном. 15 октября 1818 года ее осудили на шесть лет изгнания, 200 ударов розог, «легкое отречение» и т. д. 18 июня 1819 года еще одна женщина, Франсиска Ромеро, занимавшаяся лечением посредством магии, была приговорена к изгнанию и 200 ударам, но ей повезло больше — Супрема, рассмотрев приговор, отменила розги.

В противоположность магам, заключавшим лишь временное соглашение с демоном, ведьмы считались окончательно потерянными для христианства, ибо всецело находились во власти сатаны, который избрал их своим орудием для причинения миру зла. Вера в ведьм возникла позже веры в магию; лишь со второй половины XV века папы начинают энергично настаивать на необходимости их преследования. В 1494 году *Repetorium Inquisitorum** уже говорит о существовании ведьм как о само собой разумеющемся; ведьмы, поясняется в этом

* Перечень полномочий инквизиторов (*лат.*).

примечательном документе, устраивают в полночь шабаши, на которые слетаются в большом количестве и предаются самым отвратительным преступлениям; впрочем, оговаривается, что в случаях, когда шабаш является продуктом чьего-то больного воображения, вера в него все равно хуже всякого язычества и должна преследоваться в качестве ереси.

Первый случай наказания ведьмы отмечен в 1498 году в Сарагосе, когда сожгли Грасию Лавалье. Затем в той же Сарагосе в 1499–1500 годах отправили на костер еще четырех женщин. После этого сарагосский трибунал в течение двенадцати лет ведьм не сжигал, да и в дальнейшем действовал в их отношении не так деятельно, как трибуналы в других местах. В 1512 году были преданы огню Мартина Гек и Мария де Арбуэс, затем в 1522 и 1535 годах сожгли еще двух ведьм. Куда большую активность обнаружил трибунал в Бискайе, где, по подсчетам Льоренте, только в 1507 году сожгли свыше тридцати ведьм. В 1517 году за ведьм всерьез взялись в Каталонии, где, как явствует из распоряжения барселонского трибунала, они особенно разгулялись в горных округах. Трибунал требовал принять все необходимые меры к их искоренению, и в довольно короткий срок в Логроньо были наказаны 150 ведьм.

Есть основание полагать, что в это приблизительно время вера в ведьм стала распространяться по всей стране. Супрема, однако, поначалу в отличие от трибуналов на местах обнаружила дух снисхождения и вместо обычной строгости высказывалась за умеренные наказания. Так, например, в 1522 году двум ведьмам был дарован срок в шесть месяцев для того, чтобы они могли безнаказанно покаяться в своих грехах.

В 1526 году была собрана конгрегация в Гранаде, дабы рассмотреть следующие шесть пунктов: 1) Совершают ли действительно ведьмы те преступления, о которых они говорят, и не являются ли их показания плодом болезненной фантазии? 2) Если ведьмы действительно совершают подобные преступления, то должны ли они быть выданы светской власти для сожжения или могут быть наказаны тюремным заключением и примирением с церковью? 3) Если ведьмы на самом деле не совершают преступлений, о которых говорят, то должны ли они быть наказаны так, как будто они совершили эти преступления, или как-нибудь иначе? 4) Входят ли

в компетенцию инквизиции преступления ведьм? 5) Подлежит ли обвиняемый наказанию на основании одних лишь своих показаний, или необходимы иные доказательства его вины? 6) Какие меры подлежит принять для искоренения эпидемии, выражающейся в появлении ведьм и веры в них?

Конгрегация, членом которой, между прочим, состоял и будущий великий инквизитор Вальдес, очень внимательно и подолгу останавливалась на каждом вопросе. Шестью голосами против четырех она высказалась за реальность того, что показывают ведьмы на допросах инквизиционных трибуналов. Вальдес голосовал с меньшинством, заявив, что желал бы, чтобы инквизиторы занялись проверкой того, о чем обычно столь много распространяются ведьмы. Второй вопрос представлял особенный интерес ввиду того, что до этого времени почти все ведьмы приговаривались к смертной казни, и решение большинства конгрегации, что отныне они могут быть примирены с церковью и наказаны тюремным заключением, значительно улучшило ситуацию для многих несчастных; при этом конгрегация подчеркнула, что убийства, якобы совершаемые ведьмами, принадлежат к области большой фантазии, и, следовательно, их не следует выдавать как убийц светской власти. Если же светская власть найдет, что та или иная ведьма действительно совершила убийство, то она может начать против нее преследование после того, как ведьма понесла наказание от инквизиции. По третьему вопросу конгрегация не пришла ни к какому решению; но постановление, вынесенное по предыдущему пункту, гласившее, что ведьмы не подлежат смертной казни, отняло у третьего вопроса его остроту. На четвертый вопрос конгрегация ответила утвердительно и придала лишь санкцию тому, что уже давно практиковалось инквизицией. Следующий вопрос не встретил единодушия: пять членов комиссии высказались за достаточность одного лишь признания. Но Вальдес высказал мнение, что признание должно считаться достаточным лишь в случае, когда дело идет к мягкому приговору; заметим, однако, что розги считались им среди мягких наказаний. Последний вопрос, имевший принципиальное значение, вызвал самые разнообразные мнения, и характерно, что лишь три голоса раздалось за усиление репрессий против ведьм и три за большую активность в расследовании их

злодеяний. Большинство склонялось в пользу того, чтобы усилить борьбу с предрассудками в народе. Предлагалось даже, чтобы бедным детям, впавшим в эту несчастную ересь, была оказана материальная помощь для отвращения их от злого искушения; предложено было также опубликовать эдикт о том, что имущество ведьм и верующих в них не будет подлежать конфискации, если они явятся в течение определенного срока для покаяния перед инквизицией. Вальдес предложил, чтобы инквизиторам был дан ряд новых инструкций, причем главнейшая из этих инструкций гласила, что не следует придавать никакой веры словам привлеченных к трибуналу ведьм в отношении соучастников их преступлений.

Если принять во внимание, с какой жестокостью во всей Европе преследовались преступления, связанные с колдовством, волшебством и чародейством, то нужно признать, что попытка Супремы сдержанно отнестись к эпидемии ведьм и к сопровождающим ее явлениям должна считаться знаменательным событием, тем более важным, что в это именно время вспыхнули эпидемии суеверий в некоторых местах Испании. Особенно грозные размеры приняла наваррская эпидемия. Здесь, впрочем, Супрема не обнаружила примирительных тенденций, и инквизиторы, отвечая на желание населения, так жестоко преследовали мнимых ведьм, что ситуацией обеспокоился даже король Карл V, который пожелал отправить в Наварру специальных проповедников для борьбы с эпидемией суеверия. Проповедников отправили, но проблема была в том, что мало кто из них считал веру в ведьм предрассудком; все они были убеждены в реальности происходящего с ведьмами и, значит, в том, что это зло следует искоренять всеми возможными средствами.

Большинство теологов также были уверены в правдивости показаний ведьм и требовали строжайших против них мер. Так, знаменитый теолог Арнальдо Альбертино писал в 1535 году, что после тщательного размышления он пришел к выводу, что преступления ведьм действительно совершаются ими. Другой авторитет теологии того времени, Альфонсо де Кастро, яростно опровергал тех, кто утверждал, что рассказы ведьм одни лишь видения и мечты больного воображения. Епископ Симанкас, сам исполнявший обязанности инквизитора, тоже был уверен в реальности шабашей.

Несмотря на все это, Супрема продолжала свою относительно снисходительную политику. В 1538 году наваррскому инквизитору Вальдеолитасу было предписано, чтобы он действовал с особенной осторожностью и не уступал народу, требующему сжигать ведьм. Инквизитору было приказано объяснять людям, что урожай или неурожай зависят от погоды, а не от искусства ведьм, что плоды нередко гниют и там, где ведьм совсем и нет, и что не следует верить всему тому, что говорится в «Молоте ведьм»*. Супрема указывала также, что не следует выдавать обвиняемых светской власти для наказания, так как это противоречит постановлениям конгрегации 1526 года. И этот случай не был исключением — в XVI веке Супрема часто вмешивалась в отправление правосудия по отношению к ведьмам, требуя для них снисхождения. Только ее влиянием можно, например, объяснить, почему мурсийский трибунал оправдал в 1584 году Анастасию Сориану, 28 лет от роду, добровольно заявившую, будто она в течение многих лет живет половой жизнью с демоном. Трибунал усмотрел в словах Анастасии самообман, не подлежащий наказанию. Когда та же Анастасия Сориана через двенадцать лет после этого донесла на себя толедскому трибуналу, продолжая обвинять себя в том же грехе, она снова была оправдана, хотя в Толедо ни для кого не было тайной, что ее уже раз судили за это преступление. В 1602 году перед трибуналом Логроньо предстала молодая женщина Франсиска Буйтран, распространявшаяся о своих многочисленных грешных похождениях. Но трибунал нашел ее рассказ неправдоподобным и вынес ей оправдательный приговор, а когда светская власть еще раз потребовала подвергнуть Буйтран судебному преследованию, трибунал ответил отказом. В конце концов светский суд приговорил Буйтран к розгам за обман людей.

Все это не значит, однако, что от политики умеренности не случалось отступлений. Свидетельство тому — большой про-

* «Молот ведьм» (*лат.* «*Malleus Maleficarum*») — трактат по демонологии и надлежащих методах преследования ведьм, написанный католическим инквизитора Генрихом Крамером (латинизированный вариант имени — Генрикус Инститор) в соавторстве с деканом Кельнского университета, инквизитором Якобом Шпренгером. Издан в 1487 году.

цесс 1610 года в Логроньо. 7 ноября здесь вывели на аутодафе 53 человека, и 29 из них были ведьмы. Одиннадцать ведьм приговорили к сожжению на костре, но до этого дожили не все: пять умерли в тюрьме, и огню достались только их изображения, остальных сожгли живьем. На это аутодафе собралось много народу из всех концов Наварры, в процессии участвовали около тысячи служителей инквизиции. Чтение обвинительного акта продолжалось два дня, да и в два дня окончили только потому, что стали читать не все, а только самые важные места. Согласно этому документу, одна из сожженных, Мария Сосайя, обвинялась в том, что была «учительницей» и обратила в ведьм «большое множество мужчин, женщин и детей обо-его пола». Остальные ведьмы обвинялись в «обычных» преступлениях: они устраивали шабаш, имели сношения с дьяволом, сожительствовали друг с другом, причиняли людям страшные несчастья, отрекались от истинной веры, признавали дьявола высшим существом и т. д. Необыкновенным является описание того, как ведьмы устраивали пиршества из мяса умерших, причем нередко родитель съедал собственного сына или дочь. Из человеческих костей они изготавливали яд, не только капли которого, но и одного вида было достаточно, чтобы умертвить человека. Ведьма Мария Ирриаш показала на допросе, что убила таким образом четырех человек, из которых сделала другую смертоносную жидкость. Бывший при ней демон пил, по ее словам, этот яд, и ему он никак не вредил.

Но все-таки этот процесс скорее был исключением. После него Супрема стала требовать от провинциальных трибуналов, чтобы они перепроверяли показания обвиняемых ведьм. Но так как обычно сделать это было невозможно, то фактически ведьм перестали преследовать. В Вальядолиде, например, в 1622–1662 годах из 667 процессов лишь пять было против ведьм. В Толедо в 1648–1794 годах не было ни одного суда над ведьмами. В отчетах испанской инквизиции в урожайные на процессы 1721–1727 годы, когда было 64 аутодафе, не отмечено ни одного случая преследования ведьмы.

В 1726 году в Гибралтаре образовалась первая в Испании ма-сонская ложа; за ней возникли ложи в Мадриде и Кадисе. Вначале их членами были почти исключительно англичане, но

спустя какое-то время в них стали вступать испанцы. 28 апреля 1738 года папа Климент XII буллой «In eminenti» запретил, под угрозой отлучения от церкви, записываться в ложи и предписал епископам и инквизиторам преследовать как тех, кто уже состоит членом этих тайных сообществ, так и тех, кто оказывает им содействие. 11 октября 1738 года великий инквизитор Обре-и-Ларреатеги издал циркуляр, которым потребовал, чтобы в течение шести дней, под угрозой отлучения от церкви и штрафа в 200 дукатов, все, кто что-либо знает о масонах, сообщили об этом инквизиции. Циркуляр прочитали, а затем прибили к дверям церквей, и народ, до того совершенно не имевший понятия о масонстве, узнал о его существовании сразу множество подробностей, которые и послужили пищей для позднейших ложных доносов.

В 1740 году, несмотря на недовольство Супремы, увидевшей в этом посягательство на прерогативы инквизиции, в борьбу с масонством включилась и светская власть. Агенты короля Филиппа V сумели раскрыть ложу в Мадриде, члены которой были приговорены к продолжительным галерным работам. В 1751 году священник Торубия с разрешения папы вступил в ложу, и вскоре благодаря ему правительству и инквизиции стали известны имена всех испанских масонов. Начались многочисленные аресты и ссылки, которые, казалось бы, совершенно уничтожили масонство в Испании. Но всего через несколько лет оно возродилось; причем на этот раз обошлось без участия англичан. Более того, в новую ложу стали вступать высокопоставленные лица, и даже несколько министров Карла III считались ее членами. Эта ложа, со временем получившая название «Великий Восток», встретила соперницу в лице основанной Калиостро «Испанской ложи», которая объединила революционные элементы Испании. В дни, когда Испания была подчинена Наполеоном, члены «Испанской ложи» принимали активное участие в общественно-политической жизни, но после изгнания французов гонения на масонов возобновились.

Папа Пий VII требовал для них строгих кар, настаивал на необходимости конфисковать их имущество и обещал щедрые подарки доносчикам. Инквизиция старалась этим требованиям соответствовать, но, что важно, светская власть, считая, что

масоны как политические преступники должны быть подсудны только ей одной, часто игнорировала распоряжения инквизиции, а та, в свою очередь, не желала отказываться от прав, которые считала своими. Порой это приводило к трагическим казусам. Француз Жан Рост был в 1817 году приговорен гранадским королевским судом к ссылке в Сеуту, но, когда он прибыл к месту ссылки, инквизиционный трибунал снова его судил и постановил заключить в сеутскую тюрьму. Насколько инквизиция была щепетильна в этом вопросе, видно из факта, имевшего место в 1815 году. Священник Диего Диликадо узнал о существовании в Ла-Корунье масонской ложи и донес об этом городским властям. Инквизиция сочла нужным наказать его за то, что донос был сделан светской властью, а не инквизиционному трибуналу. При этом инквизиция зорко следила за тем, чтобы все масоны — независимо от того, как к их деятельности относилось государство, — проходили через горнило ее трибуналов.

Исключение коснулось лишь тех, кто был явно замешан в антигосударственных действиях. Так, в 1820 году масоны приняли активное участие в восстании против правительства короля Фердинанда VII, и, когда восстание было подавлено, инквизиция никоим образом не претендовала их судить. Впрочем, и без инквизиции специальные военные суды проявляли в отношении масонов необыкновенную жестокость. В 1825 году в Гранаде к смерти приговорили всех семерых членов тамошней ложи, а поступивший в ложу накануне ареста ученик был отправлен на пятилетнюю каторгу.

Со второй половины XVIII века инквизиция стала привлекать к ответственности по обвинению в новой ереси, которую она обычно называла философствованием или натурализмом. Ересь эта, вызванная французским влиянием, была сравнительно сильно распространена среди высшей аристократии, и инквизиция даже подозревала в ней некоторых министров Карла III, но привлечь их к ответственности не решалась.

В 1776 году в натурализме был обвинен портовый чиновник в Кадисе Луис Кастельянос. Натурализм его заключался в словах, сказанных публично, что нельзя ничего определенного знать о Боге и загробной жизни. На суде Кастельянос сначала

отрицал свою вину, но затем сознался и молил о пощаде. Севильский трибунал приговорил его к «легкому отречению», конфискации имущества, ношению санбенито и к десятилетней ссылке в Оран, где он должен был прислуживать в госпитале. На аутодафе Кастельяноса вывели одного — это было во всех отношениях показательное мероприятие, на котором в качестве зрителей присутствовали по приглашению инквизиции многие высокопоставленные лица; по замыслу Супремы, им следовало убедиться, сколь строгие наказания ждут последователей французских просветительных идей.

Ту же цель преследовал процесс против адвоката Олавиде, занимавшего высокий пост при севильском губернаторе. На него поступил донос, в котором говорилось, что Олавиде состоит в переписке с Вольтером и Руссо, читает запрещенные книги, не верит в чудеса святых и т. д. Арестованный 14 ноября 1776 года адвокат провел два года в предварительном заключении; были допрошены 72 свидетеля и выявлено 166 высказанных ими еретических мыслей. Инквизиция желала устроить над Олавиде публичное аутодафе с целью устрашить всех, кто разделял его взгляды, однако вина адвоката на это явно не тянула. В конце концов из Рима был получен совет: устроить частное аутодафе, но пригласить на него как можно больше знатных людей, среди которых французская зараза философствования получила особенно сильное распространение. Аутодафе состоялось 24 ноября 1778 года, причем на нем присутствовали многочисленные друзья Олавиде. В течение трех часов инквизитор зачитывал свидетельства о предосудительных идеях подсудимого; в ответном слове адвокат назвал себя жертвой клеветы, но это ему не помогло: его приговорили к конфискации имущества, восьмилетнему заключению в монастыре и запретили посещать многие города; кроме того, он был лишен, равно как его потомство до пятого колена, некоторых гражданских прав. Суровый приговор так потряс Олавиде, что он упал в обморок.

Любопытна его дальнейшая судьба: просидев два года в монастыре, он бежал во Францию, а затем, так как испанское правительство вскоре обратилось к французскому с просьбой о выдаче беглеца, — в Женеву, которую, однако, опять переменял на Париж, когда во Франции вспыхнула революция. Насмо-

тревшись на ее плоды, Олавиде разочаровался во французском Просвещении, посмел говорить об этом вслух и едва спасся от революционной гильотины. В 1798 году он опубликовал покаянную брошюру, которая обратила на себя внимание великого инквизитора Лоренсаны и, по его решению, получила значительное распространение в Испании. Великий инквизитор разрешил Олавиде вернуться на родину, где он и умер в 1804 году.

Приглашение высокопоставленных лиц на аутодафе было прекрасным средством внушить страх тем слабохарактерным «натуралистам», которые, увлекаясь модой, позволяли себе исповедовать просветительные идеи. Так, на следующий день после аутодафе над Олавиде присутствовавший на нем член государственного совета Филипп Саманьего добровольно предстал перед инквизиционным трибуналом и заявил, что читает запрещенные книги. Саманьего представил длинный список книг, прочитанных им, и сказал, что книги эти вселили ему некоторые сомнения относительно истинности тех или иных религиозных начал, но после некоторого размышления он вернулся в лоно католицизма и просит простить его сомнения. Этим заявлением инквизиторы воспользовались, чтобы скомпрометировать ряд знатных людей; от Саманьего потребовали, чтобы он донес на тех, кто с ним говорил и спорил на религиозные темы, кто снабжал его книгами, кому он сам давал эти книги и т. д. В связи с показаниями Саманьего начались расследования против королевских министров Аранды, Кампоманеса, Флоридабланки, О'Рейли, Ласи, герцога Альмодовара, генералов Рикардоса и Массонеса де Лимы и других важных лиц. Впрочем, инквизиция так и не решилась привлечь их к ответственности — тем более на основании показаний единственного свидетеля, — поскольку все они имели могущественных покровителей при дворе и в Римской курии.

Но не так счастливы оказались те, у кого не было связей в высших светских и церковных кругах. Доктор де Висенте, профессор философии Вальядолидского университета, был обвинен в натурализме, так как в его лекциях обнаружили двадцать подозрительных высказываний, а в одной речи он заявил, что сущность религии состоит не в обрядах, а в добродетели. За это в 1793 году его уpekли в тюрьму, и только через восемь лет стараниями своего дяди, инквизитора в Сантьяго,

он был объявлен ненормальным и выпущен на свободу. Но и тут его не оставили в покое, поскольку, к несчастью для себя, де Висенте повел себя так, что не оставил сомнения в абсолютной своей нормальности. Трибунал вновь привлек его к суду и продержал еще целый год в тюрьме, пока он публично не покаялся.

В 1796 году подвергся преследованию профессор словесности университета в Саламанке, выдающийся ученый Рамон де Салас. Его арестовали по обвинению в пропаганде идей Вольтера, Руссо и других представителей французской философии. Не отрицая своего знакомства с произведениями этих писателей, де Салас утверждал, однако, что не только не является их поклонником, но даже неоднократно публично и в письменной форме выступал с опровержениями их взглядов. Суд дважды его оправдывал, но у него было среди инквизиторов много врагов, и их стараниями Супрема потребовала пересмотра дела, назначила новый инквизиционный суд, и наконец де Салас, все это время пребывавший в тюрьме, был осужден на изгнание из Мадрида. Дело, однако, дошло до короля Карла IV, и он распорядился отменить приговор. Великий инквизитор Лоренсана был крайне возмущен вмешательством короля в инквизиционное правосудие, и между ним и королевой Марией-Луизой произошел крупный разговор, во время которого королева бросила Лоренсане упрек, что «люди, подобные ему, вызывают в Европе революции». Великий инквизитор вынужден был сдаться — не только Салас остался на свободе, но и был подготовлен королевский эдикт о том, чтобы впредь инквизиция никого не арестовывала, не получив санкции короля. Эдикт этот король так и не подписал, но сам факт его подготовки свидетельствовал, что былая сила инквизиции уже надломлена.

Цензура поначалу не входила в функции инквизиции. Когда Фердинанд и Изабелла издали в 1502 году закон о книгах, в нем об инквизиции не упоминалось; властью цензоров, а также правом наказывать типографов, книгопродавцев и распространителей книг были облечены архиепископы и епископы, а в некоторых местах и суды. В инструкциях Торквемады и ближайших его преемников также ничего не говорилось о цензуре.

Первым шагом в передаче цензуры в ведение инквизиции можно считать приказ Римской курии, данный в 1526 году испанской инквизиции, следить за тем, чтобы в Испанию не привозились и не получали в ней распространения лютеранские книги. Воспользовавшись этим приказом, великий инквизитор Адриан фактически присвоил инквизиции цензорскую власть. Отныне, согласно распоряжению Адриана, инквизиторы могли запрещать те или иные книги и требовать, чтобы в течение трех дней они были выданы для сожжения. Всем, кто будет этому противиться, Адриан грозил жестокими карами. За этим распоряжением последовал ряд разъяснений. Трибуналы были поставлены в известность, что многие еретики выпускают предосудительные произведения под чужим именем, часто прибавляют опасные комментарии к дозволенным книгам, ложно и в еретическом духе толкуют самые безобидные тексты и т. д. Поэтому инквизиция требовала от трибуналов не только розыска авторов зловредных сочинений, но и их внимательного прочтения. Каждый трибунал обязан был назначить специального человека, чтобы он контролировал книжные магазины, и когда вальядолидский трибунал не сделал этого, Супрема поставила ему на вид. Цензура, таким образом, стала орудием инквизиции, но открыто об этом было сказано лишь в 1539 году, когда великим инквизитором был назначен Тавера — в данных ему полномочиях говорилось о преследовании обладателей и читателей еретических книг.

Этим цензура инквизиции, однако, не ограничилась. Еще в 1527 году она стала выдавать разрешения на печатание книг, причем это делали отдельные инквизиторы по собственному усмотрению, из-за чего случалась неразбериха, когда один инквизитор разрешал то, что запрещал другой. Супрема в 1530 году отобрала у инквизиторов это право, и с этого момента только она одна принимала такие решения. Сначала она не требовала, чтобы ей предоставлялись все подлежащие печатанию рукописи, — это происходило выборочно и только в особых случаях, но в 1536 году было объявлено, что отныне ни одна книга не должна печататься без предварительного разрешения Супремы. Но, похоже, это решение так и не вступило в силу, и в 1550 году предварительная цензура была предоставлена исключительно королевскому совету. На долю Супремы

же выпало изымать из обращения книги, которые она считала еретическими, несмотря на то, что светская цензура их предварительно одобрила. Изъятие это могло быть полным, и тогда все экземпляры преступной книги торжественно сжигались, или частичным, когда уничтожались страницы книги, которые инквизиция полагала еретическими. Об изъятии Супрема извещала трибуналы особым эдиктом, который читался в церквях и прибывался к их дверям, чтобы никто не мог оправдываться неведением. Со временем, когда число недозволенных книг резко возросло, потребовались особые их каталоги: так, появился *Index librorum prohibitorum**.

Впервые Index был напечатан в 1546 году университетом в Лувене (Фландрия). Супрема перепечатала его с особым приложением, в котором перечислялись запрещенные только в Испании книги; в таком почти виде (пока печатали, были запрещены еще некоторые книги, и их названия вписали вручную) Index был 1 сентября 1547 года разослан трибуналам. В 1550 году лувенский университет составил второй Index, который в 1551 году с некоторыми дополнениями, сделанными Супремой, получил широкое распространение в Испании. С 1559 года инквизиция получила право самостоятельно, не сносаясь предварительно с Римской курией, составлять свои списки недозволенных книг, которые все разрастались вследствие включения в них множества протестантских произведений и разнообразных изданий Библии с комментариями, признанными еретическими. Заведующий составлением каталога запрещенных книг доктор Франсиско Санчо предложил Супреме в 1559 году включить в Index произведения Платона, Аристотеля, Сенеки, Феофилакта, Тертуллиана, Лактанция, Оригена и многих других, поскольку нашел в их произведениях еретические мысли. Но Супрема не решилась взять на себя ответственность за изъятие из обращения книг, которые служили главным предметом изучения в университетах. С другой стороны, она назначила специальных ревизоров, которые должны были объехать все монастыри и университеты, посетить магазины и частные библиотеки на предмет выявления вредных книг; также под страхом отлучения от церкви и штра-

* Список запрещенных книг (*лат.*).

фа в 200 дукатов все владельцы книг отныне обязаны были присылать Супреме на просмотр подозрительные сочинения, которые оказывались у них в руках.

Одним из первых подвергся гонению со стороны инквизиционной цензуры Эразм Роттердамский. Еще в 1515 году его произведения энергично защищал от инквизиции кардинал Манрике, который, став через восемь лет великим инквизитором, сам же и запретил их. Затем были запрещены учебники латинской и греческой грамматики, получившие всеобщее распространение в 30-х годах XVI столетия, и попали под подозрение все книги, напечатанные в Германии после 1519 года; были конфискованы и уничтожены даже многие католические книги, прежде не вызывавшие никаких нареканий. Супрема потребовала также, чтобы все университетские профессора теологии под угрозой отлучения от церкви выдали трибуналам имеющиеся у них Библии на еврейском и греческом языках.

Светская власть во всем, что касается цензуры, поддерживала инквизицию. В 1558 году был издан закон, каравший смертью и конфискацией имущества продававшего или хранившего у себя осужденные инквизицией книги; последние в случае обнаружения подлежали публичному сожжению. В силу этого же закона во всех книжных магазинах на виду у публики должен был находиться Index, по которому покупатели обязаны были сверяться, делая покупки. Были назначены специальные королевские ревизоры, на обязанности которых лежал надзор над ввозом иностранных книг и контроль над книгами, обращающимися в Испании. Распространение рукописи без предварительного разрешения королевского совета наказывалось смертью и конфискацией имущества.

Цензура книг требовала внимания и широкой эрудиции. В 1596 году мурсийский трибунал предложил патеру Арсе и его брату цензурировать сочинение «Театр человеческой жизни» врача Теодора Цвингера, вышедшее в 1565 году в Базеле в восьми объемных томах. Арсе работал над выполнением этой задачи много лет; в результате только перечисление мест, запрещенных в труде Цвингера для чтения, заняло в Index'e 38 страниц. Нередко цензорам давали на просмотр книги через 30—40 лет после их выхода в свет, и любители чтения под-

вергались преследованию, не зная, что книги, безнаказанно находившиеся в их библиотеке в течение нескольких десятков лет, вдруг почему-то попали в Index. Опубликование нового Index'a влекло за собою продолжительные обыски во всех публичных и частных библиотеках, причем не делалось исключения и для самых высокопоставленных лиц. В 1612 году не была пощажена даже королевская библиотека в Эскуриале, и король вынужден был просить не удалять из нее запрещенные книги и не выдирать отдельные страницы из книг, приговоренных к частичному уничтожению.

Как бы отвечая на эту просьбу, великий инквизитор Бернардо де Сандовал-и-Рохас издал 12 ноября 1613 года эдикт, согласно которому книги, не имеющие отношения к религии и церкви, но исходящие от авторов, другие произведения которых признаны еретическими, следовало пометить особо, и читать их разрешалось только приору монастыря, главному библиотекарю и профессорам; теологические произведения, сочинения по истории церкви и папства должны были быть помещены в особую комнату, и их читать могли лишь приор и главный библиотекар с особого разрешения великого инквизитора и Супремы. Раввинские сочинения и Библии с еретическими комментариями на испанском языке также было предписано держать в особом месте и на них сделать отметку, что они запрещены; их разрешалось читать приору, главному библиотекарю и профессорам. Наконец, медицинские сочинения, написанные авторами, книги которых признаны запрещенными, мог читать только монах, заведующий аптекой в Эскуриале.

Пристальное внимание со второй половине XVI века инквизиция стала обращать на книги, ввозимые из-за границы. Отчет севильского трибунала от 25 сентября 1558 года дает представление о том, как инквизиторы боролись с иностранными книгами. «Мы получили, — говорится в нем, — приказ о принятии мер против привоза книг на судах, и с нашей стороны было сделано все возможное, чтобы этому помешать. В момент прибытия судов мы отдали распоряжение тщательно обыскать суда. Находящиеся на судах товары могли быть выгружены лишь после того, как мы твердо установили, что в мешках не зашиты иностранные или вообще запрещенные

книги. Найденные нашими комиссарами в различных гаванях книги отправлены инквизиционному трибуналу, а товар, предназначенный в Севилью, запечатан и может быть распечатан лишь в присутствии ревизора инквизиции, который удостоверит, что нигде нет никаких книг. Все книги, которые, как нам кажется, прибыли в Севилью водой или вообще доставлены сюда из других городов, переданы трибуналу для просмотра, и те, что были найдены им подозрительными или вредными, задержаны». И т. д. Подобно ввозу и вывозу книг нуждался в особом разрешении и зависел от усмотрения инквизиционных ревизоров. Например, в 1560 году по распоряжению Супремы была обыскана библиотека кардинала Поле, отправленная из Испании в Венецию.

Дабы ученые-теологи могли опровергать еретические утверждения, некоторым из них разрешалось читать даже самые «вредные» книги. Сначала такое разрешение мог дать только папа, но затем это право присвоили себе инквизиторы. Лицензии на чтение еретических сочинений стали выдаваться не только Римской курией, но и Супремой и даже, без особых затруднений, отдельными трибуналами; последние, как правило, делали это за определенную мзду. Чтобы положить конец злоупотреблениям, Супрема отобрала в 1547 году все выданные ранее трибуналами лицензии.

В последующие годы разрешения на чтение еретических книг выдавались в ограниченном количестве, причем в отдельные периоды дело было поставлено так, что даже король не мог в этом вопросе пренебречь мнением инквизиции. В 1640 году Филипп IV сообщил великому инквизитору Антонио де Сотомайору, что он давно уже в свободное время читает «Историю Флоренции» итальянского историка Гвиччардини; теперь, узнав, что она запрещена, его величество просил выдать ему разрешение на чтение как этой книги, так и других запрещенных книг, не имеющих религиозного характера. Со временем выдача разрешений стала зависеть лишь от великого инквизитора, причем одни великие инквизиторы раздавали их довольно щедро, а другие, наоборот, крайне скупы. В 1747 году, однако, великий инквизитор Прадо-и-Куэста вынужден был опять аннулировать все лицензии ввиду того, что многие из них оказались в руках случайных людей.

Порой цензура испанской инквизиции принимала политический характер. При Филиппе IV она активно выявляла книги, которые содержали в себе непочтительные слова о короле и его приближенных. Весьма показательным и то, что инквизиционная цензура выступила на стороне королевской власти в ее борьбе против чрезмерных притязаний Римской курии. Последняя включала в свои Index'ы сочинения, которые призывали ограничивать власть пап, за что, собственно говоря, боролись испанские монархи, и поэтому испанская инквизиция некоторые из этих Index'ов просто не принимала во внимание. В свою очередь, Филипп IV поддержал инквизиционную цензуру, когда она перестала признавать за Римской курией право запрещать в Испании какие-либо книги. Когда в Риме нашли необходимым внести в Index книгу Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира» (1632) и папский нунций распорядился прибить к дверям испанских церквей эдикт о запрете этой книги, не испросив разрешения великого инквизитора, инквизиция обратилась за помощью к Филиппу IV. Великий инквизитор Антонио де Сотомайор говорил королю, что в борьбе между королевской властью и абсолютистскими стремлениями Рима инквизиция всегда становилась на сторону первой и не запрещала, несмотря на требование Римской курии, те книги, которые защищали прерогативы королевской власти; было бы поэтому справедливо, чтобы Филипп теперь принял сторону инквизиции и не допустил вмешательства Рима в цензуру книг на подвластной ему территории. Филипп внял этой просьбе, и имя Галилея действительно так и не попало на страницы испанских индексов.

В 1634 году Филипп IV, раздраженный запрещением книг, выступавших в защиту королевских прерогатив, известил папу Урбана VIII, что он примет меры к изъятию книг в защиту папской власти, если курия не изменит своей цензурной политики. Угрозы эти не возымели действия, и тогда в октябре 1646 года Филипп обратился к Супреме с просьбой высказаться о действиях Рима. Супрема эти действия самым резким образом осудила, указав, что многие книги, запрещенные курией, написаны в самом что ни на есть католическом духе. В ноябре 1646 года Филипп опубликовал эдикт, которым папские распоряжения о ряде книг были признаны недействи-

тельными. Одновременно папский нунций получил строгое внушение, а испанскому послу при курии было велено сообщить курии о твердом решении короля стоять на страже интересов собственной власти и инквизиции. Но и после этого Рим не сразу счел себя побежденным, и инквизиции стоило немало труда окончательно вытеснить курию из области цензуры, которой Супрема желала владеть безраздельно.

Надо признать, что, хотя инквизиция не была политическим учреждением, испанская светская власть порой использовала ее для достижения политических целей. Так, в 1507 году, когда знаменитый Чезаре Борджиа, сын папы Александра VI, после многих перипетий бежал в Наварру, где стал во главе войска наваррского короля Жана III, Фердинанд II попытался уничтожить своего врага, убеждая инквизицию, что Чезаре Борджиа святотатец, атеист и материалист. Когда Фердинанд в 1516 году умер и низложенный за четыре года до этого Жан III попытался силой вернуть себе Наварру, испанское правительство привлекло инквизицию к следствию, которое выявляло сочувствующих бывшему наваррскому королю. Инквизиция тем охотнее оказала эту услугу Испании, что опасалась победы Жана, который не хотел ее чрезмерного усиления.

Нередко также светская власть обращалась к инквизиции, когда желала наказания духовного лица, оказавшегося в оппозиции к ней. Так, пострадал известный историк иезуит Хуан Мариана. В 1609 году он издал в Кельне книгу с рассуждениями об испанской монетной системе, в которой содержалось немало резких выпадов в адрес правительства и, в частности, королевского фаворита герцога Лермы. Так как Мариана занимал видное положение, правительство не решилось прямо выступить против него, но Филипп III по инициативе Лермы обратился к папскому нунцию, который, со своей стороны, побудил толедский трибунал начать против Марианы преследование. Мариана был арестован и просидел в тюрьме год, и случай с ним далеко не единственный. Сохранился меморандум, направленный в 1632 году барселонским инквизиционным трибуналом королю Филиппу IV, где перечисляются услуги, оказанные трибуналом, среди которых были и аресты влиятельных лиц. Впрочем, и без всего этого очевидно, что королевская власть при необходимости опиралась на помощь

прекрасно организованной и распоряжавшейся бесчисленными шпионами инквизиции. Почти во всех интригах, случавшихся при дворе, можно отыскать след инквизиции. Среди прочего, например, она сыграла важную роль в падении фаворитов Родриго Кальдерона и Оливареса.

Кальдерон был секретарем Филиппа III и в течение многих лет определял очень многое при дворе, где у него, однако, были и сильные враги. Инквизиторы выдвинули против него обвинение, будто он прибегает к чародейству, чтобы завоевать симпатии Филиппа, и в 1621 году Кальдерона приговорили к смертной казни. Граф Оливарес был любимым и первым министром Филиппа IV. В 1634 году он вступил в переговоры с евреями Африки и Леванта, надеясь оживить испанскую торговлю. Этого оказалось достаточно, чтобы инквизиция приняла участие в направленных против него интригах. Правда, жизнь Оливаресу, как ни странно, спас великий инквизитор Арсе-и-Рейносо, получивший в свое время благодаря ему епископии Авилы и Паленсии. Дело замяли, но Оливарес вынужден был подать в отставку. Вслед за этим на него посыпались обвинения в самых разных преступлениях, вплоть до намерения отравить папу Урбана VIII. Тут уж великий инквизитор ничего не мог, да и, вероятно, не хотел сделать, и против Оливареса было открыто следствие по всей форме. Это окончательно добило бывшего первого министра, и он умер, избавив себя от дальнейших страданий.

Особенно ярко проявилась политическая роль инквизиции в знаменитом деле Антонио Переса, секретаря короля Филиппа II. Даровитый Перес добился безграничного доверия Филиппа и стал, таким образом, могущественнейшей фигурой в Испании. С благородством и изяществом манер в нем соединялись замечательные способности; в то же время он охотно предавался светским удовольствиям, приводя в изумление окружающих роскошью и великолепием своей повседневной жизни. Тайной любовницей Переса стала вдова его покровителя принцесса Эболи, склонность к которой, как считается, имел и Филипп II. В 1577 году в Мадрид прибыл Хуан Эскобедо, посланец побочного брата короля Хуана Австрийского, который в это время был правителем Нидерландов. Отношения

между братьями были непростыми, а тут еще от имени своего патрона Эскобедо настойчиво требовал денег и этим довел короля до крайней степени раздражения. В конце концов Филипп поручил Пересу покончить с Эскобедо. Перес с тем большей охотой принял на себя это поручение, что Эскобедо узнал о его связи с принцессой и готов был сообщить об этом королю. После двух неудачных попыток отравления Эскобедо в ночь на 31 марта 1578 года был зарезан на улице наемными убийцами.

Следы скрыть не удалось, и подозрение в организации убийства пало на Переса. Филипп, уверенный, что Перес действовал исключительно в его интересах, всячески защищал секретаря, но затем узнал о любовной связи, существовавшей между Пересом и принцессой, и в нем заговорило чувство ревности. В ночь на 29 июля 1579 года Перес и принцесса были арестованы. После двухлетнего бессудного заключения принцесса была освобождена, но дело ее тянулось еще более десяти лет, до самой ее смерти 2 февраля 1592 года.

Что касается Переса, то его осудили — но не за убийство Эскобедо, а за злоупотребления по службе. Его приговорили к двухлетнему тюремному заключению, десятилетнему удалению от двора и к уплате гигантского штрафа в 12 224 739 мараведи, из которых 7 371 098 пошли в пользу фиска и в возмещение убытков наследникам мужа принцессы — за полученные им от нее подарки. Семья убитого Эскобедо напрасно взывала о правосудии, но Филипп боялся давать делу ход, так как Перес якобы припрятал где-то документы, говорящие о причастности его величества к убийству. За этими документами началась настоящая охота, а Перес тем временем в апреле 1590 года бежал в Арагонию. Здесь как араговец по происхождению он очутился под покровительством местных законов и судебных привилегий.

Арагония в это время чутко стояла на страже своей автономии; важнейшей ее привилегией было замещение поста вице-короля исключительно лицами арагонского происхождения. Филипп эту привилегию всеми силами оспаривал; посланный им в Арагонию для переговоров граф Алменара своей заносчивостью и пренебрежительным отношением к местным узаконениям возбудил против себя всеобщее недовольство. Тем самым для Переса создалась очень благоприятная атмосфера.

Филипп, когда понял, что Перес выскользнул у него из рук, пришел в страшную ярость и выместил свою злобу на беззащитных детях и жене Переса; они были брошены в тюрьму, где провели целых девять лет до смерти своего мучителя. Вместе с тем отдан был приказ схватить беглеца живым или мертвым, и это было сделано, но местные власти решили, что судить Переса следует в Арагонии. Бывший секретарь прибыл в Сарагосу, где народ оказал ему чуть ли не королевские почести, а суд, как и следовало ожидать, его оправдал. Впрочем, он остался в тюрьме, поскольку против него стараниями королевских представителей выдвинуты были новые обвинения. Но все шло к тому, что и эти обвинения ни к чему не приведут и Перес вскоре окажется на свободе. Таким образом, величайший монарх христианского мира оказался бессилен перед опальным беглецом и вынужден был призвать себе на помощь инквизицию. Сначала Пересу было приписано намерение бежать к еретикам Беарна, пограничного с Испанией виконтства, затем были подкуплены слуга Диего Бустаменте и учитель Хуан де Басанте, пользовавшиеся безграничным доверием Переса, которые заявили инквизиции, что Перес позволял себе выражения, свидетельствующие о его неверии и о кощунственном неповиновении воле Божией.

Инквизитор Медрано, облекши этот донос в надлежащую форму, представил его Супреме. Тут же призванный в качестве эксперта монах Диего де Чавес признал слова Переса еретическими. На этом основании Супрема 21 мая 1591 года отдала приказ заключить Переса в инквизиционную тюрьму. Этот приказ экстренно отправили в Сарагосу, и уже 24 мая инквизиторы Медрано, Мендоса и Морехон послали местным властям соответствующее предписание; те, однако, отказались подчиниться. Тогда местный инквизиционный трибунал потребовал выдать обвиняемого, ссылаясь на то, что в делах веры местные привилегии теряют силу. На этот раз уклониться от исполнения приказа было невозможно, и Переса перевезли из обычной тюрьмы во дворец Алхаферия, где находилась тюрьма инквизиции.

Но как только весть об этом распространилась, люди вышли на улицы. Толпа ворвалась в дом ненавистного Алменары; графу нанесли тяжкие побои, от которых он через две недели

скончался. Другая часть толпы поспешила к Алхаферии и потребовала выдать Переса и его друга Франсиско Махорини; в противном случае раздавались угрозы сжечь дворец, и инквизиторы, после пяти часов осады, вынуждены были уступить. Переса увезли обратно в прежнюю тюрьму, причем толпа потребовала, чтобы заключенный трижды в день появлялся у окна, дабы все видели, что их местные законы соблюдаются нерушимо.

Восстание в Арагонии стало для Филиппа удобным поводом для того, чтобы покончить с ее вольностями, а с другой стороны, оно открыло простор для расширения деятельности инквизиции. Выслушивались свидетельские показания всех, кто бежал из Арагонии; они утверждали, что зачинщики мятежа хотели присоединить Арагонию к Франции или даже основать республику. Для подавления восстания стали собирать войска. Сарагосский трибунал, готовя, по распоряжению из Мадрида, почву для будущих процессов, опубликовал 29 июня 1591 года эдикт, которым приглашал всех содействовать инквизиции в деле Переса.

В то же время в Арагонии, где возбуждение несколько улеглось, стали думать, как найти компромисс с Мадридом, и пришли к выводу, что самый простой путь к миру... это выдать Переса инквизиции. Но когда сопровождаемые стрелками инквизиторы прибыли к тюрьме и оттуда вывели закованных в цепи Переса и Махорини, с разных сторон неожиданно появились вооруженные люди. В жестокой схватке с обеих сторон погибло тридцать человек, множество было ранено. Перес и Махорини были освобождены. Но долго праздновать успех мятежникам не пришлось. Менее чем через два месяца, 12 ноября, в Сарагосу вошли королевские войска, которыми командовал полковник Алонсо Варгас. Инквизиция торжествовала, надеясь взять реванш за унижения последних месяцев. Перес между тем успел бежать из города и спустя некоторое время объявился в Беарне вместе с другими руководителями мятежа.

Реванш инквизиции, однако, состоялся не сразу. Варгас и прибывший из Мадрида в качестве специального королевского комиссара маркиз Ломбаи принялись убеждать Филиппа помиловать участников мятежа и ограничить компетенцию

сарagosского трибунала исключительно делами религии, и король вроде бы склонялся последовать этому совету. Но так только казалось — на самом деле Филипп усыплял бдительность врагов королевской власти и готовил акцию устрашения. 19 декабря, едва жизнь в Сарагосе вошла в спокойную колею, Варгас неожиданно получил приказ казнить верховного судью Арагонии де Ланусу и арестовать прочих мятежников. Ланусу, по предписанию Филиппа, следовало обезглавить, имущество его конфисковать, а замки и строения сровнять с землей.

Утром следующего дня на рыночной площади уже стоял черный эшафот, и все прилегающие улицы были заняты вооруженными людьми. Объятые ужасом горожане поспешили затвориться в своих домах, и при казни присутствовали одни солдаты. Палач снес Ланусе голову в тот момент, как он возносил молитву Св. Деве.

Затем последовали новые аресты и казни, причем страдали часто люди совершенно невинные, и потому никто не чувствовал себя в безопасности. Дома казненных разрушались, и это стало символом уничтожения местных вольностей. Инквизиция, руки которой наконец-то были развязаны в полной мере, в своей мстительной ярости не отставала от светской власти. Ее тюрьмы были переполнены людьми всех рангов, и аресты не прекращались.

Неожиданно начав репрессии, Филипп столь же неожиданно 17 января 1592 года объявил амнистию, которая не коснулась только руководителей мятежа. Он просил, чтобы и инквизиция, со своей стороны, амнистировала арагонцев, находящихся в ожидании ее суда, однако Супрема ответила отказом, ибо хотела воспользоваться благоприятным моментом, чтобы выкорчевать все корни, из которых могло произрасти в будущем сопротивление ей в Арагонии. Тогда Филипп повторил свою просьбу, говоря, что отсрочка амнистии мешает восстановлению мира и что там, где замешано так много лиц, достаточно наказать наиболее виновных. Но с подобного рода соображениями инквизиция считаться не хотела. 29 апреля Супрема представила королю доклад о своей деятельности, согласно которому в инквизиционной тюрьме Сарагосы содержались 74 арестованных и предполагалось открыть судебное преследование в отношении еще трехсот человек. Королю

пришлось согласиться, что это достаточно веская причина для отсрочки амнистии. 20 октября в Сарагосе состоялось аутодафе, на которое вывели 80 человек; за исключением нескольких морисков и одного двоюродного брата в вину им вменялось сопротивление деятельности инквизиции. Венцом этого аутодафе стало сожжение изображения Переса, сопровождавшееся чтением приговора, в котором перечислялись его многочисленные преступления, в том числе кощунственная хула против Бога, должностные злоупотребления, содомский грех, бегство во Францию, сношения с гугенотами и даже происхождение от еврейской семьи. Почти все это было ложью.

В день этого аутодафе Филипп снова потребовал от инквизиции — настолько твердо, насколько это вообще было возможно, — издания акта об амнистии. Супрема сделала вид, что сдалась, и отправила королю проект амнистии, но почти сразу, на следующий день, сообщила, что получила от сарагосского трибунала еще один список скомпрометированных лиц и просит, чтобы на них амнистия не распространялась. Это было уже слишком! Поэтому Филипп, не вступая в дальнейшую переписку, просто послал проект амнистии в Сарагосу с предписанием обнародовать его уже как указ, что и было сделано 23 ноября с большой торжественностью; в результате более пятисот человек были освобождены от преследования.

Тем временем происходило реформирование местных учреждений Арагонии, сводившееся к полному уничтожению тех вольностей, которые были предметом ее гордости. Независимый арагонский суд — если не номинально, то фактически — превратился в королевский, а все гарантии, установленные против проявлений произвола власти, были отменены; при этом реформы проводились таким образом, будто они были следствием свободной инициативы народа. Все это сопровождалось новой амнистией — для всех тех, против кого возбуждены дела в бытность верховным судьей де Ланусы. Милосердие Филиппа не затронуло только жену Переса и его семерых детей, младший из которых родился в тюрьме.

Перес и его друзья в это время пребывали в Беарне, где их приняла герцогиня Альбре — сестра французского короля Генриха IV. Им удалось убедить Генриха IV, что население Арагонии только и ждет, что кто-то поможет освободиться ему от

Испании. Французский король ухватился за идею образовать из Арагонии самостоятельное государство под протекторатом Франции, и в феврале 1592 года около 2000 человек беарнцев под руководством арагонских мятежников перешли границу. Местное население, однако, встретило их неласково. Вскоре эта армия была загнана в заснеженные горы и разбита испанскими войсками, которыми командовал Варгас. Пленных беарнцев он отпустил, а троих видных мятежников — Дионисио Переса, Франсиско Аэрбе и Диего Эредиа — отправил в Сарагосу, где они закончили жизнь на эшафоте.

Антонио Перес в походе не участвовал, хотя и был одним из главных его вдохновителей. Генрих IV назначил ему пенсию, и он поселился во Франции, надеясь еще когда-нибудь вернуться в Арагон в качестве победителя. Но после того, как Франция и Испания в 1598 году заключили мир, эти надежды пошли прахом. 3 ноября 1611 года Перес умер. Жена и дети, пораженные в правах как наследники осужденного инквизиционным трибуналом, стали хлопотать о его посмертной реабилитации, и в конце концов вынесенный Пересу обвинительный приговор отменили, а потомки его были освобождены от последствий, которые обычно влекло за собой осуждение инквизицией.

Когда королевская власть в Испании перешла к Бурбонам, считавшим, что церковь должна служить государству, на инквизицию были возложены функции политической полиции. Во время войны за Испанское наследство Супрема требовала от инквизиторов верности Филиппу V, а в самом факте противления Бурбонской династии стали усматривать ересь. Когда около 1706 года в Испании начались усиленные поиски государственных изменников, инквизиция взяла на себя обязанность преследовать за измену священников, которые не подпадали под юрисдикцию военных и светских судов. И это не единственная услуга, которую она оказала Бурбонам. Во всей красе инквизиция себя проявила, когда во второй половине XVIII века королевская власть решила поставить барьер на пути проникновения в Испанию идей французского Просвещения. Она подавляла всякое живое слово, любой намек на симпатии к Франции. Так, в 1794 году главнокомандую-

ший испанской армией Антонио Рикардо предстал перед мадридским трибуналом по обвинению «в изъявлении симпатии к происходящим во Франции событиям».

Во время Реставрации инквизиция стала политическим орудием в руках короля Фердинанда VII. При известии о побеге Наполеона с острова Эльбы Фердинанд предписал инквизиционным трибуналам следить за теми, кто сочувствует низложенному французскому императору, и когда генерал Реновалес и полковник Пеон бежали в Португалию, трибунал Сантьяго вступил в переговоры о выдаче беглецов в руки инквизиции. Неудивительно поэтому, что во время революции 1820 года, когда народ взял приступом инквизиционную тюрьму в Севилье, там оказались одни только политические заключенные.

Глава одиннадцатая Римская курия и инквизиция

С первого дня своего основания инквизиция стремилась к полной независимости от Римской курии, и королевская власть самым энергичным образом ее в этом поддерживала. Уже в 1482 году Изабелла обратилась с просьбой к папе Сиксту IV предоставить инквизиторам право окончательно решать все судебные дела и не назначать никаких апелляционных судей и палат. Сикст, однако, ответил королеве, что вопрос этот требует обсуждения, и собрание кардиналов 25 мая того же года решило все-таки не давать полной свободы трибуналам и назначить апелляционным судьей всех инквизиционных процессов в испанских владениях севильского архиепископа Иньиго Манрике. Должность эта, по-видимому, была очень прибыльна, и после смерти Манрике в 1485 году ее добивался сам вице-канцлер папской канцелярии Родриго Борджиа, позже более известный под именем папы Александра VI. Успеха в этом он не снискал, так как Фердинанд воспротивился назначению на этот пост жадного кардинала, и Борджиа снял свою кандидатуру в пользу кардинала Уртадо де Мендосы, епископа Паленсии.

Не всегда, впрочем, апелляционный судья, получая деньги от тех, которые искали у него помощи, действительно оказывал таковую: в большинстве случаев инквизиционные трибуналы не желали считаться с ним и выносили приговоры, оговаривая, что они не подлежат никакой апелляции. Жалобы на это поступали в Римскую курию в значительном числе, но Сикст IV не имел достаточно возможностей, чтобы подчинить инквизицию своей воле, и поэтому вынужден был лавировать, то признавая право апелляции, то отрицая его. В общем, можно сказать, что назначением апелляционного судьи Риму не удалось добиться контроля над инквизиционными трибуналами, на который он рассчитывал.

Зато ей удалось открыть могущественный источник обогащения в виде индульгенций, отпускавших не только прошлые грехи, но и будущие. При Сиксте IV курия превратилась в обыкновенное торжище, где с легкостью выдавались индульгенции заведомым преступникам и еретикам, лишь бы они были в состоянии удовлетворить аппетиты алчных служителей церкви. Индульгенции часто перечеркивали постановления инквизиционных трибуналов, так как осужденные предъявляли свои охранительные грамоты, и неудивительно, что инквизиция стала настаивать на прекращении выдачи индульгенций. Королевская власть в этом поддерживала инквизицию, поскольку Римская курия, прощая за деньги грехи в духовной сфере, позволяла откупаться и от наказаний за самые тяжкие уголовные преступления — другими словами, отменяла решения не только духовных, но и светских судов. Противостояние испанской светской власти и папы дошло до того, что Сикст IV 9 мая 1484 года в особой булле назвал святотатственным мнение тех, кто говорит, будто папские индульгенции могут касаться лишь епитимии и не освобождают от обычных кар. Таким путем подрывались основы правосудия, ибо всякий уплативший курии определенную сумму денег за индульгенцию мог безнаказанно совершить любое преступление.

Но 12 августа 1484 года Сикст IV умер, и папский престол занял Иннокентий VIII. При нем королевская власть, а с нею и инквизиция стали действовать с удвоенной энергией. Торквемада отправил в Рим посланца с точными инструкциями: папе велено было передать, что поведение покойного Сикста,

раздававшего индульгенции всем подряд, было незаконно, и такое впредь продолжаться не может; поэтому король и королева решили отменить действие индульгенций до тех пор, пока не выяснится, как именно в их отношении будет поступать новый папа. Но Иннокентий VIII не собирался отказываться от прибыли, которую давали индульгенции, и 15 декабря 1484 года Фердинанд сделал новый шаг, объявив, что отныне будут караться смертью и конфискацией имущества те, кто воспользуется индульгенцией, выданной папой или его ближайшими советниками без разрешения специально уполномоченного королевского чиновника, а нотариусы и писцы, удостоверившие такие индульгенции или их копии, будут лишены должностей. Это, однако, не остановило Иннокентия VIII, столь же мало щепетильного в денежных делах, как и его предшественник Сикст IV. Но и королевская чета не думала сдаваться: 29 июля 1485 года все высшие представители испанского духовенства получили письмо, в котором говорилось, что к вреду религии и в ущерб королевской казне и авторитету высшей светской власти из Рима рассылаются буллы, рескрипты и исповедные грамоты. Но так как трудно допустить, что папа сознательно подписывает подобного рода бумаги, то их следует считать недействительными — по крайней мере до тех пор, пока не будет установлено, что в них заключена воля папы; а до того времени все индульгенции должны представляться для утверждения королю.

Это вынудило Иннокентия пойти на уступки и передать все полномочия по апелляциям великому инквизитору в надежде, что король и королева не станут отменять папские индульгенции. Однако Фердинанд продолжил давить на курию и вырвал у папы буллу от 10 ноября 1487 года, объявившую недействительными все ранее выданные индульгенции; теперь инквизиторы могли открыть дела против их обладателей. Правда, спустя две недели Иннокентий, словно испугавшись собственной своей уступчивости, издал новую буллу, в силу которой индульгенции вместе с делопроизводством преследуемых их обладателей следовало отправить в Рим, но Фердинанд запретил инквизиторам принимать эту буллу во внимание. Инквизиторы, таким образом, оказались в непростой ситуации: они не могли игнорировать папскую буллу, но и не могли пойти про-

тив желания короля. Иннокентий же, почувствовав, что нашел слабое место в позиции испанской светской власти, не только потребовал, чтобы старые индульгенции продолжали сохранять свое значение, но и стал выдавать новые. А в 1488 году он, нарушив свое прежнее установление, назначил епископа Майорки апелляционным судьей в Арагонию.

Смерть Иннокентия VIII в 1492 году изменила положение дел в пользу Фердинанда. Новый папа Александр VI не только подтвердил в 1494 году, что высшая апелляционная власть принадлежит великому инквизитору, но и назначил одного из генеральных инквизиторов, Франсиско де ла Фуэнте, апелляционным судьей для всех инквизиционных дел. При этом, не желая отказываться от прибыльной статьи доходов, Александр VI продолжил продавать индульгенции. Когда же недовольство этим короля достигло предела, папа опубликовал 29 августа 1497 года буллу, в которой с мнимым возмущением говорил о том, что еретики получают иногда от курии — помимо его воли, разумеется, — индульгенции, освобождающие их от всяких наказаний; поэтому, считая такое положение крайне вредным для церкви и религии, папа объявляет потерявшими значение прежде выданные индульгенции; отныне они будут облегчать лишь совесть преступника, но не освобождать его от инквизиционного, светского или иного суда. 17 сентября 1498 года Александр VI известил инквизиторов, что следует преследовать еретиков, не считаясь с имеющимися у них индульгенциями, так как все они индульгенций не заслуживают. В то же время в присутствии самого папы в Риме было устроено аутодафе, в котором участвовали 230 кающихся маранов, прибывших из Испании; наказание их носило характер денежных штрафов, то есть Александр VI не мытьем, так катаньем брал свое. Это вызвало крайнее недовольство Фердинанда, запретившего всем этим маранам возвращаться в Испанию без особого разрешения короля. Был также издан эдикт, в силу которого бежавшие от преследования инквизиции за границу в случае возвращения в Испанию подлежали без всякого суда немедленной казни, причем треть их имущества отдавалась тому, кто укажет на них инквизиции, а у скрывавших их, равно как и у чиновников, не выполнявших этого эдикта, конфисковалось имущество.

Римская курия слишком дорожила доходом от продажи индульгенций, чтобы отказаться от него, не устроив себе какую-либо компенсацию. Едва только Александр VI согласился признать недействительность выданных индульгенций, как сразу же стали назначаться комиссии, расследующие причастность к ереси того или иного лица. Комиссии эти не безвозмездно выносили приговоры, противоречащие постановлениям инквизиционных трибуналов.

Избранный папой 1 ноября 1503 года Юлий II, как и его предшественники, время от времени выдавал индульгенции, назначал особые комиссии для рассмотрения некоторых еретических дел и пытался вернуть право апелляционного суда Римской курии. При этом он менял свои решения в зависимости от того, что считал для себя наиболее выгодным в конкретный момент, нисколько не принимая во внимание недавно данные за определенную сумму торжественные обещания. В конце концов между ним и Фердинандом 31 августа 1509 года было заключено соглашение, согласно которому Супрема должна была собрать все индульгенции, рассортировать их на полученные по заслугам и обманным путем; обманщики подлежали строгому наказанию, а «справедливые» индульгенции следовало снабдить подписью королевского консула; без этой подписи отныне все индульгенции объявлялись недействительными.

Это не помещало очередному папе Льву X выдавать индульгенции без всякого согласования с испанскими чиновниками — особенно после того, как 23 января 1516 года умер Фердинанд II. Более того, Римская курия при нем нередко стала вмешиваться в самые мелкие дела инквизиции. Показательно дело некоего Бернардино Диаса. В 1518 году он был привлечен толедским трибуналом к суду и вскоре оправдан; полагая, что доносчиком был его знакомый Бартоломе Мартинес, Диас, выйдя из тюрьмы, убил его и бежал в Рим. Инквизиционный трибунал приговорил его к сожжению *in effigie*, а также арестовал его жену и нескольких друзей по подозрению в соучастии в убийстве. Тем временем в Риме Диасу удалось получить отпущение греха при условии, что он даст известное удовлетворение родственникам Мартинеса; его жену и друзей было предписано выпустить на свободу. Инквизиция отказалась

это сделать, а когда исполнители воли Римской курии потребовали возвращения конфискованного у Диаса и его друзей имущества, толедский трибунал их арестовал. Из Рима последовал возмущенный окрик: инквизиторам велели явиться в Рим, а когда они оставили это требование без внимания, их отлучили от церкви, что, в свою очередь, вызвало крайнее недовольство императора Карла V. По-видимому, дело это тянулось еще несколько лет и завершилось освобождением из толедской тюрьмы жены и друзей Диаса, то есть курия добилась своего.

Особые опасения по поводу вмешательства Рима в дела инквизиции возникли в Испании в 1542 году, когда папа Павел III учредил конгрегацию — своего рода генеральное инквизиторство для всего христианского мира. Для успокоения испанского общественного мнения папа выпустил в 1548 году специальное послание, в котором объявлялось, что конгрегация нисколько не будет нарушать независимости испанской инквизиции. Это послание папы нередко служило могучим оружием в руках инквизиции, когда возникала необходимость отразить попытки поставить Мадрид в подчинение Риму. Тем не менее курия не считала свое дело проигранным, и тот же Павел III в 1549 году говорил о гегемонии папы в инквизиционных делах и о праве продажи индульгенций. Мало того, он и вслед за ним Юлий III заявляли, что папские охранительные грамоты освобождают не только совесть, но и тело преступника, а потому никакие духовные или светские суды не могут привлечь к ответственности того, кто владеет индульгенцией.

В царствование Филиппа II конфликт между курией и инквизицией продолжался с той же остротой. В 1568 году Филипп жаловался своему послу Хуану Суньиге на то, что в Рим подаются апелляции не только на дела, касающиеся вероисповедных вопросов, но и всякие другие. Суньига разговаривал на этот счет с папой Пием V, но ничего не добился. Точно так же получил отказ аббат Брисеньо, отправленный в 1580 году к Григорию XIII с просьбой не давать в Риме убежище еретикам, бежавшим от инквизиции. Хуже того, курия как ни в чем не бывало продавала этим еретикам индульгенции. С другой стороны, инквизиция почти перестала с ними считаться. Типичная история произошла в 1591 году в Толедо. Здесь на

аутодафе предстали 24 человека, обвинявшиеся в исполнении иудейских обрядов, и один из них, Франсиско де Вега, предъявил охранную грамоту курии, выданную ему, его матери и сестре. Но инквизиция эту индульгенцию проигнорировала, и де Вега был наказан наравне с прочими обвиняемыми.

Столь твердая позиция нанесла страшный удар доходам Римской курии и, казалось, сделала инквизицию победительницей в споре, который продолжался более столетия. Однако курия недолго пребывала в унынии, и в XVII веке испанские еретики снова начинают обращаться за помощью в Рим. Более того, курия в отношении испанских дел почувствовала такую силу, что в 1637 году даже потребовала, чтобы великий инквизитор Антонио де Сотомайор явился к папскому престолу и отчитался в своих неправильных действиях.

Наиболее характерным, интересным и продолжительным столкновением между Римом и Мадридом следует считать дело Иеронимо Вильянуэвы. Принадлежавший к древней арагонской семье Вильянуэва сумел расположить к себе Филиппа IV и его первого министра Оливареса и стал одним из виднейших сановников государства. В 1623 году на средства Вильянуэвы в Мадриде был основан монастырь Сан-Пласидо, поставивший себе задачей восстановление ослабевшей дисциплины Бенедиктинского ордена. Выговорив себе право назначения руководителей монастыря, Вильянуэва определил туда духовником священника Франсиско де Кальдерона. Не прошло после этого и года, как в одну из монахинь вселился бес. «Болезнь» быстро распространилась среди других обитательниц монастыря; в числе двадцати двух одержимых оказалась и аббатиса Тереза. Кальдерон считался искусным заклинателем бесов, но на этот раз его заклинания не произвели никакого действия. Дикие выкрики одержимых были записаны, ибо существовало поверье, что демоны часто по воле Бога возвещают истины, скрытые от людей. Таких записей собрали почти 600 страниц. Они были отредактированы таким образом, что выглядели как предсказания. Эти предсказания возвещали, что монастырь станет очагом реформы не только ордена, но всей церкви, а одиннадцать монахинь сделаются апостолами Нового Завета, причем на одной из них почиет дух св. Петра, на другой — дух св. Павла, и т. д. Кальдерон же

представит Самого Христа, при этом ему пророчили кардинальскую шляпу, а затем папский престол, который он будет занимать в течение тридцати трех лет. Во всем этом должен был принять участие Вильянуэва, которому предсказания сулили стать кардиналом.

В 1628 году монах Алонсо де Леон донес обо всем инквизиции. Кальдерон пытался сбежать, но был схвачен. Монахинь поместили в тюрьмы инквизиции и начали допрашивать. Кальдерон, трижды подвергнутый мучительным пыткам, ни в чем не сознался. 27 апреля 1630 года на основании показаний свидетелей его осудили за проповедь учения о безгреховности и других ересей, приписываемых иллюминатам, и приговорили к пожизненному заключению. Терезу сослали на четыре года в отдаленный монастырь, монахинь рассеяли по разным обителям.

Дом Вильянуэвы непосредственно примыкал к монастырю; нашлись свидетели, которые утверждали, что ночами его видели в обители. Иные даже показывали, что он садился рядом с Терезой, клал голову ей на колени и задавал вопросы, касающиеся предсказаний демонов и особенно тех из них, которые пророчили ему возвышение в церковной иерархии.

Этих данных было достаточно, чтобы признать Вильянуэву по меньшей мере покровителем ереси. Но инквизиция не дала делу дальнейшего хода, поскольку не решилась преследовать столь влиятельного человека. Вильянуэва, однако, понимал, что собранными против него показаниями в один прекрасный день могут воспользоваться, и 7 января 1630 года явился с покаянием к Антонио де Сотомайору, который был тогда королевским духовником и членом Супремы. Он говорил о своей излишней доверчивости и всячески старался выставить себя жертвой обмана. Делу был дан ход, но после целого ряда совещаний Супрема большинством голосов решила не возбуждать против Вильянуэвы судебного преследования и выдала ему соответствующее постановление, которое он воспринял как охранную грамоту. Больше того: были выпущены на свободу осужденные монахини.

Вильянуэва продолжил пользоваться благоволением короля. Но в 1643 году в отставку ушел его покровитель Оливарес, и это открыло простор для дворцовых интриг против Вилья-

нуэвы. Трудно сказать, кто, собственно, хотел его гибели. Возможно, что здесь сыграло роль желание врагов Оливареса завладеть его бумагами, в которых они надеялись найти материал, способный еще более скомпрометировать бывшего первого министра.

Великий инквизитор Сотомайор в это время уже покидал свой пост и передавал дела Диего де Арсе-и-Рейносо. 20 июня 1643 года Арсе-и-Рейносо получил письмо Филиппа IV, в котором говорилось, что истина о происшедшем в монастыре Сан-Пласидо так и не раскрыта, и, значит, необходимо новое расследование. Тут же были произведены аресты — вновь за решеткой оказались монахини, а также все другие лица, причастные к этому делу, — духовные и светские.

Письмо это, очевидно, было написано самим Арсе-и-Рейносо и лишь подписано королем, которому досталась роль орудия в руках интриганов. Вся эта кампания служила ширмой для атаки на Вильянуэву; это видно хотя бы из того, что в итоге пострадал он один. Следствие окружили непроницаемой тайной, и о нем ничего не было известно ни королю, ни намеченной жертве. Перечисление страшных преступлений Вильянуэвы едва уместили в 21 пункте. Ему вменялось в вину не только общение с демонами Сан-Пласидо, но и занятие астрологией. 31 августа его наконец арестовали и увезли в Толедо, где изолировали от внешнего мира. Извещенный об аресте Филипп искренне изумился, но конфликтовать с Супремой не стал, выразив лишь надежду, что все будет сделано по справедливости, во славу Божию и святой католической веры.

Арест Вильянуэвы взволновал многих в Испании. Государственный совет стал просить за него короля, но тот решил не вмешиваться. Судебному процессу дан был обычный ход. Защищаясь, Вильянуэва ссылался на то, что однажды его уже оправдали, но эти доводы не приняли во внимание. Он провел в тюрьме два ужасных года, прежде чем судебная коллегия решила его судьбу. Нельзя сказать, что суд был особенно суров: Вильянуэву приговорили к «легкому отречению», запретили ему три года бывать в Толедо, Мадриде и их окрестностях, а также вступать в любое общение с монахинями из монастыря Сан-Пласидо. Тем не менее и этому наказанию он отказывался подчиниться, продолжая настаивать на своей

невиновности, и только угроза отлучения от церкви заставила его принять приговор.

Надо помнить, что приговор инквизиции накладывал клеймо вечного бесчестия на родственников осужденного и его потомков. Поэтому понятна резкая реакция брата и сестры Вильянуэвы — Августина и Анны. Августин стал забрасывать короля многочисленными ходатайствами, но Филипп переадресовывал их Арсе-и-Рейносо, а тот, разумеется, делал все, чтобы ничего не изменилось. Тогда, утратив всякую надежду добиться справедливости в Мадриде, Августин обратился к Риму, и его посланец, снабженный денежными средствами, которые открыли ему многие двери, сумел получить от папы Иннокентия X письмо с требованием пересмотреть дело. Арсе-и-Рейносо, однако, отказался не только рассматривать, но даже принимать папское послание, а Филипп, находившийся под его влиянием, готов был слепо ринуться в борьбу с Римом и в азарте объявил, что письмо папы было добыто обманным путем.

Возмущенный Иннокентий X отправил Арсе-и-Рейносо новое письмо, в котором под угрозой лишения его должности великого инквизитора и других кар требовал четко выполнять распоряжения курии. На это ничуть не испугавшийся Арсе-и-Рейносо отвечал, что с Вильянуэвой и без того обошлись чрезвычайно мягко, а собравшееся под его председательством специальное совещание заключило, что король не должен подчиняться решениям папы.

Так в борьбе между курией и инквизицией, в которой интересы бедняги Вильянуэвы постепенно отошли на второй план, проходили месяц за месяцем. Несмотря на проявляемую твердость, Арсе-и-Рейносо чувствовал шаткость своего положения. Время, когда Фердинанд и Карл V так непочтительно обращались с папскими посланиями, миновало. Филипп был государем совершенно иного калибра, и мнение его могло перемениться. Поэтому великий инквизитор решил обезопасить себя от папских угроз двойной игрой. 19 января 1649 года он представил королю доклад, в котором перечислял случаи пересмотра дел по инициативе папы; к таким случаям, по его мнению, могло быть отнесено и дело Вильянуэвы. Признав таким образом авторитет папы, Арсе-и-Рейносо, с другой

стороны, продолжал уверять короля в необходимости непоколебимо стоять на занятой позиции, дабы пресечь на будущее все попытки курии диктовать свою волю.

Отношения между Мадридом и Римом между тем накалялись. Теперь папа требовал безоговорочной передачи всего дела Вильянуэвы курии. Супрема, чувствуя слабость своей позиции, решила поступить по излюбленной в Испании формуле: повиноваться, но не исполнять. Дело обещали отправить в Рим, и 16 сентября 1650 года его в пяти фолиантах выдали нотариусу барселонского трибунала Дамиану де Фонольеде для доставки курии, но на этом все остановилось, поскольку Фонольеда получил предписание короля никуда не ехать. 18 февраля 1651 года папский нунций, согласно указанию папы, заявил Арсе-и-Рейносо, что отныне он и Супрема лишаются всех полномочий, и даже пригрозил ликвидацией инквизиции. Докладывая королю об этом, великий инквизитор просил о двух вещах: не обнародовать это решение во избежание скандала, который неминуемо приведет к падению престижа инквизиции, а также более не откладывать отъезда Фонольеды в Рим. То есть Арсе-и-Рейносо, по сути, готов был к сдаче.

Но только 17 сентября вышеупомянутые фолианты были доставлены папе, при этом выразалась надежда на скорое их возвращение в нераспечатанном виде, ибо теперь инквизиция изъявила желание самостоятельно пересмотреть дело. Испанская сторона просила папу, прежде чем он заглянет в фолианты, подумать о том унижении, которому в этом случае подвергнется личность короля и Испанское королевство в глазах всего христианского мира. Папа остался глух к этому воплю и возратить документы отказался. Он поручил изучить их кардиналам Луго и Альбини и на основе их заключения заявил в июне 1652 года тогдашнему представителю Испании кардиналу Тривульсио, что в деле есть целый ряд противоречий и что оно не что иное, как акт мести. Но, добившись принципиальной победы и не заинтересованный в деле Вильянуэвы по существу, Иннокентий X кончил тем, что через нунция сообщил, что передает его в руки короля. Очевидно, что Вильянуэва был для него пешкой в дипломатической игре с Мадридом.

Вильянуэва умер в Сарагосе 21 июля 1653 года. Вскоре после его смерти инквизиция пыталась возобновить над ним процесс; ее целью было, во-первых, подтвердить право своей юрисдикции и, во-вторых, путем конфискации завладеть его имуществом. Однако папа Александр VII в 1661 году этот процесс запретил, но вовсе не потому, что его заботило сохранение доброго имени Вильянуэвы, а потому, что инквизиция опять вторгалась на территорию, которую курия считала своей.

Когда на испанский престол сели в лице Филиппа V Бурбоны, инквизиция лучше, чем Римская курия, приспособилась к новым порядкам. Папа долго еще боролся за свою гегемонию, но вынужден был медленно, шаг за шагом, уступать. Закон 1705 года, которым запрещались апелляции в Рим и публикация в Испании без разрешения короля каких бы то ни было документов, исходящих от пап, нанес окончательный удар по амбициям курии играть самостоятельную роль во внутренних испанских делах.

Глава двенадцатая Государство и инквизиция

Как сторонник абсолютизма Фердинанд II Католик не мог, разумеется, сочувствовать усилению в Испании власти папы и однажды даже запретил пребывание в своей стране папскому нунцию и легатам. На инквизицию он смотрел не как на средство увеличения авторитета католической церкви, а как на средство усиления собственной власти, которой отныне должен был принадлежать решающий голос не только в светских делах, но и в духовных. Этим объясняется, почему дальновидный король так настойчиво требовал для себя права называть кандидатов в великие инквизиторы и в члены Супремы; правда, первоначально предполагалось, что этим вмешательство Фердинанда в дела инквизиции ограничится. Но Фердинанд толковал свое право контроля над деятельностью инквизиции в самом широком смысле — явочным порядком он стал принимать участие в назначении и смещении ее низших служителей, так что и Торквемада вынужден был официально признать за королем это право, подчеркнув в своих знаменитых инструкциях значительность роли короля во всех делах инквизиции. Но раз великий инквизитор мирился с правом вмешательства Фердинанда в инквизиционные дела,

то и кортесы, естественно, стали обращаться к нему с различными ходатайствами об изменении некоторых суровых мер инквизиции и вообще о преобразовании ее деятельности.

Впрочем, король собственной властью не предпринимал никаких принципиальных шагов. Но при этом он вмешивался во все мелочи сложной жизни инквизиции и не оставлял без внимания ни одного инцидента, который даже косвенно мог быть в той или иной степени вреден интересам королевской власти. С особенным усердием он наблюдал за финансами инквизиции; без его согласия она не могла производить никаких расходов и даже выдавать жалованье своим служителям. С другой стороны, он совершенно не касался духовных дел инквизиции и никогда не высказывался по поводу наложенных трибуналами на еретиков епитимий или провозглашения того или иного обвиняемого еретиком.

Порой Фердинанд вмешивался, если видел злоупотребления, совершаемые отдельными трибуналами, и смягчал чрезмерно жестокие наказания. Напомним о его письмах к папе Юлию II, в которых он указывает, что с 1492 года много евреев и мавров приняли христианство, и было бы несправедливо обращаться с ними крайне строго, так как они еще не достаточно крепки в новой вере. Характерно, что Фердинанд неоднократно намекает Юлию II, что не следует инквизиторам чересчур усердствовать в своей деятельности — умеренность часто полезнее строгости. В 1508 году он запретил насильно обращать мавров в христианство и приказал освободить из тюрьмы тех, кто арестован за нежелание стать христианами. В 1510 году Фердинанд даже приказал инквизиторам разрешить маврам, принявшим христианство, снова переходить в мусульманскую веру.

Со смертью Фердинанда, при номинальном правлении больной Хуаны Безумной и несовершеннолетия Карла V, когда во главе государства находился великий инквизитор Хименес, контроль светской власти над деятельностью инквизиции заметно уменьшился. Не только служители трибуналов, но и приемщики конфискованных ценностей, считавшиеся светскими чиновниками и обязанные отчитываться перед королем, стали назначаться исключительно великим инквизитором либо Супремой. Например, 11 марта 1517 года Хи-

менес пишет толедскому приемщику конфиската, чтобы он ввиду большого количества работы нашел помощника и отправил к Супреме для утверждения его в этом звании. Когда император Карл V, будучи в Нидерландах, собирался в путь, чтобы занять испанский престол, он намеревался реорганизовать инквизицию, о которой его советники, нередко новообращенные, отзывались крайне отрицательно. Но Хименес узнал об этом и убедил совет Кастилии написать Карлу, что мир и спокойствие страны, а также прочность королевской власти могут быть гарантированы лишь в том случае, если испанский король будет во всем поддерживать инквизицию. На Карла, по-видимому, это произвело сильное впечатление, и он даже заявил, что готов исключить из своей свиты всех, в чьих жилах течет еврейская кровь. Желая доказать, что его слова серьезны, он отправил Супреме список своих приближенных с просьбой сделать надлежащее расследование об их происхождении. Вскоре, однако, до Хименеса опять дошли тревожные вести — на этот раз о том, что Карл собирается отменить правило, согласно которому имена свидетелей должны держаться в строгой тайне. Это подрывало сам фундамент инквизиции, и Хименес отправил Карлу письмо, в котором, в частности, писал, что Фердинанд и Изабелла в свое время отвергли 1 200 000 дукатов, предложенные им в обмен на публикацию свидетельских имен, и Карл оставил свою идею.

Прибыв в Испанию и наслушавшись жалоб на пристрастность и жестокость инквизиционных трибуналов, Карл созвал комиссию из теологов, дабы она установила, насколько эти жалобы справедливы. Комиссия собрала огромный материал, в общем крайне неблагоприятный для инквизиции, и дело шло к тому, что она подвергнется значительным изменениям. В последний момент, однако, Карл стал колебаться и отложил реформирование инквизиции на неопределенное время, хотя и клялся перед кортесами это сделать. Но клятва эта была совершенно неискренней, так как вслед за ней он поручил своему посланнику в Риме графу Сифуэнтесу получить от папы разрешение на ее несоблюдение. Единственное, на чем он настоял в смысле ограничения прав инквизиции, — чтобы при всех назначениях испрашивали предварительно согласие короля, но это не всегда соблюдалось.

В 1523 году Карл опубликовал эдикт, коим запретил государственным и общественным учреждениям издавать какие-либо законы, ограничивающие деятельность инквизиции; уже существовавшие таковые законы отныне объявлялись не имеющими силы. Под охраной этого эдикта инквизиция не подчинялась даже простым полицейско-санитарным распоряжениям. В том же 1523 году Карл разрешил избирать инквизиторов на общественные должности. Последние часто распределялись по жребью, и до этого в жеребьевке инквизиторы не участвовали, так как народ — поскольку они находились вне власти обычного суда — опасался с их стороны чрезмерных злоупотреблений. Не осталась без внимания Карла и прислуга инквизиционных трибуналов, на которую он распространил привилегию неподсудности, доступную прежде только инквизиторам и штатным осведомителям.

Филипп II в отличие от других испанских королей не вмешивался в назначения членов инквизиционных трибуналов, предоставляя в этом полную свободу великому инквизитору, тогда как сменивший его на троне Филипп III, наоборот, занимался этим весьма усердно. Например, когда 21 июня 1600 года великий инквизитор Гевара представил ему доклад, в котором просил разрешения переместить инквизиторов из одного трибунала в другой так, чтобы лучшие занимали должности в наиболее выгодных и обширных округах, Филипп III ответил отказом. Мало того, в 1603 году король сам назначал инквизиторов, фискалов и даже мелких инквизиционных чиновников. Судя по всему, Филипп III хотел вернуться к методам правления Фердинанда, поскольку считал недостаточным надзор над деятельностью инквизиции со стороны проводившего свое время большей частью за границей императора Карла и занимавшегося другими делами Филиппа II. Прибыв в Толедо на аутодафе 10 мая 1615 года, Филипп потребовал к себе дело Хуана Коте, обвинявшегося в лютеранстве, и сделал в приговоре несколько изменений, прибавив двести ударов розог и увеличив число лет тюремного заключения. По существу, это было вмешательством в судопроизводство инквизиции, от чего отказывался даже Фердинанд, и толедский трибунал в большом смущении извещал об этом Супрему, прося ее высказаться по этому поводу. Супрема, впрочем, одобрила действия короля,

так как в изменении наказания принимал участие и великий инквизитор Бернардо де Сандовал-и-Рохас. На следующий день после аутодафе Коте был, однако, извещен, что розги, по великодушному желанию Супремы, отменены.

Тут надо заметить, что Филипп III проводил свою политику вмешательства в дела инквизиции с большой непоследовательностью, и рядом с толедским инцидентом 1615 года можно указать немало случаев, когда король заявлял, что полнота власти в инквизиционных делах принадлежит исключительно великому инквизитору. С другой стороны, нередко он поступал вопреки интересам инквизиции. Так, несмотря на ее многочисленные просьбы, он отказывался изгнать маранов из Португалии и даже даровал им — разумеется, за значительные суммы, — различные привилегии, в том числе всепрощение за совершенные еретические преступления. Но при этом был неумолим по отношению к морискам, которых изгнал из Испании к великому для нее ущербу. При Филиппе III — после того, как один рыцарь военного ордена оказал вооруженное сопротивление трибуналу, — юрисдикции инквизиции были подчинены военные ордена.

Филипп IV находился едва ли не в полном подчинении у инквизиции и часто слепо повиновался ее советам; тем не менее именно в его правление в 1643 году, после конфликта между Супремой и великим инквизитором из-за одного назначения, были выработаны правила о назначении и смещении служителей инквизиции, которые усилили значение королевской власти: отныне Супрема и великий инквизитор должны были представлять королю трех кандидатов на каждую новую должность, и король мог выбрать любого из них.

После смерти Филиппа IV и непродолжительного регентства на престол вступил несамостоятельный Карл II. Он никак не вмешивался в дела инквизиции, а она, в свою очередь, игнорировала права короны. Когда в 1705 году великим инквизитором стал Видаль Марин дель Кампо, ему было предоставлено исключительное право смещения и назначения инквизиционных чинов, и это право осталось за великими инквизиторами до конца существования инквизиции.

После смерти Фердинанда возник вопрос о том, кому принадлежит право назначения великого инквизитора. Па-

па Адриан VI утверждал, что предоставленная Фердинанду привилегия в этом деле носила индивидуальный характер и не должна переходить на следующего испанского монарха. Карл V не уступал и настаивал на своем праве назначать великого инквизитора, пусть и с согласия папы. В конце концов ему удалось добиться своего: после долгих переговоров 10 сентября 1523 года великим инквизитором стал его кандидат Алонсо Манрике, епископ Кордовы. Император торжествовал, но победа эта не носила принципиального характера, так как Адриан не только не связал себя на будущее никакими обещаниями, но и ясно дал понять, что соглашается лишь постольку, поскольку находит Алонсо Манрике наиболее подходящим кандидатом на пост великого инквизитора. По-видимому, император с этим согласился; во всяком случае, право папы в вопросе назначения великого инквизитора никем из испанских королей вплоть до Карла III не оспаривалось.

В 1774 году сложил с себя полномочия великий инквизитор Мануэл Кинтано Бонифас. Король отправил папе просьбу о назначении на его место саламанкского епископа Фелипе Бертрана, но ухитрился написать письмо так, что в нем собственно говорилось не о согласии папы предоставить Бертрану генеральное инквизиторство, а о необходимости освободить его от епископского места в Саламанке ввиду назначения великим инквизитором. Письмо Карла в курии получили в тяжелую минуту, когда после смерти 22 сентября 1774 года Климента XIV папский престол был свободен. Избранному 15 февраля 1775 года новым папой Пию VI было не до борьбы с Карлом, и 27 февраля он исполнил желание испанского короля. Правда, послание Пия мало чем отличалось от послания в 1755 году папы Бенедикта XIV при назначении великим инквизитором Бонифаса — в нем, как и прежде, говорилось о *motu proprio* папы. Та же формула была использована и при назначении Пиетом VI в 1784 году великим инквизитором Рубина де Севальоса.

Вопрос о том, может ли король сместить великого инквизитора, юридически не был оформлен, но столкновение светской власти с Манрике ясно показывает, что фактически король мог поставить великого инквизитора в положение, мало чем отличающееся от вынужденной отставки. Алонсо

Манрике считался фаворитом императорской четы. В 1529 году Карл V, отправляясь в Италию, назначил императрицу опекуной над юной графиней Луизой де Акунья, руки которой добивались самые аристократические женихи и среди них племянник великого инквизитора граф Тревиньо. Императрица поселила опекаемую невесту в самое безопасное, как ей казалось, место — в монастырь, но Манрике именно этим и воспользовался — пользуясь своей громадной властью, он устроил там свадьбу Луизы с графом Тревиньо. Императрица в ярости удалила Манрике из королевского дворца и приказала ему жить в его севильской епархии до тех пор, пока Карл вернется из Италии. Увещевания инквизиции не смогли изменить решения императрицы, и лишь в 1533 году, когда Карл возвратился в Испанию, Манрике смог снова свободно исполнять обязанности великого инквизитора. Правда, продолжалось это недолго: через год между ним и Карлом произошел новый конфликт, и Манрике опять был отправлен в Севилью, хотя номинально оставался великим инквизитором.

Другой случай столкновения между королевской властью и великим инквизитором произошел в 1598 году, когда Филипп III, под влиянием герцога Лермы невзлюбив великого инквизитора Портокарреро, обратился к папе Клименту VIII с просьбой издать буллу, принуждающую епископов жить в своих епархиях. Как епископ Куэнки Портокарреро вынужден был подать в отставку, покинуть Мадрид и переехать в Куэнку. Из-за этой же буллы покинул свой пост и следующий за Портокарреро великий инквизитор — кардинал Ниньо де Гевара. Его преемник Хуан де Суньига, епископ Картахены, обошел буллу Климента VIII, предоставив папе управление своей епископией на время своего генерального инквизиторства; но вместе с тридцатитысячным доходом от своей епархии Суньига потерял и здоровье. Мадридский климат оказался ему вреден, и он умер в том же 1602 году, когда и был назначен.

Когда Филипп IV вступил в 1621 году на престол и подпал под влияние Оливареса, между последним и великим инквизитором Луисом де Алиагой, обладавшим сначала вместе с герцогом Лермой, а затем с герцогом Уседой наибольшим могуществом при дворе Филиппа III, неизбежно должен был произойти конфликт. Перемена на троне в глазах Оливареса

означала прежде всего разрыв с политикой предыдущего короля Филиппа III, которую олицетворяли великий инквизитор Алиага и всесильный Уседа. Но воспользоваться против Алиаги буллой 1598 года было невозможно, так как доминиканец Алиага не был епископом и, следовательно, не имел своей епархии. Светская власть оказалась в большом затруднении, столкнувшись лицом к лицу с независимым положением великого инквизитора. Наконец, не найдя лучшего способа избавиться от Алиаги, Филипп IV приказал ему покинуть королевскую резиденцию и отправиться в доминиканский монастырь в Уэте. Хотя великий инквизитор исполнил приказание короля, вопрос о нем не мог считаться решенным, и потребовалось вмешательство папы Григория XV, чтобы вынудить его подать в отставку. Вскоре мадридский трибунал обвинил Алиагу в лютеранстве и материализме, но до суда дело не дошло, так как отставной великий инквизитор умер в 1626 году, до окончания следствия, которое в связи с этим решили не продолжать.

В 1669 году Эверардо Нитхарду, иезуиту немецкого происхождения, пришлось сложить с себя звание великого инквизитора по требованию внебрачного сына Филиппа IV — Хуана Австрийского. Борьба дона Хуана, которому отец даровал титул «князь моря» и поручил командовать флотом, и Нитхарда велась не на жизнь, а на смерть, так как Нитхард обвинял «князя моря» в лютеранстве и стремился погубить его с помощью приписываемого ему письма, полного еретических мыслей. При этом у Нитхарда были далекоидущие планы: наряду с Хуаном он задумал обвинить и вдову Филиппа IV — Марианну Австрийскую.

Во время войны за Испанское наследство отношения между Римом и Мадридом сильно обострились, так как папа Климент XI поддерживал Габсбургов и не признавал Филиппа V. В 1709 году Филипп выслал из страны папского нунция и запретил отправку денег в Рим. Курия стала готовить ответные меры, но Филипп ее опередил и в 1713 году поручил государственному совету подготовить закон, который делал бы обязательным сопротивление попыткам Рима навязать свою юрисдикцию. Когда до курии дошел слух о готовившемся законе, она осудила это особым эдиктом и уговорила

великого инквизитора Франческо дель Джудиче (в Испании его, итальянца по происхождению, звали на испанский манер — Хьюдесе) этот эдикт подписать и опубликовать, хотя, согласно испанским законам, никакой папский эдикт нельзя было публиковать без разрешения короля. Находившийся в это время в Париже Джудиче 30 июля 1714 года отправил эдикт Супреме для публикации, что и было сделано. Случился большой скандал. Филипп V грозил Джудиче всякими карами и известил о происшедшем своего деда — французского короля Людовика XIV. Людовик одобрил поведение внука и отказал в обещанной аудиенции Джудиче, велел передать ему, что он сам накажет его, если Филипп этого не сделает. Джудиче в такой ситуации не оставалось более ничего, как сложить с себя звание великого инквизитора. Вскоре, однако, король подпал под влияние кардинала Альберони, и Джудиче был снова приглашен занять пост великого инквизитора, причем Филипп V извинился перед ним в довольно унижительной форме, заявив, что был введен в заблуждение злыми советниками. Дружба Альберони и Джудиче, впрочем, оказалась непродолжительной; в 1716 году Джудиче запретили появляться в королевской резиденции, и он подал в отставку.

Члены Супремы на первых порах назначались королем. Фердинанд, без ордера которого ни один член Супремы не мог получать жалованья, мало считался с независимостью этого учреждения и заставил однажды членов его принять в качестве коллеги некоего Агире, хотя против него были единодушно все руководители Супремы. После смерти Фердинанда зависимость Супремы от королевской власти стала уменьшаться, а в 1546 году назначение члена Супремы было сделано одним великим инквизитором без участия короля. Впоследствии, однако, установился обычай, в силу которого великий инквизитор предлагал королю трех кандидатов, из которых король и выбирал одного в качестве члена Супремы. В 1614 году Филипп III потребовал, чтобы его духовнику монаху Алиаге, будущему великому инквизитору, было дано место в Супреме, причем он должен был считаться старшим членом Супремы и получать 1500 дукатов вознаграждения в год. Мало того, Филипп настаивал, чтобы отныне один доминиканец постоянно

состоял членом Супремы. Это вызвало бурное недовольство Супремы, но в конце концов она уступила. Позже Филипп V заставил Супрему уступить одно постоянное место иезуитам.

В 1640 году между Филиппом IV и Супремой произошло столкновение из-за назначения членом Супремы Антонио де Арагона, сына герцога Кардоны. Предвидя сильное сопротивление со стороны Супремы, Филипп приказал Антонио де Арагону явиться на заседание Супремы уже в качестве ее члена. Супрема представила протест, в котором указывалось, что в этом назначении не принимал участия великий инквизитор и что Антонио младше тридцати лет, хотя члены Супремы должны иметь не менее сорока лет от роду. Филипп ответил, что во внимание к способностям Антонио это назначение может состояться даже с нарушением формальностей. Супрема, однако, уперлась, ее поддержали инквизиторы на местах и многие представители духовенства. Дело приняло серьезный оборот, и даже мать Антонио стала умолять его отказаться от оказанной чести, но король хотел настоять на своем праве назначать членов Супремы, и Антонио де Арагон принял свою новую должность. После этого, в 1642–1643 годах, Филипп IV назначил, не советуясь ни с Супремой, ни с великим инквизитором, четырех членов Супремы. Затем, правда, не желая ссориться с инквизицией, он издал эдикт, которым восстановил старый обычай представления списка из трех кандидатов.

Фердинанд, обращаясь к трибуналам, обычно давал Супреме на подпись свои письма, но не считал это для себя обязательным, так что королевские письма, не снабженные подписью Супремы, имели ту же силу, что и с подписью. Когда Супрема в 1512 году потребовала от Фердинанда, чтобы он сносился с трибуналами исключительно через ее посредство даже в вопросах, не касающихся религии, король наотрез отказался дать на этот счет какие бы то ни было обещания. После смерти Фердинанда дело приняло другой оборот, и уже 27 июля 1528 года Супрема отдала приказ трибуналам считаться лишь с теми королевскими распоряжениями, которые снабжены подписью члена Супремы, так как сами короли требуют повиновения лишь засвидетельствованным письмам. Каких «королей» разумела здесь Супрема, сказать трудно, но, опираясь на «королевскую волю», она быстро сделалась

вполне автономным учреждением. Отныне все обращения к королю жалобы на злоупотребления инквизиции, а также любые связанные с ней просьбы получали движение лишь в том случае, если сама Супрема соглашалась принять их во внимание. Например, в 1599 году барселонские кортесы обратились к Филиппу III с рядом ходатайств, которые король обещал удовлетворить; некоторые ходатайства касались инквизиции — кортесы желали, чтобы число служащих при трибуналах было уменьшено, чтобы все служащие помимо инквизиторов были каталонцами и т. п. Но великий инквизитор не приложил к королевскому решению свою подпись, и оно не вступило в силу.

Большое значение для укрепления независимости инквизиции имело то, что после смерти Фердинанда контроль над ее финансовой деятельностью перешел от короля к великому инквизитору или Супреме. Чиновники, которые заведовали конфискацией и сбором штрафов, были ответственны теперь перед инквизицией, а не государством. Правда, формально деньги, бывшие в распоряжении трибуналов, принадлежали королевской казне, и денежные ордера выписывались от имени короля, но на деле инквизиция распоряжалась ими по собственному усмотрению. Попытка государства вернуть контроль над средствами трибуналов окончилась неудачей. Инквизиция успешно справилась с этим, предоставив неверные сведения о поступавших ей деньгах; более того, позже в инструкциях, данных трибуналам в 1561 году, говорилось о необходимости держать короля в неведении относительно их доходов и расходов. Только во время войны за Испанское наследство, когда финансы Супремы сильно пошатнулись и она обратилась за поддержкой к королю, Филипп V, удовлетворив ее ходатайство, установил в 1703 году более или менее тщательный надзор над тем, как инквизиция получает и тратит деньги. Надзор этот в главных чертах сохранился до конца существования инквизиции.

Инквизиция, согласно данным ей при учреждении привилегиям, не была подсудна светскому суду. Все, что имело какое-либо касательство к ней, могло рассматриваться исключительно инквизиционными трибуналами, деятельность которых, все более и более расширяясь, неизбежно приходила

в столкновение с обычными светскими судами. Недовольные трибуналами порой обращались за помощью к королю, но это, во-первых, редко приводило к существенным результатам, а во-вторых, считалось ненормальным и не одобрялось самой королевской властью. Неподсудность инквизиции, по ее мнению, не была даром, а явилась результатом соглашения между королем и великим инквизитором. Вначале предполагалось, что привилегия эта касается лишь вопросов религии и ереси, но вскоре инквизиция явочным порядком распространила ее на уголовные и гражданские дела. В начале XVII века великий инквизитор Портокарреро утверждал, что судебная власть инквизиции предоставлена ей Богом; следовательно, решения инквизиционных трибуналов, касающиеся любых, в том числе светских дел, не могут быть подвергнуты ревизии королем и подлежат контролю лишь со стороны духовной власти, то есть Супремы, великого инквизитора или папы. 31 марта 1646 года Супрема заявила Филиппу IV, что гражданская и политическая юрисдикция ниже духовной, которой король ни в чем не может перечить. Королевские прерогативы ведут происхождение от человеческого закона, инквизиция же получила власть от святого престола, и, значит, ее сила в конечном итоге имеет божественное происхождение, поэтому ее не могут ограничивать человеческие законы. Если король под предлогом того, что он глава судебного ведомства, будет нарушать эти принципы, он навлечет на себя и на всю страну большие бедствия, которые лягут тяжелым бременем на его совесть.

15 октября 1633 года Филипп IV отправил Супреме послание, где просил ее выработать систему наказаний для инквизиторов, которые не повинуются королю. Выглядело это в лучшем случае наивно. Неудивительно, что Супрема ответила ему, что не находит в действиях инквизиции какого-либо нарушения интересов монархии. Что же касается королевских распоряжений, которые остаются без внимания, то это имеет место лишь в тех случаях, если король плохо осведомлен о положении дел и отдает приказания, противоречащие справедливости. Поэтому Супрема просит короля впредь совещаться с ней накануне опубликования закона для того, чтобы он был справедлив и инквизиторы могли с чистой совестью его ис-

полнять. Филиппу ничего не оставалось, как склониться перед твердой волей инквизиции.

Не только члены инквизиционных трибуналов, но даже их слуги пользовались разнообразными привилегиями, в том числе личной неприкосновенностью. Около 1540 году мурсийский коррехидор обидел прислугу курьера трибунала и был за это приговорен к слушанию в церкви мессы в качестве кающегося грешника. В 1564 году перед барселонским трибуналом предстал Михаил Бонет, побивший лакея какого-то не самого важного служащего инквизиции. В Мурсии случилась драка между слугой инквизитора и мясником Себастьяном Гальего. Мясник был подвергнут суду инквизиции и приговорен к изгнанию из города. Если так страдали лица, чем-то обидевшие прислугу, то легко предположить, какие кары постигали тех, кто имел несчастье как-либо досадить инквизиторам или членам трибунала.

Инквизиция никогда не прощала нанесенного ей оскорбления, причем особенно сильно преследовала крупных чиновников, вставших у нее на пути или просто не оказавших ей должной помощи: в этом случае она опиралась на королевские грамоты, требовавшие безусловного ей повиновения. Ряду унижений за «нарушение королевского слова» были подвергнуты вице-король Валенсии в 1488 году, вице-король Сардинии в 1498 году, губернатор Беналкасара и кордовский судья в 1500 году, кордовский коррехидор в 1503 году, коррехидор Логроньо в 1516 году, майоркский королевский наместник в 1531 году, вице-короли Сицилии и Каталонии в 1540-х годах, главный алькальд Арнедо в 1553 году, гражданский губернатор Барселоны в 1569 году, арагонские депутаты в 1571 году и т. д. Самой популярной мерой инквизиции было принуждение к покаянию, а к наиболее упорствующим в своих заблуждениях применяли отлучение от церкви и заключение в тюрьму.

Лишь в редких случаях инквизиторы получали отпор. В 1598 году была устроена процессия в Севилье, во главе которой шли члены высшего королевского суда; инквизиторы нашли это обидным для себя и потребовали уступить им первые ряды. Судьи отказались и тут же были отлучены инквизиторами от церкви. В дело вмешался Филипп III: он приказал снять анафему с судей и призвал севильских инквизиторов

в Мадрид, сделав его для них своего рода местом ссылки, а затем издал эдикт, в силу которого инквизиторы могли требовать для себя наиболее почетные места лишь в процессиях на аутодафе.

В 1622 году в городе Лорка, входящем в округ Мурсии, инквизиторы вступили в спор с местным судьей, отлучили его от церкви и вынесли постановление арестовать его, потребовав от мурсийского коррехидора Тореса привести это решение в исполнение. Торес отказался от повиновения. Тогда инквизиторы отлучили от церкви и его, а заодно и всю Мурсию, поскольку горожане поддержали коррехидора. Это было сделано без ведома местного епископа Трехо, и он, отстаивая свои полномочия, не замедлил заявить, что инквизиторы не имели права налагать интердикт на город и, следовательно, он не имеет силы. В свою очередь великий инквизитор Пачеко осудил Трехо и наложил на него штраф в размере 8000 дукатов. Мало того, Трехо под страхом нового штрафа велено было явиться в Мадрид и оправдаться в своем поведении. Пока епископ раздумывал, как поступить, мурсийские инквизиторы арестовали местного священника, отказавшегося подчиниться интердикту на том основании, что епископ ничего ему не говорил о нем. И только вмешательство короля Филиппа IV, который взял под свою защиту епископа, успокоило конфликт, вернув все его стороны на исходные позиции.

В 1630 году вальядолидский епископ решил устроить по какому-то поводу особенно торжественное богослужение в главной церкви города. Одновременно инквизиция Вальядолида задумала провозгласить в этот же день вероисповедный эдикт, что исключало проведение торжественной мессы. Возник спор, жертвами которого стали каноник Милан и певчий Ниньо, оказавшиеся в инквизиционной тюрьме лишь за то, что исполняли поручение епископа. Дело и на этот раз дошло до короля Филиппа IV, и, похоже, он воспользовался им как поводом, чтобы навести порядок в этом вопросе. Под его давлением инквизиция вынуждена была пойти на конкордию*, которая ограничивала право инквизиторов отлучать от церкви неугодных им людей. Конкордия эта порой оставалась

* От *лат.* concordia — согласие.

на бумаге, и в 1634 году совет Кастилии горько жаловался королю на действия инквизиции: «Многие злоупотребления исчезли бы, если бы ваше величество соизволило запретить инквизиции путем отлучения пользоваться властью, предоставленной лишь королевской юрисдикции... Мы просим держать инквизиторов в пределах действительно данной им власти; это принесет громадную пользу и положит конец тому нестерпимому состоянию, в котором находятся подданные вашего величества. Они перестанут тогда бояться отлучения, которое лишает их энергии в деле защиты интересов короны и которое нередко продолжает лежать на них даже после того, как ваше величество приказывает снять его». Да и в дальнейшем было немало случаев отлучения от церкви лиц, чем-либо не угодивших инквизиции. Например, в 1639 году инквизиторы Льерены наказали таким образом кастильского советника Антония Вальдеса, который посчитал, что инквизиционный трибунал должен платить налоги наравне со всеми. Пришлось снова вмешиваться королю и напоминать инквизиции о конкордии, чтобы отлучение было снято.

Вмешательство инквизиции в отправление светского и духовного правосудия основывалось на особой привилегии, предоставленной впервые в 1507 году кастильскому великому инквизитору Хименесу и арагонскому великому инквизитору Энгере: они могли в любой момент приостановить судебный процесс и вытребовать к себе делопроизводство. Привилегия эта была подтверждена в 1513 году, затем о ней перестали упоминать, но в 1595 году, при назначении великим инквизитором Алонсо Манрике, о ней вспомнили снова — с тех пор она стала возобновляться и каждый раз подтверждалась папой. Впрочем, король оставался последней инстанцией и в этом случае; на практике установился обычай, в силу которого все спорные вопросы между инквизиционными и прочими трибуналами переходили в особую комиссию, где инквизиция всячески указывала королевским судьям на их подчиненное положение. Сплошь и рядом на ее заседаниях инквизиторы угрожали непокорным судьям разными карами и за редким исключением добивались желаемого для себя решения.

В какой-то момент уголовные и гражданские процессы стали настолько отвлекать внимание инквизиции, что по-

слышались жалобы на ее бездействие в преследовании ереси. Например, в 1567 году ревизор Франсиско Сото Саласар, исследовав положение дел в Барселоне, докладывал Супреме, что все внимание здешнего трибунала сосредоточено на светских делах. В конце концов было решено раз в четыре месяца направлять во все трибуналы специальных ревизоров, которые обязаны были следить, чтобы дела арестованных еретиков не откладывались в долгий ящик, но и это не очень-то помогало.

Вмешиваясь в светские судебные процессы, инквизиционные трибуналы нередко покрывали всякого рода злоумышленников. Характерна жалоба, поданная королю Филиппу IV в 1648 году одним из кастильских вельмож. В ней говорится, что трибуналы, беря под свою защиту преступников, почти всегда гарантируют им безнаказанность, а это увеличивает число преступлений. Сделалось обычным явлением, что люди, не имеющие отношения к инквизиции, формально числятся ее служителями, чтобы быть подсудны лишь ей одной. К этому стремятся, с одной стороны, наиболее опасные элементы общества, а с другой — наиболее богатые люди; в обмен на безнаказанность первые предлагают свои услуги для совершения самых отвратительных злодеяний, а вторые платят громадные деньги.

Филипп IV, понимая все это, не решился, однако, вступить в противостояние с инквизицией. Меры для обуздания чрезмерного вмешательства трибуналов в светские дела стали серьезно обсуждаться лишь при следующем короле Карле II. В 1677 году вышел закон, которым запрещалось отлучение от церкви за проступки, не имеющие отношения к делам веры. Правда, создается впечатление, что инквизиция долгое время предпочитала его не замечать.

Отступление инквизиции перед светской властью стало заметно лишь с вступлением на престол Филиппа V. Будучи ставленником Франции, где прерогативы короны ставились очень высоко, он окружил себя французскими юристами, проникнутыми идеей о полном подчинении духовенства государству; в эдикте 1705 года он охарактеризовал свою власть как «*dominio absoluto*»*. Иллюстрацией исчезновения былого

* Абсолютная власть (*лат.*).

всемогущества инквизиции может служить инцидент, происшедший в 1720 году в Толедо с инквизитором Педро Паниагуа.

Службу в инквизиции Паниагуа совмещал с торговлей какао и до поры до времени не платил таможенных пошлин. Но однажды, когда он получил из Марселя двадцать мешков какао, толедские власти, во-первых, потребовали таможенную плату и, во-вторых, заявили, что по причине свирепствующей в Марселе эпидемии какао необходимо подвергнуть карантину. В подтверждение серьезности этих требований коррехидор выставил стражу у магазина Паниагуа. Инквизитор, однако, стражников арестовал и отправил в инквизиционную тюрьму, а сам преспокойно принялся торговать какао. Тогда коррехидор заключил в тюрьму (но уже городскую) самого Паниагуа. Инквизиционный трибунал тут же сделал ответный ход и наложил на коррехидора интердикт. Одновременно Супрема пожаловалась Филиппу V, что толедская администрация нарушила права трибунала и оскорбила его честь. Тем не менее король приказал интердикт снять и выпустить на свободу ни в чем не повинных стражников. Чем кончилась эта история, мы не знаем; известно только, что спустя два месяца Супрема все еще просила короля выпустить Паниагуа на свободу и вернуть ему какао.

Отношение Филиппа к инквизиции отличалось крайней непоследовательностью, поскольку он весьма зависел от влияния своих приближенных, а они относились к инквизиции по-разному. Так, он отказался присутствовать в 1701 году на аутодафе, устроенном в честь его вступления на испанский престол, но, с другой стороны, нисколько не препятствовал росту числа аутодафе. Всего же за 46 лет правления Филиппа V (1700—1746) в Испании было устроено 782 аутодафе, на которых сожгли как минимум 1538 человек.

5 октября 1747 года сменивший Филиппа V на престоле Фердинанд VI издал эдикт, согласно которому юрисдикция светского суда распространялась на низших служителей инквизиции. Возмущению великого инквизитора Переса де Прадо-и-Куэсты не было предела, он требовал не только отмены этого эдикта, но даже уничтожения его копии в архиве. Однако Фердинанд ответил отказом, и инквизиция вынужденно покорилась. Впоследствии путем сложных интриг она не-

однократно укрывала от королевского суда своих служителей, а с другой стороны, захватывала в свои руки дела, подведомственные другим судам, но все это выглядело как неготовность сразу признать свое поражение. Наследовавший Фердинанду VI его брат Карл III еще энергичнее отстаивал права светской власти. До того как занять испанский трон, он в течение 24 лет был неаполитанским королем и в этом качестве постоянно демонстрировал свою приверженность идеи абсолютной власти короны и полного подчинения ей церкви. При нем, по подсчетам Льоренте, лишь 5 процентов процессов, начатых инквизицией, доводились до суда; остальные за отсутствием состава преступления прекращались на стадии следствия.

Первое столкновение между Карлом III и инквизицией произошло из-за папского бреве от 14 июня 1761 года, которым была осуждена книга французского теолога Франсуа Мезенги «Представление о христианстве». Сам Карл III считал этот труд настолько полезным, что положил его в основу религиозного воспитания своего сына, будущего короля Карла IV. Он запретил великому инквизитору Бонифасу опубликовать папское бреве против книги Мезенги, а когда инквизитор стал протестовать против захвата королем прав, не принадлежащих светской власти, пригрозил ему изгнанием. Дошло до того, что Бонифас вынужден был умолять короля о снисхождении. Карл в его отношении сменил гнев на милость, но вслед за этим поручил государственному совету разработать закон, имеющий задачей, с одной стороны, защитить светскую власть от посягательств курии, а с другой — ограничить цензорские полномочия инквизиции. Этот закон вступил в силу 18 января 1762 года. Отныне все папские буллы, бреве, письма и распоряжения, какого бы они ни были содержания и кому бы ни были адресованы, следовало до опубликования представлять королю. Что касается осуждения и запрещения книг, то великий инквизитор мог сделать это лишь после того, как автор будет выслушан инквизиционным судом и этот суд примет соответствующее решение.

В 1770 году Карл III изъял из компетенции инквизиции дела, которые, на его взгляд, не должны были входить в сферу ее деятельности. Затем, в 1775 году, был принят закон, установивший безусловное равенство инквизиционных и королев-

ских судов; этим же законом инквизиционным трибуналам запрещалось вмешиваться в светское делопроизводство и налагать любые наказания на королевских судей.

Всеми этими реформами Испания была обязана не столько Карлу, лишенному каких-либо особых талантов, а его выдающимся министрам. Президент королевского совета Кастилии граф Аранда мечтал о еще более решительной борьбе с инквизицией — в частности, он предлагал лишить ее права конфискации имущества арестованных. Инквизиция, разумеется, боролась против этого и преуспела: в 1773 году Аранда был отстранен от внутренней политики и отправлен послом в Париж. Позже инквизиция в попытках отомстить Аранде четыре раза начинала против него следствие, но так и не смогла привлечь его к трибуналу.

14 декабря 1788 года умер Карл III, и с ним прекратились реформы. Новый монарх, его сын Карл IV, был безвольным, беспечным и невежественным человеком. «Ему недоставало многих душевных качеств, которые так привлекали сердца к его покойному отцу. Его воспитанием до того пренебрегали, что нельзя даже надеяться, чтобы с течением времени он приобрел большие познания. Лишенный талантов, обучения и характера, он вечно будет жить в зависимости от других», — доносил русской императрице Екатерине II посланник при мадридском дворе Степан Зиновьев. Он целиком был во власти своей жены Марии-Луизы Пармской — капризной, легкомысленной и избалованной женщины, не лишенной, впрочем, воли и ума. Ненавидя тестя, она ненавидела также и его систему управления; со вступлением Карла IV на престол все должно было, по плану Марии-Луизы, измениться: в отставку были отправлены почти все виднейшие деятели прошлого правления, остался лишь один Флоридабланка, о котором писал все тот же Зиновьев: «Королева охотно отделалась бы от него, но, кажется, ее останавливает опасение, что такой человек, как граф Флоридабланка, пожалуй, найдет средство отомстить ей». В 1792 году, когда фаворитом королевы открыто уже сделался Мануэл Годой, Флоридабланке пришлось уйти, а Годой до конца правления Карла IV (с небольшим перерывом в 1798—1800 годах) стал во главе Испании. Это был типичный авантюрист — красивый, веселый, искусный

музыкант, он без труда добился любви Марии-Луизы, всячески в то же время льстя королю, единственному испанцу, не знавшему, что Годой находится в любовной связи с королевой. При этом Годой был вернейшим поклонником инквизиции. Неудивительно поэтому, что царствование Карла IV, которое фактически было правлением Марии-Луизы и Годоя, явилось временем усиления власти инквизиции; этому, впрочем, способствовала также Великая французская революция, которая навела ужас даже на таких либеральных людей, каким был граф Флоридабланка, выступивший в защиту «правого дела», то есть французского короля Людовика XVI.

В 1789 году Карл IV издал эдикт, коим революционные идеи объявлялись ересью, подлежащей ведению инквизиции: отныне всякая политическая мысль, не согласующаяся с установленными в Испании обычаями, свидетельствовала о еретических взглядах ее носителя. Так как распространительницей политико-еретических идей была Франция, то инквизиция должна была следить за тем, чтобы ни одна французская книга политического содержания, ни одна газета не были привезены из-за Пиренеев. Затем был опубликован указ о высылке из Мадрида всякого, кто не имеет определенных занятий; предлогом выставили дороговизну хлеба, но главной целью было, по выражению Зиновьева, «выслать пристойным образом довольно число находящихся в Мадриде французов, бесстыдных вралей и болтунов». В 1791 году Карл IV распорядился о том, чтобы проживавшие в Испании иностранцы немедленно присягнули испанскому королю и католической религии и отреклись от всех своих привилегий, а также от сношений со своим отечеством и от покровительства своих консулов. Тем, кто сделать этого не пожелает, указ грозил галерами и тюрьмой или изгнанием из страны и конфискацией имущества. Прибывающим в Испанию иностранцам позволялось находиться здесь, как правило, два месяца, и то по особому разрешению и с запрещением заниматься каким-либо ремеслом или торговлей. Проведение в жизнь всех этих указов поручалось инквизиции, и таким образом она была превращена в политическое орудие.

Но надо сказать, что и сама инквизиция, замечая, что в народе укрепляется отрицательное отношение к гонениям за веру, пыталась — в надежде сохранить свое влияние — приспо-

собраться к требованиям времени. Роль политической полиции при мадридском дворе была, быть может, унизительна, но она спасала инквизицию от вынужденного безделья и создавала иллюзию ее необходимости. Характеризуя деятельность инквизиции в царствование Карла IV, депутат кортесов Канмани говорил: «Вот уже несколько лет, как инквизиция стала служить не святому делу, она сделалась государственной инквизицией, дворцовой и светской. Из деятельного учреждения она превратилась в пассивное, созерцательное; из страшного в трусливое; ее бывшее участие в жизни Испании превратилось в боязливую заботу о своем существовании. Чем другим, в самом деле, можно объяснить, что она ничего не предпринимала, когда происходили скандалы в безнравственном королевском дворце, откуда были изгнаны религия и честность? Представители святого трибунала дрожали от страха при виде отвратительного фаворита и в толпе других льстецов и карьеристов искали у него милости. Почему инквизиция не проявляла своего могущества и своей апостольской строгости, когда Годой святотатствовал и оскорблял религиозные чувства народа?»

Раболепствуя перед сильными, вымещая злобу на слабых, инквизиция принимала участие в многочисленных интригах царствования Карла IV и строила козни против того самого Годоя, милостивого внимания которого она, на первый взгляд, так добивалась. С ведома инквизиции три монаха донесли на первого министра инквизиции же, обвинив его в том, что он в течение восьми лет не молится, не исповедуется и грешит против нравственности, находясь в любовной связи сразу с несколькими женщинами. Севильский архиепископ Деспуиг и авильский епископ Мускис, державшие в руках главные нити заговора, всячески убеждали великого инквизитора Лоренсану начать против Годоя следствие. Но Лоренсана не решался на это без формального приказа папы Пия VI. Наконец папа под влиянием кардинала Винченти, друга Деспуига, написал великому инквизитору, что ему не следует оставаться равнодушным к скандальному поведению Годоя. Но письмо папы с припиской кардинала Винченти было перехвачено Наполеоном и отослано Годою, дружбой которого Наполеон в то время интересовался. Годой своеобразно отомстил заговорщикам:

когда французы заняли папские земли, он отправил Лоренсану, Деспуига и Мускиса к Пию, дабы они выразили ему соболезнования в связи с поведением Франции. Годой, впрочем, не представлял никакой опасности для инквизиции, и она не особенно горевала по поводу этой неудачи, довольная уже тем, что первый министр не стал мстить более серьезным образом.

Совершенно иначе обстояло дело с Гаспаром Мельчором де Ховельяносом, членом королевского совета и одним из наиболее образованных людей своего времени. Знаменитый писатель и поэт, он в то же время приобрел славу одного из лучших испанских экономистов. В 1795 году он обратился к великому инквизитору Лоренсане с просьбой разрешить ему выписать из-за границы необходимые книги по минералогии и физике. Лоренсана ответил, что иностранные книги испортили немало профессоров и студентов, а потому он не может исполнить желание Ховельяноса. Мало того, одно уже ходатайство сделало Ховельяноса подозрительным, и инквизитор Лопес Гиль получил поручение следить за тем, какие именно книги читает Ховельянос. Однажды Гиль даже пробрался к нему в дом, когда Ховельянос отсутствовал, и тот, вернувшись, застал у себя непрошеного гостя с книгой запрещенного английского философа Джона Локка в руках. Последовал донос, и вскоре Ховельянос был арестован. Правда, почти сразу его выпустили, а в 1797 году и вовсе Карл IV назначил его министром юстиции. Инквизиция, в это время уже весьма осторожная в обращении с сильными мира сего, готова была оставить его в покое, но Ховельянос сам пошел в атаку, предложив проект реорганизации инквизиции на началах, выработанных еще Арандой. Согласно этому проекту, должности инквизиторов следовало ликвидировать, а суды в отношении ереси и всех других духовных преступлений передать в ведение епископов. Инквизиция перепугалась и обратилась за помощью к Годою, которого недавно хотела погубить. Годой и сам был недоволен усиливавшимся влиянием Ховельяноса на Карла IV и охотно вступил в союз с инквизицией: совместными стараниями Ховельянос был объявлен атеистом, в августе 1798 года удален с министерского поста и сослан в Хихон. Но и здесь инквизиция не оставила его в покое. Королю донесли, будто Ховельянос хочет уничтожить в Испании католическую веру и монар-

хическую власть. После этого бывшего министра арестовали и заключили «на неопределенное время» в картезианский монастырь на острове Майорке, а затем перевели в крепость Пальмы, главного города острова, где он пробыл семь лет. Вышел Ховельянос на свободу только в 1808 году, когда лишился трона Карл IV и одновременно с ним пал Годой.

Жертвой инквизиции стал и преемник Ховельяноса по министерству юстиции Мариано Луис де Уркихо. Первое следствие против него инквизиция начала еще в 1792 году, но для Уркихо оно закончилось сравнительно благополучно: ему тайно отпустили грехи, уничтожили без огласки найденные у него книги и на этом дело закрыли. Сделавшись министром, Уркихо предложил Карлу IV отменить инквизицию и употребить ее богатство на благотворительные и общепользные учреждения. Карл испугался этой чрезмерно смелой идеи, а инквизиция с этого момента стала воспринимать Уркихо как своего злейшего врага. Как и в случае с Ховельяносом, ее союзником здесь выступил Годой, увидевший в Уркихо очередного соперника по влиянию на короля. Уркихо обвинили в симпатии к тлетворной французской философии и в 1801 году сослали в Памплону, где он провел несколько лет в тюрьме в весьма жестоких условиях: ему не давали книг, бумаги, его камера не отапливалась и не освещалась. Как и Ховельяноса, его выпустили из заключения после падения Карла IV. Позже Уркихо перебрался в Париж, где и умер в 1817 году.

Все эти попытки разделаться с инквизицией успеха не имели, но подготовили почву для решительного на нее наступления.

Глава тринадцатая Отдельные эпизоды из жизни инквизиции

Несмотря на то что Фердинанд II, будучи учредителем Инквизиции, пользовался большим влиянием на нее, он тем не менее не мог уберечь от ее когтей даже своих фаворитов.

Алонсо де Кабальерия, арагонский вице-канцлер, находился с Фердинандом в дружеских сношениях, и об этом всем было хорошо известно. Но в жилах Алонсо текла еврейская кровь. Во второй половине XIII века жил в Арагонии еврей Иуда Кабальерия, которого секретарь инквизиции Сурита в своих «Арагонских анналах» называет влиятельнейшим чиновником, — он заведовал королевскими финансами. От него пошел род Кабальерия, у одного из членов которого, Соломона Кабальерия, крестились все восемь сыновей. Почти все они заняли видное положение в государстве: один стал епископом и принимал деятельное участие в переговорах о заключении брака Фердинанда и Изабеллы, другой занимал важное положение в кортесах, еще один был куратором сарагосского университета. Но наибольшей известности достиг старший сын Бонафос или, после крещения, Педро, который считался одним из наиболее авторитетных испанских ученых. Его перу принадлежит резкий памфлет, в котором

он повторяет обычные обвинения против евреев и мавров, заявляя, что «на развалинах евреев воздвигается и строится настоящая и католическая надежда христиан». В 1464 году Педро был убит — по слухам, маранами, которые не могли простить ему измены. У него было три сына: упомянутый выше Алонсо, Луис, приближенный короля Хуана II, и Хаиме, известный тем, что исполнял конфиденциальные поручения короля Фердинанда II. Против этой семьи, любимой королем и окруженной ореолом мученичества за новую веру, и выступила инквизиция.

Обычно инквизиция, подступаясь к какому-либо роду, начинала с наименее влиятельных его членов. Так было и на этот раз. В 1488 году сожгли кости одного из восьми братьев Кабальерия — Хуана, затем заставили публично покаяться некоторых другие представителей рода и уже после этого обвинили арагонского вице-канцлера Алонсо в причастности к убийству инквизитора Арбуэса. Спасло его только заступничество папы, для которого важно было иметь богатейшую в Арагонии семью в числе своих союзников. Алонсо продолжил прежнюю жизнь и даже породнился с королем Фердинандом II — его младший сын Франсиско де Кабальерия женился на его племяннице и кузине императора Карла V. Инквизиция, однако, не оставила интриг против семьи Кабальерия, и в 1502 году сарагосский трибунал арестовал брата Алонсо — Хаиме Кабальерия. В отчаянии Алонсо обратился к Фердинанду, и тот обещал вмешаться, но, как выяснилось со временем, помочь не сумел. Что характерно, Фердинанд действительно пытался это сделать, но инквизиция проигнорировала все королевские обращения, и 25 марта 1504 года Хаиме Кабальерия подвергли в Сарагосе публичному аутодафе.

Надо сказать, что инквизиция вообще довольно часто пренебрегала мнением королей, считая делом принципа в любых ситуациях отстаивать свою независимость. В 1645 году Алонсо Муньос, коррехидор в Куэнке и по совместительству служитель трибунала, подослал убийц к одной женщине, с которой он находился в интимной связи; злодеи зарезали несчастную, а заодно и священника, жившего в ее доме. Дело вызвало в Куэнке большой шум: возмущенные люди требовали наказать Муньоса, и королевский суд постановил его арестовать. Но

инквизиционный трибунал не дал исполнить это постановление и отлучил от церкви судей, которые посмели употребить власть в отношении его служителя. Горожане обратились с жалобой к Филиппу IV, и король потребовал от Супремы, чтобы отлучение было снято, а само дело передали королевскому совету. В ответ на это великий инквизитор Арсе-и-Рейносо заявил, что распоряжение короля оскорбляет инквизицию и не может быть принято во внимание. Возник спор, продолжавшийся несколько лет, в котором инквизиция все-таки сумела настоять на своем, и Муньос избежал наказания.

В 1649 году во время народных волнений в Валенсии Филипп IV потребовал, чтобы участвующие в грабежах служащие инквизиционных трибуналов привлекались к ответственности обыкновенными судами. Но Супрема вместо того, чтобы немедленно поставить в известность все трибуналы о воле короля, отправила циркуляр обратно в королевскую канцелярию под предлогом, что подобное распоряжение свидетельствует о плохом знании положения дел в Валенсии, где на самом деле инквизицию не в чем упрекнуть. Более того, вслед за этим королю была отправлена просьба, чтобы впредь без предварительного совещания с Супремой не издавались никакие циркуляры, могущие иметь какое-либо отношение к делам инквизиции. И Филипп вынужден был проглотить обиду, хотя прекрасно знал, что именно уже давно происходит в Валенсии.

Еще в 1632 году он получил из Арагона доклад маркиза Велеса, который сообщал о необходимости принять энергичные меры против служителей инквизиции, ставших во главе разбойничьих шаяк. Они, писал Велес, знают, что ничем не рискуют, и потому открыто принимают участие в преступных деяниях; мало того, другие злодеи рассчитывают, что благодаря инквизиции и им удастся избежать королевского суда, и легко идут на преступления, если в них участвуют лица, пользующиеся особыми привилегиями. Велес приводит ряд имен: во главе грабителей в Валенсии находятся служащие трибунала Педро Реварт, Сиурана и Адель; в Вильяреале во главе разбойничьей шайки стоит член трибунала Хаиме Блау; в Бенигнамине руководят вооруженными бандами служители трибунала Грасиан Эспанья, Барсела и другие. По его утверждению, почти не бывает крупных преступлений, в которых не

были бы замешаны служители инквизиции, и беда заключается в том, что против них никто не решается давать показания, так как свидетель очень многим рискует. Поэтому нет ничего удивительного в том, что беспорядки в Валенсии не поддаются усмирению. Велес предложил распустить штат инквизиции и предать всех виновных обычному суду. Особенное внимание, по его мнению, следовало обратить на жестокое убийство Мартина Сантиса. Королевский суд заподозрил в этом преступлении четырех служителей инквизиции и арестовал их, но дело в конце концов, по настоянию инквизиции, передали валенсийскому трибуналу, который признал виновным лишь одного Хаиме Блау и приговорил его к изгнанию и штрафу в 300 дукатов. Ясно, что даже самый снисходительный светский суд вынес бы за такое преступление более суровый приговор, но светские суды очень редко решались связываться с инквизицией.

Насколько светская власть вообще боялась подвергнуть какому-либо наказанию инквизитора, свидетельствует история, приключившаяся в 1695 году в Барселоне, во время войны с Францией. Генерал-губернатор маркиз Гастаньяра арестовал по подозрению в шпионаже француза Баля. Но тут же инквизитор Антонио Санс-и-Муньос потребовал выдать Баля инквизиции на том основании, что против него имеется также подозрение в ереси. Получив отказ, он отлучил от церкви помощника генерал-губернатора. Тем временем маркиз запросил у короля Карла II указаний, как ему вести себя в этой ситуации. Король приказал изгнать Санс-и-Муньоса из Барселоны, но сделать это просто так генерал-губернатор не решился. Он вызвал инквизитора и до прочтения королевского письма добился у него хитростью обещания, что он в точности исполнит волю короля, какой бы она ни была. Узнав о содержании письма, Санс-и-Муньос заявил протест, но тем не менее выполнил данное слово. Дабы как-то сгладить впечатление от своего обмана, маркиз распорядился предоставить в распоряжение Санс-и-Муньоса карету, стражу и деньги на дорогу; кроме того, для инквизитора снарядили в порту особое судно. Все это говорит о том, сколь слаба была светская власть по отношению к инквизиции, — в военное время генерал-губернатор, арестовавший подданного противостоящей

стороны, имея прямое указание короля, сумел избавиться от вмешательства инквизиции лишь обманным путем. И то великий инквизитор счел, что Санс-и-Муньосу причинено оскорбление; обиженный инквизитор получил назначение в один из наиболее влиятельных трибуналов, и король с этим согласился.

Столь же осторожно с инквизиторами предпочитали вести себя и высшие представители духовенства, к которым обыкновенные инквизиционные трибуналы без всяких опасений за последствия применяли порой самые решительные меры. В 1609 году в Кордове, например, инквизиционные служители ворвались в епископский дворец, чтобы арестовать там досадившего им церковного чиновника, который, как было всем ясно, ни в чем не провинился. Позже в деле приняли участие король, Супрема и Римская курия; чиновник был оправдан, но и кордовский трибунал ничем не заплатился за свою дерзость.

Столкновения между трибуналами и епископами часто принимали весьма ожесточенный характер. В 1667 году на острове Майорке служитель трибунала Дамето в церкви Св. Франциска убил своего шурина Вальехо, также служителя трибунала. Инквизиция арестовала Дамето, но так как осквернение церкви подлежало юрисдикции епископского суда, майоркский епископ Манхаре требовал выдачи арестованного. Между трибуналом и епископом возник спор, закончившийся взаимным отлучением от церкви, причем обе стороны свое собственное отлучение игнорировали. Великий инквизитор Нитхард, принявший сторону трибунала, потребовал, чтобы епископ немедленно явился к нему для объяснений, но епископ отказался исполнить приказание, мотивируя это тем, что инквизиция не имеет права судить епископов, и обратился за помощью в Рим. Нитхард сумел привлечь на свою сторону королеву Марию-Луизу и упросил ее написать арагонскому совету, чтобы он принудил епископа повиниться великому инквизитору. Но арагонский совет ее просьбу не исполнил и, в свою очередь, 21 января 1668 года отправил королеве послание, где подробно остановился на печальных следствиях, которые неизбежно наступят, если светская власть будет поддерживать инквизицию в ее конфликтах с епископами. Нитхард не смирился, и Супрема возбудила преследование против

епископа. Это вызвало сильное брожение в церковных кругах, поскольку никогда прежде инквизиция не судила епископа без специального разрешения папы. А папа, до которого дошла епископская жалоба, как раз вступился за Манхаре, заявив, что его отлучение не имеет силы. Амбициозный Нитхард, похоже, был готов на полный разрыв с Римом и надеялся, что светская власть его поддержит, но он явно переоценил свое влияние — Карл II не собирался заходить так далеко. Кроме того, против Нитхарда выступил, как мы знаем «князь моря» Хуан Австрийский. Просчитавшись в своих комбинациях, великий инквизитор подал в отставку. Но характерно, что преследование инквизиции против Манхаре не было прекращено, и лишь смерть епископа в 1670 году положила конец этому делу.

Можно сказать, что Манхаре еще легко отделался. Многим представителям высшей духовной власти, которые имели несчастье попасть в жернова инквизиции, пришлось куда хуже. Лучшей иллюстрацией этому служит дело Карансы.

Бартоломе де Каранса-и-Миранда родился в 1503 году. Двенадцати лет от роду он поступил в университет в Алькала-де-Энаресе, в восемнадцать стал монахом-доминиканцем, в тридцать один был назначен старшим профессором богословия и членом суда в Вальядолиде. В 1540 году в Риме он удостоился степени доктора и получил от папы Павла III разрешение на чтение запрещенных еретических книг. По возвращении в Испанию его имя уже было окружено ореолом славы. При созыве Тридентского собора в 1545 году Карл V назначил его одним из делегатов, и своей деятельностью на этом соборе Каранса приобрел широкую популярность во всем христианском мире. В 1554 году, когда будущий король Филипп II отправился в Англию с целью жениться на королеве Марии I Тюдор и таким образом вернуть британский остров в лоно католической церкви, он взял с собою Карансу как человека, наиболее способного содействовать успеху задуманного им дела.

Сам Каранса впоследствии гордился тем, что за трехлетнее пребывание в Англии обратил на путь истины, сжег и изгнал из страны 30 000 еретиков. В 1555 году, когда Филипп отбыл из Англии во Фландрию, он оставил при Марии Карансу в каче-

стве советника по религиозным вопросам. В Англии Каранса оставался до 1557 года, и не раз его жизнь подвергалась опасности, ибо многие англичане видели в нем главного виновника своих страданий.

Насколько велико было уважение и доверие со стороны Филиппа II к Карансе, показывает тот факт, что после смерти толедского архиепископа Силицео он назначил его на освобожденную архиепископскую кафедру. Каранса отказывался от этого предложения, рекомендуя других кандидатов, но король настоял на своем, и Каранса вынужден был подчиниться. Как высока была его репутация, видно из того, что представление о назначении, посланное в Рим, было утверждено немедленно, без соблюдения обычных формальностей.

Это возвышение простого монаха на высшую ступень церковной иерархии в Испании стало ударом для многочисленных честолюбцев. Говорили, что великий инквизитор Вальдес сам хотел занять архиепископскую кафедру и испытал горькое разочарование после назначения Карансы. Такую же мечту лелеял Педро де Кастро, епископ Куэнки, который был уверен, что Каранса занял его место. Тут надо добавить, что Каранса вообще не пользовался симпатиями среди духовенства из-за своего желания реформировать испанскую церковь. Здесь ему противостояли многие; особенно опасного врага он имел в лице доминиканского монаха Мельчора Кано, который был лидером испанских теологов в то время. Между ними давно существовала взаимная неприязнь, и быстрое возвышение Карансы вызвало в душе Кано лишь чувство горькой зависти.

Каранса представлял собой очень удобную мишень для нападков со стороны тех, кто по тем или иным мотивам желал его гибели. Находясь в возбуждении, он говорил несколько сумбурно, и употребляемые им выражения иной раз придавали сказанному такой смысл, какого он и сам не предполагал в них. Еще в 1530 году монах Хуан де Вильямартин обличал его в сочувствии Эразму Роттердамскому, чьи сочинения незадолго перед этим были признаны еретическими, да и во время пребывания в Англии он своими речами не раз подавал повод к неблагоприятным для себя комментариям.

Каранса, несомненно, был знаком с членами вальядолидской лютеранской общины, разгромленной весной 1558 года.

В нее входили многие известные люди, и во время допросов они рассказывали о встречах с Карансой; впрочем, если даже из них и выбили какие-то показания против него, они должны были померкнуть перед торжественным свидетельством монаха Доминго де Рохаса, который за несколько часов перед тем, как взойти на костер, заявил, что в Карансе он никогда не замечал ничего противного ни католической религии, ни римской церкви. Но, вероятно, не померкли. Во всяком случае, великий инквизитор Вальдес ухватился за собранные в Вальядолиде данные, дабы дискредитировать Карансу в глазах Карла V и Филиппа II. 12 мая 1558 года в докладе, представленном Карлу V, он просил разрешение арестовать одного весьма важного беглеца, якобы искавшего убежища у Карансы. Истинным мотивом этого ходатайства было, разумеется, желание нанести удар Карансе. После этого любой добытый от арестованных намеков, который можно было использовать против Карансы, доводился до Карла уже как бесспорный факт.

Одновременно пошел в дело козырь, до поры приберегавшийся врагами архиепископа. Во время своего пребывания в Англии он написал весьма объемные, в 900 страниц, комментарии к Библии, которые должны были, по его замыслу, служить руководством к познанию незыблемых истин католической религии и охранять народ от предательского яда еретических учений. Но книга эта была столь же сумбурна, как и речи Карансы, и многое в ней при желании можно было обратить против автора. Вальдес с подачи Педро де Кастро лично поручил Мельчору Кано заняться исследованием этого сочинения, и Кано без затруднения насчитал в нем сто одну страницу с еретическими идеями. Таким образом, почва для судебного следствия была подготовлена.

Несмотря на глубокую тайну, которой все это было окружено, Каранса, находившийся в это время во Фландрии, узнал о происходящем. Друзья убеждали его не возвращаться в Испанию и бежать в Рим под покровительство папы. Однако он отказался, поскольку это неизбежно привело бы к потере покровительства Филиппа II. Вместо этого Каранса отправился к императору Карлу. Но Вальдес решил помешать этому свиданию, и 8 августа Карл получил письмо от принцессы Хуаны, в котором она, по просьбе Вальдеса, просила его про-

явить сдержанность в сношениях с Карансой, так как тот замешан в деле арестованных лютеран и сам должен был быть арестован. Встреча не состоялась, а через полтора месяца Карл умер, и надежды Карансы, что он найдет у императора защиту, рухнули.

Тем временем его враги уже достаточно подготовились для нанесения ему решающего удар; не хватало лишь разрешения папы. Чтобы получить его, прибегли к коварному приему. 9 сентября Супрема представила Павлу IV доклад о своей деятельности в преследовании лютеранских еретиков. Составители доклада постарались преувеличить опасность, грозившую церкви, чтобы получить от папы возможно широкие полномочия. Они утверждали, что необходимы чрезвычайные меры, так как некоторые еретики встречают поддержку даже со стороны служителей инквизиции; поэтому Супрема просила дать ей право арестовывать всех подозрительных лиц независимо от их должности или духовного сана. Так как инквизиция пользовалась правом юрисдикции над всеми за исключением епископов, то очевидно, что целью ее был Каранса.

Каранса же, понимая, что кольцо вокруг него сжимается, решил, по крайней мере внешне, продемонстрировать смирение. Узнав о смерти Карла, он отправил письма Вальдесу и прочим членам Супремы, что готов подчиниться всем их требованиям. Он предлагал временно запретить злополучные комментарии в Испании и дать ему возможность их исправить. Но его покорность не принесла ему ничего хорошего — она лишь поощрила его врагов, которые отделались от него неопределенными ответами, поскольку находились в ожидании получения чрезвычайных полномочий от папы.

Между тем Каранса прибыл в Толедо и ревностно принялся за исполнение своих обязанностей. Он служил в храме, посещал тюрьмы и монастыри, проводил незначительные местные реформы, принуждал священников жить в назначенных для них приходах — словом, проявлял многостороннюю деятельность. Благотворительность его была велика; за десять месяцев он истратил более 8000 дукатов на свадьбы сирот, выкуп пленных, помощь вдовам, учебу студентов в университетах и пожертвования на нужды больниц. Одновременно он собирал благоприятные отзывы о своих комментариях. Например,

гранадский архиепископ Педро Гуэреро заявил, что книга Карансы заслуживает самого широкого распространения. Но Вальдес, узнав об этом, немедленно принял меры против появления благоприятных Карансе суждений: было разослано письмо всем ученым корпорациям, запрещающее им под страхом отлучения и штрафа высказывать о какой-либо книге мнение прежде, чем она не будет рассмотрена Супремой. Не довольствуясь этим, Вальдес начал следствие против теологов, высказавшихся в пользу комментариев Карансы, и большинство их предпочло отречься от своего мнения.

Наконец 7 января 1559 года Супрема получила от папы долгожданное письмо. Вслед за этим против Карансы было начато формальное следствие. 6 мая прокурор потребовал его ареста и наложения секвестра на его имущество. Но так как дело было слишком серьезно, решено было предварительно заручиться согласием короля, который в это время находился во Фландрии.

Каранса между тем дал своим врагам новый повод восторжествовать над собой. В апреле 1559 года собрался доминиканский капитул, и здесь между Карансой и Кано, который распускал о нем слух как о еретике более опасном, чем сам Лютер, произошло резкое столкновение. Каранса потребовал наказать клеветника и пытался помешать его избранию на должность провинциала, а когда не достиг успеха, имел неосторожность обратиться с жалобой в Рим. Папа Павел IV отнесся к его жалобе сочувственно, но враги Карансы очень ловко воспользовались этим инцидентом, чтобы восстановить против него Филиппа. В целом ряде писем к королевскому духовнику Кано выставил себя жертвой суровых гонений, ставших следствием интриг Карансы. О том же писали Филиппу Супрема и Вальдес; они всячески расхваливали Кано и выражали надежду, что король не допустит преследования человека, у которого столько заслуг перед Богом и его величеством. В то же время они заверяли короля, что у него нет никаких оснований опасаться несправедливости по отношению к Карансе, ибо следствие по его делу ведется с полнейшим беспристрастием.

26 июня король изъявил Кано свое удовольствие и уверил его в поддержке; одновременно с этим он одобрил действия Супремы. Санкционируя таким образом преследования, на-

чатые против Карансы, Филипп, однако, просил щадить его епископский сан. Но Вальдес понимал, что оставить Карансу на свободе во время производства следствия по обвинению его в ереси, как это предполагал Филипп, значило открыть дверь для вмешательства в дело короля или папы; если же арестовать архиепископа и заключить в тюрьму, то Филиппу ничего более не останется, как согласиться с последствиями этого шага. Поэтому он распорядился об аресте Карансы; также был наложен арест на все его движимое и недвижимое имущество и все документы и рукописи.

Вести дело поручили вальядолидскому инквизитору Диего Гонсалесу. В длинной бессвязной записке, адресованной Супреме, Каранса жалуется, что Гонсалес относится к нему без всякого почтения, третирует самым оскорбительным образом, мешает его сношениям с Супремой, фабрикует за него ответы, всячески препятствует его защите — в общем, с адской изобретательностью старается еще более отягчить ужас его положения. Хотя упомянутое письмо папы уполномочивало Супрему в отношении епископов лишь на соби́рание доказательств и пересылку их вместе с обвиняемым в Рим, инквизиция действовала как полноправный суд. Вальдес лично прибыл в Вальядолид и по обычаю сделал обвиняемому духовное увещание, предложив ему для облегчения совести добровольно покаяться. Каранса на это ответил отводом Вальдеса и двух других судей на том основании, что они питают к нему вражду. Это привело к спору, которым занимался третейский суд. 23 февраля 1560 года он вынес решение в пользу Карансы. Таким образом, возникла необходимость в новом составе суда.

Друзья Карансы и доминиканцы добивались передачи дела в Рим, но Пий IV, занявший папский престол 25 декабря 1559 года, не хотел ссориться с испанской инквизицией и предложил королю самому назначить судей. Филипп с этим не торопился, и суд отложился на целый год. Наконец 13 марта 1561 года король поставил судьей Гаспара Суньигу, архиепископа Сантьяго, а тот, в свою очередь, назначил двумя другими судьями членов Супремы епископов Валтодано и Симанкасу, известных враждебным настроением против обвиняемого. Каранса заявил отвод и этим судьям, но Филипп велел более никаких

отводов не принимать. К этому времени Каранса находился в заключении уже почти два года.

Начавшийся процесс протекал с чрезвычайной медленностью. Наконец прокурор представил обвинительный акт, заключающий в себе 31 пункт. Каранса попросил открыть ему доступ к документам по делу, но просьбу оставили без удовлетворения. Пункты обвинения были сформулированы на основании фраз, извлеченных из его книги и рукописей, которые нашли в доме при аресте. Ему вменялись в вину также выписки из еретических сочинений, сделанные им с целью их опровержения; в качестве обвинительного материала использованы были даже случайные записи, составленные Карансой в далекой юности, лет сорок назад. В прениях вокруг всего этого прошел целый год, пока 5 июня 1562 года прокурор не представил обвинительный акт заново — на этот раз в него были включены также ходившие о Карансе слухи. Каранса просил вызвать и допросить свидетелей, которые должны были опровергнуть доводы прокурора; в их числе были названы Филипп II и принцесса Хуана, но суд, обойдя молчанием царственных особ, в вызове свидетелей отказал — на том основании, что все они принадлежат к числу его друзей. Тогда Каранса обратился к Филиппу. Он писал, что вот уже три года, как томится в тюрьме, а процесс только начался и обещает затянуться до бесконечности. В отчаянии он молил короля ускорить движение дела или разрешить ему апеллировать к папе. Дошло ли до короля его письмо — неизвестно, но последствий оно в любом случае не имело.

К этому времени дело Карансы приобрело уже характер европейского скандала. Это ярко отразилось на настроении епископов, собравшихся на третий Тридентский собор; они видели в судилище над архиепископом оскорбление церкви. Это тревожило Филиппа, и в письмах от 30 октября и 15 декабря 1562 года он предписывал своему представителю на Тридентском соборе и послу Испании в Риме сделать все, чтобы собор воздержался от заявления по делу Карансы. С большим трудом им это удалось — и то благодаря вмешательству папы, который успокоил прелатов уверением, что не позволит далее затягивать процесс и проследит за тем, чтобы Карансе вынесли справедливый приговор. Не будучи в состоянии помочь

своему плененному собрату, епископы по крайней мере позаботились о собственной безопасности, приняв постановление о подсудности церковных иерархов исключительно папскому суду. Мало того, они добились от Римской конгрегации, составлявшей индекс запрещенных книг, чтобы комментарии Карансы были признаны истинно католической книгой, достойной внимания всех благочестивых людей, а от папы дозволения ее печатать. Впрочем, папа под давлением Филиппа вскоре отозвал свое решение.

Вопреки обещанию папы, судебный процесс и в дальнейшем шел крайне медленно, поскольку прокурор формулировал все новые пункты обвинения; в конце концов их накопилось более четырехсот, и каждое служило поводом к очередной проволочке. Пий IV не раз назначал срок для передачи дела в Рим, но затем давал новые отсрочки. В декабре 1565 года он умер. Его преемник Пий V был человек совсем иного склада. Сразу после вступления на папский престол он предъявил Испании требование о выдаче Карансы и о присылке в Рим всех документов по его делу. Привыкший высокомерно обращаться с папами Филипп ответил, что Рим посягает на установившийся порядок вещей. Он рассчитывал, что Пий V, подобно его предшественнику, отступит, но папа, получив королевское послание, вызвал к себе испанского посла Суньигу и велел передать королю, что он рискует навлечь на себя гнев святого престола. Вслед за этим папа лишил судейских полномочий Вальдеса, Супрему и всех причастных к делу лиц и вновь потребовал отправить Карансу в Рим, грозя в ином случае отлучением от церкви всем, кто проявит неповиновение.

Обострение конфликта было явно не в интересах Филиппа. Натолкнувшись на твердость Пия V, он счел за лучшее подчиниться. Под конвоем военного отряда и в сопровождении ненавистного ему инквизитора Диего Гонсалеса Каранса был отправлен из Вальядолида в Рим, куда и прибыл 28 мая 1567 года. Здесь его заключили — до окончания скорого, как все полагали, судебного разбирательства — в замок Сант-Анджело. Никто тогда и подумать не мог, что ему суждено пробыть здесь девять лет.

Оказалось, однако, что и в Риме процесс Карансы может затянуться до бесконечности. Щепетильный Пий решил

всесторонне расследовать дело, и этим ловко пользовались агенты инквизиции. На доставку документов, накопившихся в чудовищном количестве, ушло не менее года; в Рим они прибывали несколькими партиями, в страшном беспорядке, и потребовалось немало времени, чтобы их разобрать. В судебную комиссию включили семнадцать человек, в том числе четырех испанцев. Когда все подготовительные действия были закончены, комиссия еженедельно начала собираться под председательством папы, на личном присутствии которого особенно настаивали испанцы; но так как папу часто отвлекали от участия в комиссии другие обязанности, работа подвигалась черепашьям шагом.

Испанская тактика заминок имела успех. Пий V скончался, не успев опубликовать приговор. Есть основание предполагать, что он убедился в невинности Карансы и склонялся к его оправданию. Незадолго до смерти папа разрешил продавать в Риме комментарии архиепископа, бывшие главным аргументом обвинения, а когда прокурор попросил их запретить, Пий заметил, что эта просьба может побудить его выступить с формальным одобрением сочинения Карансы.

Со вступлением на папский престол Григория XIII, который ставил дружественные отношения с Филиппом во главу угла, дело приняло неблагоприятный для Карансы оборот. Вместо того чтобы дать ему ход с момента, на котором оно остановилось после смерти Пия, новый папа заявил, что желает лично ознакомиться со всеми материалами, и окончание процесса сразу отодвинулось на несколько лет. Инквизиция воспользовалась этим, чтобы пополнить обвинительный материал; в основном это были заключения теологов, которые продолжали буква за буквой изучать комментарии Карансы.

Лишь к концу 1575 года процесс подошел к развязке. Вряд ли Филипп II так уж хотел уничтожить лично Карансу, но он не мог — дабы не уронить авторитета королевской власти и инквизиции — допустить оправдательного приговора. Поэтому он обратился к папе с письмом, в котором настойчиво просил осудить Карансу; более того, король писал, что архиепископа следует сжечь. Папа, однако, понимал, что оснований для сурового приговора нет. Но, с другой стороны, оправдать Карансу и позволить ему возвратиться на кафедру

в Толедо после стольких лет заключения значило бы вызвать смуту в церкви.

Приговор был произнесен 14 апреля 1576 года. В вину Карансе вменили еретические заблуждения, общим числом шестнадцать, от которых он должен был отречься. Он отрешился от должности на пятилетний срок, который мог быть продлен по усмотрению папы и святого престола. В течение этого срока он должен был пребывать в монастыре, откуда мог выезжать, лишь имея специальное разрешение папы и святого престола. Доходы от имущества Карансы, пока он пребывает в монастыре, обращались в пользу церкви; при этом на его содержание назначалась ежемесячная пенсия.

Комментарии его с этого момента запрещалось не только печатать, читать, но и хранить в числе других книг. Они вносились в дальнейшем во все выпуски испанского индекса вплоть до 1747 года. Рим оказался более последовательным: он исключил книгу Карансы из своего индекса только в 1900 году.

Оглашение приговора произошло в торжественной обстановке, приличествующей заключительному акту по делу, занимавшему внимание христианского мира в течение семнадцати лет. Карансу доставили из тюрьмы в Апостольский дворец, где на папском троне под балдахином восседал папа, на скамьях сидели кардиналы, а вокруг стояло около сотни зрителей. После исполнения необходимых формальностей папа протянул свиток с приговором секретарю суда, который громко прочитал его. По окончании чтения приговора Каранса бесстрастным голосом отрекся от своих заблуждений, а затем его подвели к стопам папы, который распространился о милости, ему оказанной, и заявил, что он мог бы рассчитывать еще на большее, если бы вел жизнь, приличествующую его сану. После этого Карансу передали в распоряжение начальника гвардии, и тот доставил его в доминиканский монастырь Санта-Мариа.

В силу наложенной на него епитимии Каранса обязан был посетить в субботу Пасхальной недели семь церквей. Слух об этом распространился в народе, и у монастыря собралась громадная толпа, желавшая выразить сочувствие осужденному архиепископу. Чтобы помешать изъявлению столь неуместных чувств, папа перенес день епитимии Карансы с субботы на

воскресенье, 23 апреля. Но это не помогло. Люди следовали за Карансой по пятам, и шествие по церквам, назначенное ему в наказание, превратилось в настоящий триумф. Повсюду его встречали с почестями, в Латеранском соборе он даже отслужил мессу. Но в конце дня с ним случился болезненный припадок. Вернувшись в монастырь, Каранса слег в постель, чтобы уже более не встать. Болезнь быстро прогрессировала, 30 апреля папа прислал больному свое благословение и отпущение грехов. В тот же день Каранса торжественно подтвердил свою неизменную преданность католической религии, затем принял предсмертное напутствие и 2 мая скончался. Он вступил в тюрьму цветущим человеком пятидесяти шести лет и покинул ее накануне смерти надломленным, дряхлым семидесятитрехлетним стариком.

Тело Карансы было подвергнуто вскрытию. Это свидетельствует о том, что существовали сомнения в естественности его смерти. Если принять во внимание, что в тот жестокий век устранение неудобных почему-либо лиц считалось одним из главных средств государственного правления и что Филипп сильно опасался возможного возвращения осужденного архиепископа, воспринимая саму возможность этого как удар по авторитету инквизиции и унижение королевского достоинства, то можно допустить, что внезапная смерть Карансы была делом рук агентов испанского короля. Подобное предположение не дополняет ничего особенного к образу Филиппа II, на чьей совести было немало тайных убийств.

Удивительно то, что процесс и осуждение Карансы почти не отразились на репутации его как правоверного борца за интересы католической церкви. Великий инквизитор кардинал Гаспар де Кирога-и-Вела, занявший толедскую кафедру в 1577 году, велел поставить ему памятник и поместить его портрет среди портретов остальных своих предшественников.

Жертвами инквизиции становилось немало высокопоставленных лиц. Одним из первых пострадал Хаиме, инфант Наварры, или, как чаще его называют, инфант Туделы. Он был незаконнорожденным сыном Карлоса Наваррского, принца Вианы и Гироны, брата Фердинанда II Католика. Таким образом, Хаиме был племянником короля, учредившего инквизицию.

В 1485 году, после убийства инквизитора Арбуэса, в Туделу, где он жил, бежали несколько преследуемых инквизицией сарагосцев, и Хаиме дал в своем доме убежище одному из них. Пробыв в его доме несколько дней, беглец затем благополучно скрылся во Франции. Слух об этом дошел до инквизиции, и в 1487 году Хаиме арестовали по обвинению в сочувствии ереси. Правда, наложенное на него наказание было незначительно: Хаиме, в качестве кающегося одетый в санбенито, в присутствии большого стечения народа должен был прослушать мессу. Ходили, однако, упорные слухи, что его перед службой выпороли.

В конце XVI века едва спасся от инквизиции Педро Луис Борджиа, последний великий мастер военного ордена Монтезесы, основанного в качестве продолжателя дела тамплиеров. Борджиа принадлежал к одному из самых аристократических родов. У него было несколько братьев, и все они занимали видное положение: Франсиско был генералом иезуитского ордена, Генрих — кардиналом, Томас — сарагосским архиепископом, Филипп — оранским губернатором и т. д. Валенсийский трибунал, видимо, не боялся гнева всех этих высокопоставленных лиц и арестовал Педро Луиса по обвинению в содомском грехе. Сначала Борджиа обратился за помощью к папе, утверждая, что как великий мастер ордена он подлежит суду лишь святого престола; но Рим отверг его ходатайство. Родовитому содомиту угрожала серьезная кара — опасались даже смертного приговора. Но трибунал неожиданно дрогнул под напором близких ко двору родственников Педро Луиса, и его признали невиновным.

В 1543 году инквизиция привлекла к ответственности генерального капитана и военного губернатора Барселоны Педро Кардону. Он обвинялся в нарушении привилегии барселонского трибунала и был приговорен к частному аутодафе в кафедральной церкви: со свечой в руке, без оружия и орденов, Кардона с поникшей головой выслушивал молитвы, читавшиеся инквизиторами для отпущения греха. Около этого же времени за аналогичный проступок был приговорен к частному аутодафе и денежному штрафу испанский гранд первого класса маркиз Терранова — родственник Карла V, вице-король и генерал-губернатор Сицилии.

Как легко начинали следствие против самых выдающихся людей, видно на примере одного из образованнейших людей Испании доктора Хуана Вергары. В бытность толедским архиепископом великий инквизитор Хименес пригласил к себе Вергару в качестве секретаря, и эти обязанности Вергара продолжил исполнять и тогда, когда Хименеса в качестве архиепископа сменил Фонсека. Одновременно он состоял также профессором философии в университете в Алькала-де-Энаресе, писал на латинском языке стихи, переводил Аристотеля. Когда была арестована иллюминатка Франсиска Эрнандес, она, желая себя спасти, стала оговаривать многих людей и заявила суду, что Вергара исповедует лютеранские идеи. Эрнандес вторил ее последователь монах Франсиско Ортис, сказавший, что Вергара порицал Парижский университет за обнаружение еретических мыслей в сочинениях Эразма, хотя таковых, по мнению Вергары, на самом деле нет. Так как к показаниям Эрнандес и Ортиса доверия было немного, трибунал медлил с арестом Вергары, но, к несчастью для него, в 1533 году стало известно, что он, подкупив стражу, переписывается со своим арестованным братом Бернардино, против которого имелись улики, что он увлекся идеями Эразма Роттердамского. После этого Вергару арестовали по обвинению в ереси и подкупе служителей трибунала.

Когда Вергару арестовали, архиепископ Фонсека просил трибунал выпустить его на поруки, предлагая залог в 50 000 дукатов. Но это ходатайство было отклонено, и тогда Фонсека предложил перевести профессора под домашний арест. Все эти хлопоты привели лишь к ужесточению режима содержания — в камере Вергары заколотили окна. На суде Вергара с большой энергией доказывал, что всегда был истым католиком, и, по сути, разбил все доводы обвинения. Но инквизиция, натолкнувшись на препятствие, не сдалась и обвинила его в дружбе с Эразмом Роттердамским. В качестве улики была предъявлена переписка Вергары с Эразмом, которую он вел по поручению архиепископа Фонсеки. То, что с Эразмом вели деятельную переписку многие высокопоставленные лица и даже сам император Карл V, суд не желал принимать во внимание. В то же время у него не хватало аргументов, чтобы вынести обвинительный приговор, и поэтому была взята на

вооружение обыкновенная в таких случаях тактика — вынесение окончательного решения откладывалось под разными предлогами, словно судьи чего-то ждали. В конце концов выяснилось, что ожидание это было не напрасным — когда процесс, казалось, уже зашел в тупик, поступил донос от бенедиктинского монаха Алонсо Вируэса, будто бы лично слышавшего еретические высказывания Вергары. Трибунал ухватился за это «доказательство», и 21 декабря 1535 года Вергара был приговорен к «сильному отречению», году заключения в монастыре и штрафу в 1500 дукатов.

Надо заметить, что Вируэс — ученый-ориенталист и любимый проповедник Карла V — сам в это время уже третий год как находился в заточении, арестованный по обвинению в сочувствии все тому же Эразму. И это несмотря на заключение, данное теологами, что сочувствие Вируэса Эразму относится к тому периоду, когда Эразм считался еще оплотом католицизма и к нему прибегали за поддержкой для борьбы с Лютером. Характерно, что все старания императора вызволить Вируэса из тюрьмы наталкивались на непоколебимую твердость инквизиционного трибунала. В 1537 году Вируэс был приговорен к «сильному отречению», двум годам монастырского заключения и четырем годам запрещения произносить проповеди. Карл V был возмущен этим приговором и добился от папы Павла III особого бреве, отменяющего вердикт трибунала, и в 1542 году Вируэс был даже назначен епископом на Канарских островах.

Большой резонанс в обществе вызвал процесс епископа Фройлана Диаса, духовника Карла II. Король, человек умственно отсталый и физически хилый, сильно страдал от сознания, что не оставляет наследника престола. Когда умерла его первая жена Мария-Луиза Орлеанская, он поспешил жениться вторично, но и с новой женой, Марией-Анной Нейбургской, его постигло разочарование. Тогда он обратился к Фройлану Диасу, великому инквизитору Рокаберти и к кардиналу Портокарреро с вопросом, что они думают насчет того, почему Бог отказывает ему в потомстве. Все трое согласились на том, что причиной бездетности Карла является колдовство, одолеть которое можно соответствующими заклинаниями.

Тут же со всех сторон стали предлагать кандидатуры проповедников, способных снять порчу. Духовник Диас нашел наиболее подходящим для этого доминиканского монаха Антонио Альвареса Аргуэльеса, который уже излечил нескольких монахинь, одержимых бесом. Аргуэльес вызвал демона и добился от него признания, что король в четырнадцать лет был околдован, и даже, по требованию Рокаберти и Диаса, выяснил, как именно это произошло. Демон, не устояв перед силой его заклинаний, сообщил, что 3 апреля 1675 года Карлу II была дана королевой-матерью чашка шоколаду, в которую подсыпали порошок из костей умершего. В дальнейшем демон дал еще множество противоречивых показаний, исходя из которых короля и лечили. Но толку не было никакого. В курсе происходящего находилась вся Испания, и даже император Священной Римской империи император Леопольд I рекомендовал какую-то чародейку из Вены, но, правда, прислал не ее, а другого чародея — по имени Тенда. Слухи ходили самые разные, и постепенно молва, все перевернув, стала приписывать вину королеве Марии-Анне, утверждая, что это она опоила Карла колдовским напитком. Узнав об этом, королева решила удалить из дворца Фройлана Диаса, которого считала инициатором всей этой истории с демонами, и воспользовалась для этого услугами инквизиции.

Момент был выбран подходящий, поскольку только что умер великий инквизитор Рокаберти, действовавший в согласии с Диасом, и инквизиция не рисковала более выступить против своего главы. Диас был обвинен в подстрекательстве к обращению за помощью к дьяволу, и хотя он говорил в свое оправдание, что действовал по приказанию Рокаберти, новый великий инквизитор Балтасар де Мендоса-и-Сандоваль, которому королева обещала содействие в получении кардинальской шапки, обратился к Карлу с просьбой удалить Диаса и назначить на его место другого духовника. Безвольный король легко пожертвовал своим фаворитом. Диас бежал в Рим, но существовавший на тот момент политический расклад сыграл не в его пользу. Вскоре он был арестован, возвращен в Испанию и заточен мурсийским трибуналом в тюрьму.

Тут, однако, Мендоса натолкнулся на непредвиденное затруднение: члены Супремы не нашли в деяниях Диаса никакой

ереси и не соглашались держать его под замком. Дело приняло для Мендосы крайне неприятный оборот. Потеряв самообладание, он посадил под домашний арест членов Супремы, отказавшихся быть слепым орудием в его руках; затем на членов Супремы был наложен денежный штраф, а ее секретарь изгнан из Испании. Тем временем мурсийский трибунал оправдал Диаса, но и это не остановило Мендосу. Он передал дело мадридскому трибуналу, и Фройлан Диас оказался в новой тюрьме, с весьма суровыми условиями содержания.

1 ноября 1700 года умер Карл II. На престоле оказался Филипп V, внук французского короля Людовика XIV, и влияние Мендосы, сторонника кандидатуры австрийского эрцгерцога Карла, неизбежно должно было сойти на нет. Мендоса даже покинул Мадрид, но это не принесло облегчения Диасу, который остался в тюрьме. Опасаясь, как бы освобождение Диаса не нанесло окончательного удара по его репутации, Мендоса обратился за помощью к папе Клименту XI, который совсем недавно вступил на престол. Папа рад был случаю показать, что Рим имеет право вмешиваться в дела испанской инквизиции, и потребовал переслать все материалы процесса Диаса в Рим. В это же время члены Супремы обратились к Филиппу V, требуя наказать Мендосу за несправедливое обращение с ними. Король медлил, не желая делать резких шагов, затем все-таки решился действовать, и в конце концов все члены Супремы, так или иначе пострадавшие от Мендосы, были восстановлены в правах; им также возвратили заплаченные ими штрафы. Все это заняло не один год, и все это время Диас продолжал сидеть за решеткой. Лишь 17 ноября 1704 года Супрема объявила, что епископ не виновен; его выпустили на свободу, возвратив отнятое после ареста имущество и заплатив жалованье за все годы пребывания в тюрьме.

На аутодафе 1656 года в Мексике предстал интересный обвиняемый — ирландец Вильям Лампорт, который объявил себя сыном короля Филиппа III. Он был арестован в 1642 году по доносу, в котором утверждалось, что он — ни много, ни мало — желает оторвать Мексику от Испании и провозгласить себя мексиканским королем. Лампорт называл себя внебрачным сыном Филиппа III и, следовательно, сводным братом пра-

вящего короля Филиппа IV. Он также представил бумаги, из которых явствовало, что в Испании ему за особые заслуги дан титул маркиза Кропани; позднее эти бумаги признали подложными. За самозванство, как за государственное преступление, он подлежал королевскому суду, но инквизиция захватила его в свои руки на том основании, что Лампорт совещался с астрологами и гадалками об успехе своего плана, и продержала в тюрьме почти пятнадцать лет. В какой-то момент надзор за ним, видимо, ослаб, и он сумел бежать, но вместо того, чтобы затаиться, стал появляться возле домов высокопоставленных лиц и прибывать к ним воззвания, а одну из прокламаций умудрился передать вице-королю, прося его немедленно арестовать инквизиторов как изменников. Разумеется, что при таком безрассудном поведении Лампорта рано или поздно должны были снова схватить. На этот раз его заковали в цепи и посадили в самую узкую и темную камеру. Правда, режим этот, по-видимому, через некоторое время смягчили, и в 1654 году он стал писать книгу об инквизиции, причем за недостатком бумаги исписал все свое одеяло. В конце концов его приговорили к сожжению на костре, что и исполнили — правда, сожгли уже мертвое тело, поскольку накануне казни Лампорт покончил жизнь самоубийством, а перед этим, когда в камеру явился духовник, он осыпал его оскорблениями, заявив, что вместе с ним в камеру вошли сотни легионов дьяволов.

Сервантес в «Дон-Кихоте» упоминает о лиценциате Торальбе, который летал по воздуху и за двенадцать часов прилетел из Мадрида в Рим, откуда на следующий день прибыл снова в Мадрид, чтобы рассказать все виденное им в папской столице. Доктор Эухенио Торальба был родом из Куэнки; он окончил в Риме около 1501 года медицинский факультет и стал, под влиянием частых споров с товарищами по университету о бессмертии души, колебаться в своих религиозных взглядах. Вслед за этим, как явствует из материалов следствия, случилось его знакомство с ангелом Иезекиилом, который всегда вместе с ним посещал церковь, стараясь укрепить его в христианской вере, — так что Торальба считал его добрым ангелом. Торальба одновременно с врачебной деятельностью занимался хиромантией, и в этом отношении, равно как в указаниях относительно целебных средств многих трав, Иезекиил

оказал ему неоценимые услуги; благодаря его помощи Торальба пользовался славой выдающегося врача. Он не скрывал свои частые воздушные ночные путешествия верхом на палке из Испании в Италию, опять же при содействии Иезекиила. Слухи о них дошли до инквизиции, и в 1528 году Торальба был арестован в Куэнке и провел в тюрьме свыше трех лет. 6 марта 1531 года предстал на аутодафе. Инквизиторы верили в реальность того, о чем он подробно рассказывал; они спросили его, предвидел ли Иезекиил, что Торальба будет в Куэнке арестован инквизиционным трибуналом, и лиценциат ответил, что его добрый ангел неоднократно предупреждал его не ездить в Куэнку. Он отрицал, что между ним и Иезекиилом существовал какой-либо договор, то есть ангел добровольно оказывал ему всевозможные услуги. Куэнкские судьи задали ему вопрос, как Иезекиил смотрел на учение Лютера и Эразма Роттердамского, и Торальба заявил, что он осуждал их обоих, причем Лютера считал очень скверным ересиархом. Трибунал остался очень доволен ответами Торальбы; позже дело перешло к Супреме, которая начала следствие о старых дискуссиях Торальбы с товарищами-врачами о бессмертии души. За эти еретические разговоры Торальбу и приговорили к тюремному заключению и ношению санбенито на неопределенный срок; кроме того, он должен был торжественно поклясться, что никогда более не будет прислушиваться к предложениям Иезекиила и полностью порвет с ним. Из тюрьмы Торальба вскоре был выпущен по решению великого инквизитора Алонсо Манрике и более ничем примечательным не отличился. Более всего, по замечанию Льоренте, поражает во всем этом невежество инквизиторов, принимавших фантастические рассказы Торальбы за чистую монету; удивительна также твердость обвиняемого, который в течение четырех лет, проведенных им в тюрьме, упорно утверждал, что действительно ангел Иезекиил руководил им в повседневной жизни и летал с ним то из Испании в Италию, то из Италии в Испанию.

Процесс Франсиско Гильена, купца еврейского происхождения, показывает, к каким приемам прибегала инквизиция, чтобы вырвать у жертвы доносы на других людей. В 1561 году трибунал приговорил его к сожжению за посещение тайных сходов иудеев. Но приговор ввиду нарушения некоторых фор-

мальностей в исполнение приведен не был, и дело перешло к Супреме, которая распорядилась расследовать преступление Гильена заново. Через несколько месяцев купца вторично приговорили к смерти, но так как Гильен постепенно, небольшими порциями, стал выдавать участников еврейских собраний, то казнь все откладывалась, и наконец ему пообещали заменить ее вечным заточением. Инквизиторы действительно собирались выполнить это обещание, но тем не менее одели Гильена в то же санбенито, что и приговоренных к смерти. Идея была в том, что боязнь смерти заставит несчастного выдать и тех преступников, о которых он до сего времени умолчал. Шествуя среди смертников и думая, что его ведут на казнь, Гильен умолял о пощаде и в последний момент — с условием, что назовет новых преступников, — был лицемерно помилован: инквизиторы сняли с него санбенито сжигаемых и надели санбенито примиряемых с церковью. Гильена отвезли в тюрьму, где он назвал еще девять имен, заявив, что только сейчас вспомнил об этих участниках еврейских собраний. Позже, однако, он признался, что донес на людей, которые ни в чем не были виновны, так как у него не было другого средства спасти себя. 19 января 1564 года его вторично вывели на аутодафе, теперь уже с кляпом во рту, и за лжесвидетельство приговорили к 200 ударам плетью. Но это еще не все. Спустя год Гильен сообщил, что его донос на умершую Каталину Перес был ложным, и мурсийский трибунал возбудил против него новое дело. 9 декабря 1565 года несчастный в третий раз прошел через аутодафе, получив на этот раз 300 розог и пожизненное заключение, которое затем заменили каторгой на неопределенный срок — до тех пор, пока у него хватит сил для каторжных работ.

Случай с Гильеном не представляет собой ничего исключительного: с Мельчором Эрнандесом, на которого инквизиции донес Гильен, поступили точно таким же образом. Как и Гильен, Эрнандес обвинялся в том, что посещал собрания, где произносились речи во славу закона Моисея. Он упорно отрицал свою вину, и следствие, как ни старалось, не могло ее доказать. В январе 1565 года Эрнандес на исповеди заявил, что в 1553 году действительно неоднократно посещал какой-то дом, где собирались люди, говорившие о законе Моисея, но

что он приходил туда по своим торговым делам и не вмешивался в эти разговоры. При этом он не назвал ни одного имени. Тогда трибунал постановил подвергнуть Эрнандеса пытке *in carut alienum*, то есть для выдачи соучастников преступления. Пытка результата не дала, и 18 октября 1565 года Эрнандес как иудействующий, отказавшийся давать показания, был приговорен к смертной казни. После этого, однако, с ним поступили, как с Гильеном: отложили исполнение приговора и стали ежедневно подвергать допросам; наконец он не выдержал и дал показания на тех, кого ему называл трибунал, и сам добавил многие имена. Но и потеряв прежнюю твердость, он продолжал утверждать, что сам, несмотря на частые посещения дома, где проходили собрания иудеев, никогда не принимал участия в разговорах о законе Моисея. Когда на него уже накинули санбенито и он понял, что спастись может, только назвав новые имена, Эрнандес заявил, что готов дать дополнительные показания; следствием этих показаний стало привлечение к суду еще двенадцати человек. В конце концов трибунал предложил примирить его с церковью, но Супрема оказалась не столь милосердна и высказалась 15 мая 1567 года за выдачу Эрнандеса светским властям, то есть за немедленное исполнение смертного приговора. Трибунал тем не менее с этим не спешил — несчастного продолжали таскать на допросы и вырывали у него все новые и новые признания; в отчаянии он произносил случайно приходившие на ум имена и все более запутывался в показаниях. После долгих перипетий в июне 1568 года его все-таки казнили — прилюдно удушили, а тело сожгли.

Новохристианам запрещалось жить в испанских колониях. Поэтому Перу, которое было завоевано Испанией в 1524 году, не знало маранов до 1580 года, когда к испанской короне была присоединена Португалия и многие португальцы, которых инквизиция считала иудействующими, предпочли перебраться за океан. Не всех это, однако, уберегло от беды. Уже 17 декабря 1595 года на аутодафе в Лиме были казнены четверо — Хорхе Нуньес, Франсиско Родригес, Хуан Фернандес и Педро Контрерас; все они перед этим не раз подвергались пыткам. 10 декабря 1600 года там же сожгли живьем двоих, а 13 марта

1605 года — троих; кроме того, десятки людей были приговорены к конфискации имущества и другим наказаниям. На аутодафе 1 июня 1608 года одному иудействующему — его звали Доминго Лопес — выпало редкое счастье: он был оправдан — вероятно, потому что на него распространялось всепрощение, купленное в 1604 году португальскими маранами и только к этому времени ставшее известным в колониях. После этого наступило затишье, и лишь 21 декабря 1625 года было устроено новое аутодафе, на котором троих сожгли заживо, одного *in effigie* и десять иудействующих примирили с церковью. В следующем году среди прочих был арестован Франсиско Мальдонадо де Сильва случай которого интересен тем, что на него донесла родная сестра Изабелла. Его продержали в тюрьме, прежде чем отправить на костер, без малого тринадцать лет. Кроме де Сильвы на большом аутодафе 23 января 1639 года сожгли живьем еще десять человек. Среди них был Мануэл Баутиста Перес — богач, состояние которого оценивалось в полмиллиона песет; его дом служил для иудействующих местом собраний. Перес владел плантациями и серебряными рудниками, так что конфискация его имущества сильно увеличила средства перуанского трибунала, который сразу стал одним из богатейших в испанской инквизиции. Именно обретенное богатство, как считается, стало причиной ослабления после 1639 года активности инквизиции в Перу; во всяком случае, в течение следующего десятилетия она проявила себя лишь в двух небольших аутодафе, на которых обошлась без казней.

Заслуживает внимания история, происшедшая в это десятилетие с Хуаном Лойолой — родственником Игнатия Лойолы, основателя иезуитского ордена. Хуан, занимавший в Лиме высокое положение, в 1743 году был арестован по доносу негра-раба. Трибунал после долгих проволочек установил, что донос стал результатом заговора, составленного рабами, однако, даже арестовав четырех лжесвидетелей, продолжал держать Лойолу в заточении, где тот и умер 27 декабря 1745 года. Семья узнала о его смерти только на аутодафе 19 октября 1749 года, когда лжесвидетели были наказаны, и потребовала, чтобы ему были оказаны посмертные почести как истинному католику. Трибунал на это согласился, и изображение Хуана Лойолы с большой торжественностью под звуки музыки провезли по

улицам на белой лошади. Супрема нашла подобный способ искупления ошибки инквизиторов совершенно излишним и сделала трибуналу выговор, прося впредь не выходить за пределы обычных процедур.

В 1646 году, когда Португалия вновь обрела независимость от Испании, перуанский вице-король маркиз Мансера по требованию инквизиционного трибунала приказал изгнать из Перу всех португальцев, число которых достигало 6000 человек. Но португальцы откупились, и Мансера разрешил им остаться в Перу (позже это поставили ему в вину). Быть может, эти деньги способствовали тому, что маранов, вышедших из Португалии, вообще перестали преследовать: по крайней мере в течение следующих двадцати лет никто из них не пострадал. И лишь в 1666 году был приговорен к отречению от иудейской ереси Леон Сиснерос, которого уличили в том, что он не покупал рыбы без чешуи и в субботу не посылал своих детей в школу. В дальнейшем случаи преследования иудействующих отмечаются в Перу все реже, а в XVIII веке и вовсе выходят из практики.

Любопытно, что не только родственник Игнатия Лойолы, но и он сам испытал гонения инквизиции. Когда слава о его проповедях распространилась по Испании, инквизиция, как это часто бывало в отношении проповедников, распорядилась навести о нем справки. Вскоре с одной женщиной во время речи Лойолы произошел припадок, и этого оказалось достаточно, чтобы обвинить Лойолу в иллюминатстве; в 1527 году он был заключен в тюрьму, где провел полтора месяца. Согласно приговору трибунала, отныне ему разрешалось проповедовать лишь по особому позволению епископа. Это заставило Лойолу покинуть Испанию и переехать в Париж.

Нельзя сказать, что инцидент с Лойолой был вызван лишь недоразумением. Инквизиция и впоследствии находила духовные упражнения, предлагавшиеся Лойолой (именно так — на латыни «*Exercitia Spiritualia*» — названо его главное сочинение), опасными и составляющими как бы первую ступень к учению мистиков. Недаром Мельчор Кано отказывался делать различие между иезуитами и иллюминатами, а инквизитор Монтойа, исследовавший в 1575 году иллюминатское движение и представивший Супреме соответствующий до-

клад, говорил, что иезуиты и иллюминаты проповедуют одно и то же и одинаково достойны наказания. Близкий к Монтойе доминиканец Алонсо де ла Фуэнте вздумал преследовать португальских иезуитов и с этой целью отправил духовной власти Португалии обширный мемориал, в котором указывал, что иезуиты такие же еретики, как иллюминаты, и что необходимо принять энергичные меры как против первых, так и против вторых. Но в Португалии в это время иезуиты находились у власти, и кардинал Энрике, португальский великий инквизитор и будущий король, отослал мемориал Алонсо испанской инквизиции, требуя покарать дерзкого монаха. Ввиду предстоящего в близком будущем присоединения Португалии к Испании Супрема весьма дорожила добрым расположением Энрике; поэтому монаху сделали выговор и отправили его в монастырь. Энрике не удовлетворился этим и потребовал либо выдать ему Алонсо, либо отдать это дело на рассмотрение в Рим. Возникшее недоразумение грозило серьезной ссорой между португальской и испанской инквизициями, но тут Алонсо очень вовремя умер, и конфликт удалось замять.

Инквизиция имела особую причину преследовать иезуитов. Дело в том, что компендиум их привилегий утверждал, будто Григорий XIII в 1584 году *vivae vocis oraculo** даровал генералу ордена право отпускать грехи всем своим подчиненным, причем это право распространялось даже на еретиков-рецидивистов; мало того, члены ордена, зная про ересь товарища по ордену, должны были доносить об этом не инквизиции, а иезуитскому начальству, так как иезуиты считались подсудны лишь специальному суду, а не обыкновенному церковному или инквизиционному. Инквизиция не желала признавать за орденом подобного рода привилегии, и это привело к ожесточенной дискуссии. Инквизиторы и иезуиты энергично отстаивали свои права, и Римская курия долго колебалась, не зная, что ей делать, и меняла свое мнение в зависимости от красноречия того или иного представителя борющихся сторон. Наконец 3 декабря 1592 года папа Климент VIII высказался окончательно в пользу инквизиции, предоставив ей исключительное право в делах о ереси. Частным образом, однако, папа

* Из их собственных уст (*лат.*).

просил Супрему быть снисходительной к иезуитам и помнить, что преследования их могут подорвать в обществе авторитет, коим орден пользуется к благу религии. По-видимому, иезуиты долго не могли примириться со своим поражением, и даже в 1660 году папа Александр VII вынужден был резко осудить распространяемое многими иезуитами мнение, что вместо того, чтобы доносить инквизиции на товарищей по ордену, следует дружески убеждать их отказаться от ошибочных взглядов.

Дело, в котором был замешан иезуит, имело место в Лиме в 70-х годах XVI века. Патер Луис Лопес, разделявший многие воззрения мистиков, сказал после аутодафе, что он не хотел бы обладать совестью того инквизитора, который возвел людей на костер. Слова эти дошли до инквизиции, и было начато следствие, которое вменило в вину Лопесу, что он был вдохновителем некоторых мистиков, развращал женщин во время исповеди, занимался прочими гнусными делами и отрицал права Филиппа II на Перу. Улики, вероятно, были сильно приукрашены, так как инквизиция хорошо знала, что Лопес пользуется значительным авторитетом в высших сферах, и, следовательно, привлечь его к ответственности можно лишь в том случае, если преступление будет действительно ужасно. На суде Лопес не отрицал, что занимался *solicitatio ad turpia**, и сознался также в ряде других преступлений. Несмотря на это, публичного аутодафе он избежал, и приговор инквизиционного трибунала ему зачитали лишь в присутствии восьми иезуитов, товарищей Лопеса. Приговор сводился к тому, что с первым отходящим в Испанию судном Лопес должен отправиться в метрополию, а до этого содержаться в одиночном заключении; в Испании его ждало двухлетнее заключение и затем четырехлетняя ссылка; кроме того, его навсегда лишили права исповедовать женщин, а на срок два года и мужчин.

* Вовлечение в любодеяние (*лат.*).

Глава четырнадцатая Деятнадцатый век

Сохранился список лиц, на которых поступили доносы в различные испанские инквизиционные трибуналы в 1780—1820 годы. Он включает свыше 5000 имен, и из него следует, что в это время иудеи, протестанты и мусульмане уже не интересовали инквизицию. Теперь она сосредоточилась на преследовании тех, кто произносил вредные речи или писал опасные сочинения, причем преследования эти чаще носили политический, нежели религиозный характер. Инквизиция мало-помалу посвящала себя новому служению, ибо поняла, что в век Просвещения вероисповедные эдикты, подстрекавшие к доносу, и эдикты о милости, служившие ловушкой для простодушных людей, должны быть отставлены. В 1784 году Супрема опрашивает трибуналы, прибегают ли они к ежегодным эдиктам, некогда столь обязательным, и при этом — независимо от ответов — воздерживается от оценки их действий. Не менее редким явлением, чем эдикты, становятся публичные наказания. Впрочем, как ни приспособлялась инквизиция к новым условиям жизни, дух ее по-прежнему оставался строго консервативным, и она из последних сил сопротивлялась попыткам реформировать ее изнутри. Стоило великому

инквизитору Мануэлу Абад-и-Ласьерре только попытаться ввести в инквизиционное судопроизводство принципы, уже восторжествовавшие в гражданских и уголовных процессах, как его вынудили уйти в 1794 году в отставку, и он окончил свои дни в бенедиктинском монастыре, а его секретарь Х. Льюренте подвергся преследованиям.

Вслед за этим последовал некоторый всплеск активности инквизиции. Отчасти это было связано с тем, что она получила мощную поддержку от вернувшихся в 1798 году в Испанию после изгнания иезуитов. В это время было возбуждено несколько дел против лиц, занимающих видное общественное положение. Как правило, их обвиняли в сочувствии идеям нидерландского епископа Янсения. У иезуитов были свои счеты с янсенизмом — в свое время они опасались, как бы янсенисты не отбили у них педагогической и исповедальной практики, и поэтому приложили руку к тому, чтобы это учение было признано еретическим, а позже делали все, чтобы добить врага. Их стараниями в янсенизме были обвинены графиня Мантихо, епископы Саламанки, Куэнки и Мурсии, мадридские каноники Родригальварес и Посадас. Однако налагаемые инквизицией наказания не носили прежнего сурового характера; жестокие приговоры произносились очень редко, а сожжение как живых людей, так и их изображений прекратилось еще в середине 80-х годов XVIII века. Чувство самосохранения заставляло инквизицию считаться с общественным мнением, которое крайне негативно стало воспринимать строгие наказания по обвинениям в политических преступлениях и религиозной ереси.

Это же чувство способствовало тому, что инквизиция сделалась готовой в любой момент принять сторону сильного. Показательно, что, когда Испания, по сути, оказалась во власти Наполеона, инквизиция одобряла все его действия и вносила свой вклад в подавление народного недовольства. 2 мая 1808 года в Мадриде вспыхнуло восстание против вошедших в город французских войск, которым командовал маршал Мюрат. Оно было жестоко подавлено: в течение нескольких часов были убиты 185 человек. Супрема отреагировала на эти события, заявив, что «чернь произвела скандальный бунт... против офицеров и солдат дружественной нации, которые

никого не обижали и до сих пор давали прекрасные доказательства порядка и дисциплины». При этом она призвала инквизиционные трибуналы взять на себя обязанность всячески помогать установлению в стране спокойствия и порядка, то есть всеми средствами помогать оккупантам. Старший член Супремы Раймундо Этенард-и-Салинас (место великого инквизитора было в 1808—1814 годах вакантно) явился в Байонну, где его милостиво принял старший брат Наполеона — Жозеф, который через несколько дней под именем Иосифа I Наполеона стал испанским королем. Жозеф явно давал понять, что рассчитывает на поддержку инквизиции в своем правлении. Наполеон также заигрывал с инквизицией; во всяком случае, он не хотел превратить ее в противницу. Этим объясняется, что в выработанном Наполеоном проекте конституции для Испании католическая религия была объявлена государственной религией; инквизиция в нем не упоминалась, но при этом должна была сохранить свои старые привилегии, сделавшись, однако, учреждением, которое полностью подчинено государству. В том, что все отныне будет именно так, а не иначе, инквизиция имела случай убедиться еще до торжественного вступления в Мадрид Иосифа, которое состоялось 20 июля 1808 года. Ей вздумалось преследовать аббата Марчену, бежавшего в начале Великой французской революции во Францию и вернувшегося в качестве секретаря Мюрата. Но едва он был арестован инквизиционным трибуналом, как Мюрат отдал приказ освободить его силой, и Супреме пришлось с этим смириться.

А коль скоро Наполеон видел в инквизиции государственное учреждение, то она, как все учреждения, могла быть ликвидирована при изменении обстановки в государстве, что и произошло уже 4 декабря 1808 года. Дело в том, что, едва прибыв в Мадрид, король Иосиф вместе со своими приверженцами под давлением восставших испанцев вынужден был его покинуть. Тогда Наполеон решил лично навести порядок в Испании. В ноябре он дважды разбил повстанцев, а 4 декабря ему сдался Мадрид. «Нынешнее поколение, — заявил Наполеон при вступлении в город, — может питать различные убеждения, но внуки ваши будут праздновать день, в который я явился среди вас, и назовут его эрой счастья Испании». Тут

же было издано множество указов, и один из них упразднял инквизицию, которая при этом была названа «противоречащим суверенитету и светской власти учреждением»; имущество ее было конфисковано в пользу казны.

Ситуация в самой инквизиции была к этому моменту ненормальной. Великий инквизитор Арсе-и-Рейносо еще в марте 1808 года сложил с себя обязанности, но на его место никого не назначили, так как Рим в это время был уже занят французскими войсками и сообщение с папой Пием VII отсутствовало. При этом ввиду трудных обстоятельств, переживаемых страной, никто не хотел даже временно занять пост великого инквизитора, из-за чего в прежде могущественной организации начался полный разброд. Следует заметить, что руководители повстанцев, желавшие использовать инквизицию в своих интересах, предлагали назначить великим инквизитором епископа города Оренсе Кеведо, который пользовался в народе популярностью по причине отказа сотрудничать с Наполеоном. Осуществить это назначение они, судя по всему, просто не успели.

На вопрос, чем был вызван указ об отмене инквизиции 4 декабря 1808 года, попытался дать ответ Франсиско Риеско — бывший инквизитор, позднее ставший депутатом кортесов, собранных в Кадисе на излете французской оккупации. По его словам, Супрема заявила Наполеону при взятии Мадрида, что она даст присягу верности лишь такому монарху, который будет избран нацией на законном основании и при соблюдении требуемых законом формальностей. Это «столь справедливое и столь патриотическое» заявление привело Наполеона в такую ярость, что он немедленно приказал арестовать инквизиторов и отправить их в Байонну, а также изъять все бумаги, документы и архивы. Этот рассказ, однако, сильно противоречит тому, что делал и говорил в Байонне инквизитор Этенард-и-Салинас, и распоряжениям Супремы во время французской оккупации.

Представляется, что все обстояло иначе. Когда 30 июля Иосиф I Наполеон покинул Мадрид, инквизиция, преклоняющаяся перед любой силой, сразу поступила на службу к хунте, возглавлявшей повстанцев, и четыре месяца верой и правдой действовала на пользу национальной независимости. Этого

было достаточно, чтобы Наполеон подписал ей смертный приговор.

Следует между тем заметить, что 4 декабря 1808 года инквизиция была отменена не на всей территории Испании, а только в тех областях, которые занимали французы. Хунта, перебравшаяся из Мадрида в Севилью, весьма лояльно относилась к инквизиции, и во многих городах продолжали действовать инквизиционные трибуналы. Когда французы овладели 1 февраля 1810 года Севильей, они нашли там трибунал с полностью укомплектованным штатом. В Валенсии деятельность трибунала прекратилась лишь в 1811 году, когда в город вступил французский генерал Сюше; в это же приблизительно время барселонский трибунал перенес свой центр в Тарагону, которой не угрожала опасность со стороны французов.

Само собой разумеется, что в дни величайшего кризиса, когда на карту был поставлен вопрос о самом существовании Испании, инквизиция не могла проявлять особой энергии в преследовании еретиков, и число ее жертв становилось тем меньше, чем дальше продвигались к югу французы. В 1808 году испанские трибуналы рассмотрели 67 дел, в 1809 году — 22, в 1810 году — 17, в 1811 году — 25, в 1812 году — 1 и в 1813 году — 6. Смягчению репрессий способствовало то, что трибуналы опасались безмерной суровостью вызвать против инквизиции народное недовольство. Всегда мстительная, инквизиция старалась теперь подавить в себе это чувство, как об этом свидетельствует случай, происшедший в 1809 году в Сантьяго. Когда французы овладели Сантьяго, профессор местного университета Фелипе Собрино Табоада, назначенный начальником местной полиции, издал эдикт, в котором упразднение инквизиции называлось спасительной мерой. Но вскоре французы из Сантьяго ушли, и Табоада был арестован инквизицией. Все наказание его, однако, ограничилось пятимесячным заключением и запрещением занимать посты на государственной и общественной службе, тогда как в прежние времена он вполне мог угодить на костер.

31 января 1810 года хунта повстанцев уступила место регентству. Его возглавил епископ Кеведо, которого совсем недавно прочили на должность великого инквизитора. Он и другие члены регентства видели пусть к спасению страны в восста-

новлении учреждений государства, сметенных бурей последнего десятилетия. Как только эта политика проявилась в полной мере, Этенард-и-Салинас обратился к Кеведо с просьбой распорядиться о созыве Супремы, фактически прекратившей свое существование в последние два года. Это было сделано, но рассеянные по всей стране члены Супремы не откликнулись на призыв. Вскоре, правда, сторонники устройства Испании в духе прежних времен испытали разочарование: большинством 68 голосов против 32 собранные в Кадисе так называемые «чрезвычайные кортесы» приняли 18 октября резолюцию о свободе печати в политических вопросах. В отношении книг религиозного характера за духовенством было сохранено право цензуры, но тем не менее именно этот день считается началом борьбы не только со старым режимом в целом, но и непосредственно с инквизицией.

Когда принималась резолюция, инквизитор и депутат Риеско предложил кортесам засвидетельствовать перед страной, что она нисколько не направлена против инквизиции, ведавшей до сих пор цензурой книги. Но его предложение большинством собрания было отклонено, и в этом отразилось отношение кортесов к деятельности инквизиции.

Супрема между тем продолжала бездействовать, хотя Этенард-и-Салинас прилагал колоссальные усилия, чтобы собрать кворум. В конце концов ему это удалось, но фактически Супрема ничем себя так и не проявила. В 1811 году в кортесах много говорилось об этом, причем одни депутаты резко нападали на инквизицию, называли ее учреждением, оскорбляющим человеческое достоинство, даже характеризовали как антирелигиозный институт и требовали ее уничтожения, а другие, наоборот, сожалели об отсутствии назначенного великого инквизитора и требовали восстановления деятельности инквизиции в прежнем виде. Одним из аргументов против избрания великого инквизитора, однако, служило неведение относительно того, была ли отставка Арсе-и-Рейносо, ревностного сторонника короля Иосифа I, принята в 1808 году папой; ведь могла возникнуть абсурдная ситуация, когда одновременно в разных частях Испании действуют два великих инквизитора.

Так и не придя к компромиссу, кортесы никаких конкретных решений по инквизиции не приняли, хотя продолжали

спорить о ней даже после того, как одобрили конституцию, в которой, как и в конституции для Испании Наполеона, об инквизиции не упоминалось. Враждебные инквизиции депутаты шаг за шагом усиливали свои позиции, и становилось ясно, что дело идет к неблагоприятному для нее исходу. Сначала они провели постановление, согласно которому Супрема лишилась функции высшего судебного учреждения, а затем еще одно — о передаче на рассмотрение специальной комиссии всех законов на предмет выяснения, нет ли в них какого-либо несоответствия конституции государства.

Доклад этой комиссии об инквизиции был представлен кортесам 8 декабря 1812 года. В нем говорилось, что комиссия просила правительство предоставить в ее распоряжение все какие только возможно документы, воспользовалась помощью историков и изучила произведения испанских писателей, в которых говорится об инквизиции. Исследовав доступные ей материалы, комиссия пришла к выводу, что инквизиция несовместима с конституцией. Причин этому было названо множество. Главная же, по мнению комиссии, заключалась в том, что инквизиция сама создает законы, применяет их и контролирует их исполнение. Решения инквизиционных судов, даже самые несправедливые, не могут изменить ни епископы, ни архиепископы, ни даже сам папа, ни тем более гражданские власти. Ход следствия, который ведет инквизиция, не поддается никакому контролю со стороны. Составив протокол о преступлении, инквизиторы могут немедленно арестовать преступника, и даже к верховному совету инквизиции они обращаются только в случае, если внутри инквизиционного суда возникают разногласия. Арест сопровождается всегда секвестрацией имущества подозреваемого, и жене и детям оставляются самые скудные средства, которые едва ли могут обеспечить их пропитание. Подсудимые подвергаются одиночному заключению и лишены свиданий с родителями, женами, детьми, родными и друзьями. Защитники и духовники допускаются к ним только по особому разрешению инквизиционного суда, причем разговор подсудимых и защитников обязательно проходит в присутствии инквизиторов. Допрос производится очень тщательно, пытки пускаются в ход постоянно; при этом от подсудимых усиленно скрывается причина

ареста и свидетели обвинения. Если же подсудимые раскаиваются в своих преступлениях или заблуждениях, их все равно покрывают позором — например, лишают права занимать доходные и гражданские должности, причем это наказание распространяется на их семьи.

Кортесы обязаны следить за исполнением законов в стране. Но как могут они контролировать деятельность инквизиторов, если те окружают ее глубокой тайной? Для обеспечения самостоятельности и политической свободы нации кортесы установили такую систему ответственности и гармонии власти, что все виды власти контролируют друг друга и несут ответственность за свои поступки. Только священная особа короля не считается ответственной, но зато ни один королевский приказ не считается действительным, если он не скреплен подписью ответственного секретаря. А перед кем ответственны инквизиторы? Жалобы в Рим запрещены, от общественного мнения действия инквизиторов скрыты, и каждое лицо, осуждающее инквизицию, объявляется отлученным от церкви. Таким образом, создается следующее положение: в Испании существуют суды, которые держат в своих руках свободу, честь и имущественное положение граждан, действуя при этом скрытым путем, и эти суды не ответственны ни перед какой властью; эти суды издают по своему усмотрению законы, не только не соответствующие, но даже противоречащие законам государства. Разве можно считать свободным и независимым народ, подвластный подобным судьям?

Доклад комиссии произвел на кортесы огромное впечатление; противники инквизиции считали свое дело выигранным. Противоположная сторона, однако, не сложила оружия. Не надеясь на свои силы в кортесах, она повела в стране энергичную агитацию, и когда 4 января 1813 года открылись прения по докладу, кортесы были завалены многочисленными петициями, докладными записками, протестами, мемориалами и прошениями о сохранении инквизиции. Среди протестовавших против предполагаемой ее отмены были два архиепископа, 24 епископа, советы провинций Галисии и Алавы, нескольких крупных городов, а также представители высшей знати и некоторые высокопоставленные военные. Сами прения про-

ходили в том же ключе: бывшие в меньшинстве сторонники инквизиции заявляли протест за протестом и требовали хотя бы отложить решение вопроса, пока не выскажутся все провинции, в том числе и заморские. Они надеялись, что за это время что-то поменяется в государстве и вопрос отпадет сам собой.

Чтобы выиграть время и еще более запутать прения, консервативные депутаты даже готовы были согласиться с несоответствием инквизиции принятой недавно конституции, но при этом втягивали собрание в бесконечные дискуссии, имеют ли кортесы вообще право самостоятельно изменять «национальное учреждение, вызванное к жизни двумя сторонами, королем и св. отцом», доказывая, что для этого необходимо также согласие Римской курии. С обеих сторон выступали выдающиеся ораторы. «Причиненный инквизицией государству и церкви вред не поддается определению, — говорил либеральный депутат духовного звания Руис Падрон. — Инквизиция не заботилась о просвещении народа, не распространяла среди него истинных начал религии; наоборот, она стремилась лишь к ухудшению его положения, к умственному и нравственному его порабощению. Она преследовала печать, сеяла предрассудки, распространяла ложь; вот почему разум, справедливость и народное право, объединенные мучительно долгим периодом ужасных преследований, обращаются к трону с мольбой принять их под свою высокую руку. С другой стороны, кровь многочисленных невинных людей, сделавшихся жертвами клеветы, вероломства, фанатизма и корысти, вопиет о мести, как некогда ее требовала кровь Авеля. Из глубины гробов невинных поднимается величественный и властный голос, требуя справедливости и протестуя против инквизиции, несовместимой с правами человека. И если инквизиция по существу своему является кровавым учреждением, то я осмелюсь сказать, что и мать церковь должна требовать ее полного и окончательного уничтожения. Ведь если Давиду не было дано построить храм Иерусалима, потому что этот царь защищал народ Божий с мечом в руках, то как может в лоне церкви существовать инквизиция, посылающая людей на костер?» В ответ инквизитор Риеско произнес дифирамб инквизиции, продолжавшийся почти два заседания. Это переполнило чашу

терпения собравшихся, и 22 января председатель кортесов поставил на голосование предложение о прекращении дальнейших дебатов ввиду того, что собрание уже выяснило сущность вопроса. В тот же день прошло поименное голосование — 90 голосами против 60 кортесы признали, что инквизиция несовместима с конституцией 1812 года.

5 февраля был принят эдикт об отмене инквизиции; его сопровождал обращенный к народу манифест. «Ужас инквизиции, — говорилось в манифесте, — заключается не в ее темных и сырых тюрьмах и не в ее страшных кострах. К этим средствам некогда прибегали во многих государствах, и Англия, Германия и Франция также жгли и преследовали еретиков. Ужас испанской инквизиции в том, что она составляет единое, прекрасно организованное, хорошо дисциплинированное, всемогущее и ничему не повинующееся учреждение, действующее путем отлучения от церкви и пыток там, где она это находит необходимым. Ужас инквизиции в том, что она заглушает всякую мысль, всякое движение вперед, убивает всякое проявление творчества, порабощает общество и низводит человека на степень животного. Она — вечно неизменная — вступила в страшное единоборство с всегда мятущимся, ищущим все нового и нового и никогда не удовлетворяющимся человеческим духом». Эдикт и манифест должны были, начиная с 7 марта, три воскресенья подряд читаться в церквах и муниципалитетах.

Из всех церквей приказано было удалить санбенито осужденных еретиков, а также всякого рода изображения, связанные с деятельностью инквизиции. Удаление санбенито манифест объяснял необходимостью положить конец причиняемым потомству еретиков оскорблениям и правовым ограничениям, так как это нарушает конституцию, провозгласившую, что никакое наказание не переносится на родных того, кто почему-либо когда-либо совершил преступление.

Кортесы всячески подчеркивали, что они выступают не против католической религии, но против инквизиции. Взамен отмененной инквизиции эдикт предписывал создать специальные трибуналы, защищавшие религию, а манифест гласил, что лишь тот имеет право называть себя испанцем, кто исповедует римскую, апостолическую и католическую

веру. Однако все эти торжественные проявления католических чувств депутатов мало помогли кортесам, против которых поверженная, но еще не сдавшаяся инквизиция повела ожесточенную борьбу, опираясь в ней главным образом на духовенство, ставшее к этому времени в резкую оппозицию к кортесам. Дело в том, что кортесы приняли ряд мер, затронувших материальные интересы духовенства и вызвавших, естественно, его недовольство.

Духовенство было всегда очень сильно в Испании. В 1788 году оно насчитывало в своих рядах 199 512 человек, в стране было свыше 2000 мужских монастырей и 1075 женских. По вычислениям тогдашнего министра финансов Кабаруса, принадлежавшая духовенству в 1809 году земля стоила 3125 миллионов песет при стоимости всей испанской земли в 11 500 миллионов, то есть церкви принадлежало больше четверти земельных богатств. Ежегодная рента с земли давала духовенству 125 миллионов; к этой сумме следует прибавить доход с домов, деньги, поступающие от государства, пожертвования и прочие средства, поступающие из самых разных источников. В целом ежегодный доход духовенства был близок к 260 миллионам песет, и при этом оно не платило налогов. Церковь была богатейшим государством внутри государства, и кортесы посчитали справедливым, учитывая плачевное положение испанских финансов, что она должна разделить тяготы жизни вместе со всей страной.

17 июня 1812 года был принят эдикт, согласно которому монастыри, разоренные во время войны, не подлежали восстановлению, а оставшееся их имущество, главную ценность которого составляла земля, поступало в пользу государства. В результате только в 1812 году испанская казна получила более 51 миллиона песет. Несмотря на ожесточенное сопротивление духовенства, 18 февраля 1813 года был принят новый закон, ужесточающий предыдущий, — теперь не подлежали восстановлению монастыри, община которых насчитывала менее двенадцати братьев; кроме того, в одном округе не должно было быть более одного монастыря, а устройство новых монастырей запрещалось. Также желая облегчить бремя налогов, падавших преимущественно на земледельцев, кортесы отменили специальную подать, платившуюся в ряде мест-

ностей в пользу духовенства. Все эти законодательные меры раздражали церковь, не решавшуюся, однако, из-за чисто материальных мотивов открыто выступить против кортесов. Но по мере того как кортесы наступали на инквизицию, церковь, хотя прежде ее интересы с интересами инквизиции часто не совпадали, вступала с нею во все более тесный союз. Наконец они дружно стали выступать не только против затронувших материальные интересы духовенства постановлений и закона об отмене инквизиции, но и против всей конституции, которая, как они говорили, была создана людьми, лишенными религиозных чувств, и потому якобы пронизана антикатолическим духом.

Еще в 1812 году епископы Лериды, Барселоны, Памплоны, Теруэля, Тортосы и Урхеля, собравшись на острове Майорка, изготовили манифест, который в резкой форме нападал на кортесы, утверждая, что они задались целью преследовать представителей католического духовенства и организовать в Испании церковь согласно идеалу янсенистов. Манифест шести епископов получил широкое распространение, и народ верил, что кортесы готовят что-то весьма противное религии. Дебаты об отмене инквизиции, принимавшие по временам крайне враждебный инквизиционным трибуналам характер, как бы подтверждали правильность мнения тех, кто называл большинство кортесов злейшими врагами католицизма.

По мере того как приближалась назначенная дата начала публичного чтения эдикта и манифеста, появлялось все больше признаков, что духовенство собирается дать решающее сражение. Инициативу проявил капитул Кадиса, запретивший чтение в подотчетных ему церквях. Местное духовенство заявило, что инквизицию создал папа, и пока он ее не отменит, она должна считаться существующей, несмотря ни на какие постановления светской власти. К Кадису примкнула Севилья, остальные капитулы ограничились моральной поддержкой и заняли выжидательную позицию.

Накануне 7 марта состоялось специальное собрание духовенства, на котором было решено предложить правительству отложить приведение эдикта в исполнение. Вслед за этим папский нунций архиепископ Педро Гравина отправил регентству послание, в котором заявил, что отмена инквизиции

светской властью противоречит примату святого престола, а потому регентство должно побудить кортесы отсрочить публикацию эдикта до тех пор, пока отмену инквизиции не одобрит папа. Одновременно Гравина написал епископу Хаэна и капитулам Гранады и Малаги конфиденциальные письма, предложив им примкнуть к кадисскому капитулу и вообще всячески бороться против нечестивых законов, издаваемых кортесами. По-видимому, все это происходило не без предварительного согласия регентства, мало сочувствовавшего деятельности кортесов и находившегося на стороне защитников инквизиции.

Собственно, кортесы давно подозревали регентство в тайных интригах против конституции, и уж точно между исполнительной и законодательной властью не существовало единства. Кортесы недоверчиво воспринимали каждый шаг исполнительной власти, и регентство давало к тому немало оснований — например, оно изо всех сил мешало проведению в жизнь законов в отношении монастырей. Тем не менее кортесы были застигнуты врасплох, когда 6 марта стало известно, что регентство внезапно сменило губернатора Кадиса, который выступал на стороне кортесов, на своего ставленника. Чтение эдикта и манифеста на следующий день не состоялось, а еще через день министр юстиции переправил кортесам полученное регентством заявление капитула Кадиса о невозможности для духовенства подчиниться требованиям эдикта, что, в сущности, означало согласие регентства с этим документом. Оправившиеся от столбняка кортесы истолковали это как начало государственного переворота и потребовали заменить состав регентства, что и случилось, — обнаружив, что народ их не поддерживает, прежние его члены во избежание худшего сами подали в отставку.

В состав нового регентства вошли толедский архиепископ Луис де Бурбон, Педро Агар и Габриэль Сискар. Они потребовали, чтобы эдикт и манифест были на следующий день прочитаны во всех церквях Кадиса и других провинций, свободных от французов, и большинство духовенства, натолкнувшись на их твердую волю, в точности все исполнило. Но регентство не удовлетворилось этим запоздалым повиновением и тщательно расследовало поведение капитула в последние

недели. Викарий и три члена капитула были обвинены в участии в изменническом заговоре и отправлены в тюрьму, а их имущество конфисковали. Папскому нунцию Гравине после обмена резкими письмами возвратили верительные грамоты и предложили покинуть Испанию; его имущество также было конфисковано. Гравина выбрал местом жительства Тавиру, небольшой городок на испано-португальской границе, где создал своего рода штаб по борьбе с кортесами.

Были, однако, и такие священники, которые отказывались читать в своих церквах направленные против инквизиции документы. Но энергия правительства, арестовавшего наиболее строптивых из них — в том числе, между прочим, епископа Овьедо, — заставила в конце концов покориться всех. Но победа эта далась реформаторам высокой ценой: с этого времени кортесы и регентство стали олицетворением насилия по отношению к представителям духовенства, которые, в свою очередь, сделались в глазах простых людей мучениками за веру.

В такой обстановке в сентябре 1813 года состоялись выборы новых кортесов. Они прошли под влиянием духовенства и оказались для сторонников конституции гораздо менее благоприятны, нежели выборы 1810 года. Правда, и в новых кортесах они были в большинстве, но только потому, что одни депутаты побоялись прибыть в Кадис из-за разразившейся эпидемии чумы, а другие вообще не желали ехать на крайний юг страны, требуя перенесения кортесов в освобожденный от французов Мадрид.

Реформаторы не хотели покидать Кадис, центр просвещения и либерализма, не без основания опасаясь переноса кортесов в оплот консерватизма Кастилию. Однако под давлением общественного мнения они вынуждены были 15 января 1814 года согласиться с переездом в столицу, тем более что еще 5 января туда перебралось регентство. Испания быстро очищалась от французов, и все ждали прибытия в Мадрид короля, долгое время находившегося в плену.

После Лейпцигской битвы Наполеон хотел поскорее закончить неприятные испанские дела и 11 декабря 1813 года заключил с Фердинандом VII, томившимся в Валансе, договор о мире. По этому договору иностранные войска должны были очистить испанскую территорию, а сторонники короля

Иосифа и Франции, бежавшие от преследований испанского правительства, могли беспрепятственно вернуться на родину, и им следовало возвратить конфискованное у них имущество, а также должности, которые они раньше занимали. Кроме того, Фердинанд обязался платить ежегодную пенсию прежней королевской чете (его отец Карл IV отрёкся от престола в 1808 году). Когда этот договор стал известен в Испании, кортесы нашли, что он идет вразрез с законом, принятым 1 января 1811 года, в силу которого «не свободный» король не может заключать никаких договоров с иностранными государями. Они также известили Фердинанда, что повиновение королю обязательно для испанцев лишь с того момента, когда он принесет присягу конституции. Предполагалось, что постановление об этом председатель регентства вручит Фердинанду на границе вместе с текстом конституции и тотчас по прибытии в столицу король отправится в кортесы и даст присягу.

Кортесы, похоже, сильно беспокоили намерения короля в отношении конституции — и не зря. Фердинанд, не имевший до этого времени возможности полностью проявить свои взгляды, мечтал об абсолютизме. Когда председатель регентства во главе делегации от правительства и кортесов представился, король повернулся к нему спиной и так протянул руку для поцелуя. Вместо того чтобы ехать прямо в Мадрид, он отправился в Валенсию, где командующий расквартированными там частями генерал Элио, представляя их Фердинанду, обратился к солдатам с вопросом: «Клянетесь ли вы защищать полноту власти короля?» Солдаты ответили утвердительно, и, таким образом, король, не принеся присягу верности конституции, получил поддержку военных, пусть даже пока только в одной провинции. Вслед за этим депутат-консерватор Бернардо Мосо Росалес представил королю адрес, под которым стояли подписи 69 депутатов. В нем описывались несчастья, переживаемые Испанией с 1808 года, и ответственными за них объявлялись реформаторы, самым гнусным образом изменяющие пламенным желанием нации. Главной задачей реформаторов, говорилось далее, было унижение королевской власти и уничтожение всякого порядка, и поэтому все инициированные ими постановления кортесов следует немедленно объявить недействительными. Испанию же от всех бедствий

может спасти одна лишь абсолютная монархия, которую необходимо провозгласить немедленно. В основании прочного государства должна лежать религия, а охранять религию — инквизиция, без которой сейчас никак не обойтись.

Бедственное положение страны, вызванное тяжелой и продолжительной войной, немало способствовало росту приверженцев Фердинанда, в нем видели спасителя, присланного Провидением, чтобы положить конец народным страданиям. Сторонники абсолютной королевской власти ловко использовали в своих интересах это настроение народа, и заговор против кортесов стал принимать все более и более явные очертания. В Мадрид были отправлены войска, во главе которых находились заговорщики, готовые по первому сигналу выступить против приверженцев конституции 1812 года. В ночь на 10 мая 1814 года солдаты заняли здание кортесов, и тогда же были арестованы два члена регентства — Педро Агар и Габриэль Сискар, два министра и 34 депутата. Аресты не ограничились одним лишь Мадридом, и в течение двух следующих дней на свободе не осталось ни одного видного деятеля из числа реформаторов.

Утром 11 мая Фердинанд VII вступил в Мадрид. Тут же стали расклеивать манифест, подписанный им еще 4 мая в Валенсии. В нем говорилось, что кортесы злоупотребляли именем нации и принимали основные законы против воли многих депутатов, а иногда даже против воли большинства. Конституции, выработанной при подобных обстоятельствах, король присягать не имеет права. Поэтому он объявляет конституцию и все эдикты кортесов потерявшими силу; никто никогда и ни при каких условиях не должен им повиноваться и исполнять их, а если кто-либо нарушит это требование и заявит об их признании, то он будет объявлен виновным в оскорблении величества и подвергнут смертной казни. При этом король обещает как можно скорее созвать кортесы на добрых старых началах и при их содействии примет все те меры, которые необходимы для благополучия, прочности и счастья испанского государства.

Арестованные в день государственного переворота политические деятели — всего 52 человека — провели в тюрьме более полутора лет. Когда они предстали перед судом, трибунал

не нашел в их деяниях ничего преступного, если не считать голосования и выступлений в пользу конституции 1812 года. Но такое обвинение могло быть предъявлено почти всем депутатам кортесов, даже многим из тех, кто принимал активное участие в разгоне кортесов. Поэтому суд оправдал всех заключенных, но король собственной властью распорядился 17 декабря 1815 года отправить их на каторгу, в отдаленные тюрьмы и монастыри. Еще тяжелее была судьба депутатов духовного звания, так как в их поведении помимо политического преступления усматривалось еще и преступление против церкви. Епископа Муньоса Тореро долго пытали и продержали в тюрьме до самой смерти в 1829 году. Иоакин Лоренсо Вильянуэва провел в монастырском заключении шесть лет. Руис Падрон был приговорен астурийским епископом к вечному заключению в монастыре, и среди предъявленных ему обвинений фигурировало произнесение речи против инквизиции в кортесах. Во избежание апелляции на этот приговор епископ передал дело в вальядолидский инквизиционный трибунал, и лишь через четыре года Падрону, к тому времени дряхлому старцу, удалось выйти на свободу.

Еще до вступления Фердинанда в Мадрид инквизиция стала организовывать народные манифестации, на которых раздавались требования восстановить инквизиционные трибуналы. В Севилье инквизиция возобновила свою деятельность, никого не спрашивая, 7 мая 1814 года. Во многих церквах, богато украшенных по этому поводу, прошли торжественные богослужения, и бывший служитель трибунала Хуан Гарсиа де Негра, сохранивший старое знамя инквизиции, водрузил его на башне замка района Триана. Пример севильского трибунала оказался заразительным, и многие другие трибуналы стали готовиться к возобновлению своей деятельности, но тут выяснилось, что далеко не везде это возможно, так как не существует ни Супремы, ни великого инквизитора, которые могли бы назначить недостающих служителей. Валенсийский капитул, а за ним отдельные епископы, бывшие инквизиторы, монахи, городские и сельские советы обратились к Фердинанду с просьбой официально восстановить инквизицию, без которой религии угрожает большая опасность. И Фердинанд,

хотя формально без Римской курии не имел на это права, издал 21 июля 1814 года соответствующий эдикт.

В эдикте, в частности, говорилось:

«Из всех христианских королей одни лишь испанские монархи носят славный титул католических, потому что они никогда не допускали в своем государстве иной религии помимо католической, апостолической, римской; этот великий титул служит для меня особым стимулом, побуждающим меня употребить все средства, данные мне Господом Богом, чтобы заслуженно носить звание католического короля. Недавние беспорядки, шестилетняя война, истощившая все мои провинции, столь же продолжительное пребывание в них иностранных солдат, принадлежавших к различным сектам и почти поголовно относившихся враждебно к католической религии, беспорядок, являющийся неизбежным результатом подобных несчастий, безучастное отношение к религии в течение всего этого времени — все это в сильной степени способствовало разнузданности страстей, дало возможность скверным людям жить так, как им хотелось, и вызвало появление в Испании испорченных и отвратительных взглядов, которые распространены в других государствах.

Желая избавить мою страну от этих ужасных зол и сохранить для нее в чистоте святую религию Иисуса Христа, которую так любит мой народ и которая давала ему столь счастливую жизнь; желая также исполнить долг, который основные законы государства возлагают на монарха и которому я поклялся служить верно; понимая, что сохранение религии есть лучшее средство спасти народ от междоусобных неурядиц и обеспечить ему мир и спокойствие, я решил, что при настоящих обстоятельствах крайне важно восстановить святой трибунал и дать ему возможность действовать в том объеме, в каком он действовал ранее. Мною было получено много адресов от ученых и добродетельных прелатов, от корпораций и частных лиц, занимающих высокое положение; все они без исключения заявляют, что Испания обязана инквизиционному трибуналу тем, что в XVI веке не была заражена злом, которое причинило столько несчастий другим европейским государствам... Все согласны также с тем, что главнейшим средством, к которому прибегают притеснитель Европы, чтобы сеять семена продаж-

ности, испорченности и беспорядка, было разрушение этого трибунала под лживым предлогом, будто прогресс и культура не совместимы с его дальнейшей деятельностью. Так называемые общие и чрезвычайные кортесы руководствовались теми же мотивами, что и чужеземный притеснитель, когда они отменили этот трибунал к крайнему огорчению народа...

Уступая воле и желанию народа, который из любви к вере своих отцов сам восстановил некоторые трибуналы, я решил восстановить Супрему и желаю, чтобы она организовалась в том виде, в каком она существовала в 1808 году. Необходимо, чтобы Супрема, как только соберется, избрала из своей среды двух членов, которые вместе с двумя членами государственного совета составят хунту для рассмотрения вопроса о том, каковы в настоящее время методы и принципы деятельности инквизиции; если хунта найдет, что в этом отношении нужны какие-либо реформы, то пусть доложит об этом королю».

Хунта эта действительно состоялась, но она, по-видимому, не нашла необходимым что-либо изменить: по крайней мере она функционировала еще в 1816 году, не представив никаких докладов королю. Еще до избрания этой хунты, согласно королевскому эдикту, инквизиция организовалась в своей старой форме. В августе 1814 года великим инквизитором был назначен епископ Альмерии Франсиско Миэре-и-Кампильо, и тогда же были заняты вакантные места в Супреме.

8 августа Супрема разослала инквизиционным трибуналам извещение о том, что она вступила в исполнение своих обязанностей в прежнем объеме. От трибуналов требовалось немедленно начать свою деятельность и для этого как можно скорее сформировать свои штаты. Списки с именами служителей необходимо было представить Супреме, причем о каждом служителе следовало дать подробные сведения с указанием того, что делал он во время французской оккупации и правления кортесов; особенный интерес для Супремы представляло то, выступали ли служители с либеральными речами и не нападали ли на прежнюю деятельность инквизиции. Скомпрометированные лица должны были быть из списков удалены за безверие и бесчестие.

7 апреля 1815 года Супрема издала новый циркуляр, в силу которого в категорию подлежащих увольнению попали и те

инквизиционные служители, которые поздравляли кортесы с принятием конституции. Так, было рассмотрено дело служителя мадридского трибунала Паломино-и-Лосано, который в 1812 году подписал приветствие кортесам. Паломино-и-Лосано стал доказывать, что он сделал это по принуждению и из боязни за свою жизнь. Видимо, Супрема удовлетворилась этим ответом, так как он остался на службе. В Лиме под колпак Супремы попал служивший при инквизиционном трибунале монах Рекалде. Он объяснял, что подписал представленный университетом Лимы благодарственный адрес кортесам, не читая и не зная, что в нем сказано, как он это часто делал, когда ему приходилось подписывать большое число бумаг. Обо всем этом лимский трибунал доложил Супреме; дальнейшее нам неизвестно, так как сведений о том, что ответила Супрема и вообще был ли Рекалде удален со своего места или остался на службе, в архивах не сохранилось.

Само собой разумеется, что для действенного функционирования трибуналов недостаточно было формального восстановления инквизиции. Нужно было позаботиться и о материальной стороне. Эдиктом об отмене инквизиции в собственность государства было передано все ее имущество, как движимое, так и недвижимое, и теперь трибуналы вынуждены были снимать дома, в которых можно было бы заседать и производить суд, строить новые тюрьмы и т. д. Средств для этого у них не было, и неудивительно, что тотчас после опубликования эдикта от 21 июля к Фердинанду посыпались просьбы вернуть трибуналам отнятое у них имущество. 18 августа 1814 года последовал еще один эдикт, которым вся недвижимость, перешедшая от инквизиции к государству, возвращалась обратно. Этим, однако, инквизиция не удовлетворилась, и 3 сентября Фердинанд VII издал новый эдикт, коим трибуналам возвращалась конфискованная у них собственность иного рода, в том числе ценные бумаги и предметы. Но, по-видимому, этот эдикт короля не получил настоящего осуществления, так как Супрема неоднократно жаловалась на невозвращение отнятых у инквизиции денег и в конце концов попросила короля о выдаче ежемесячного пособия в размере 8000 реалов. Фердинанд отклонил эту просьбу, сославшись на критическое положение государственных финансов; в то же

время он обещал оказывать инквизиции необходимую финансовую помощь в делах первостепенной важности.

Супрема между тем продолжала бить в одну точку и добилась того, что в январе 1815 года трибуналам были переданы сборы с конфискованных в пользу государства земель. Правда, вскоре она стала жаловаться, что это распоряжение не исполняется и инквизиции по-прежнему не хватает средств для удовлетворения самых насущных потребностей. 3 июля 1815 года Супрема заявила, что не в состоянии платить находящейся при ней прислуге и оплачивать официальную корреспонденцию; на это, впрочем, министерство финансов ответило, что, согласно особому эдикту от 1799 года, Супрема уже пользуется льготами при отправке почты, и переписка, например, великого инквизитора давно уже не облагается никаким сбором.

Восстановленная инквизиция не отличалась на первых порах большой строгостью, и дело тут не только в том, что она была слишком обескровлена. Причина, быть может, состояла и в том, что светская власть в лице короля и его министров в каком-то смысле сама действовала как инквизиция — она с удивительной энергией искореняла политическую ересь, и инквизиции оставалось лишь с удовлетворением наблюдать происходящее и собираться с силами. Первые дела против виновных в еретических высказываниях были возбуждены трибуналами в октябре 1814 года: в Севилье привлекли подполковника Кастилью, в Сарагосе — священника Пингадо, в Валенсии — монаха Вальтеа, в Мурсии — генерала де Сайаса, в Мадриде к ответу был призван даже представитель высшей знати герцог Сотомайор. Но все они, можно сказать, отделались легким испугом. Высмеянная, оплеванная во время господства Наполеона и кортесов инквизиция начинала свою вторую жизнь неуверенно, часто никак не соответствуя своей страшной славе. Так, Супрема, получив известие, что в Лиме англичанин Джон Робинсон проповедует еретические идеи, советует лимскому трибуналу провести с ним профилактическую беседу и обратиться с просьбой к перуанскому вице-королю, чтобы он усовестил болтливого англичанина. Разумеется, в прежние времена Супрема давала бы совершенно иные указания, и Робинсон в лучшем для себя случае отделался бы конфискацией имущества и изгнанием.

Чтобы придать инквизиции больший вес, Фердинанд в начале 1815 года лично явился на заседание Супремы и выразил удовлетворение в отношении ее деятельности. Супрема, в свою очередь, известила об этом трибуналы, заявив, что королевская милость должна послужить сигналом к их более решительным действиям. И действительно, в 1815 году активность инквизиции заметно усилилась, причем дела были достаточно разнообразны. На Канарских островах подверглись преследованию три канарских поэта, воспевших в стихах эдикт кортесов об отмене инквизиции. В Мадриде перед трибуналом предстал генерал Кастрильо за приказ войскам повиноваться кортесам. Толедский трибунал разбирал дела офицера Мануэла Лопеса и писателя Мануэла Садаманги, обвиненных в богохульстве; им же Маргарита Борха и Андреа Торес были привлечены к ответственности за колдовство, профессор Альфонсо — за чтение запрещенных книг, священник Бустаменте — за соблазнение женщин во время исповеди и т. д. Немало дел было связано с принадлежностью обвиняемых к масонским ломам; впрочем, за это нередко преследовались лица, никогда не бывшие масонами, но которые явно или тайно отказывались признавать власть реставрированного короля. По сути, все собрания, носившие революционный либо даже умеренно-конституционный характер, связывались с масонами и жестоко преследовались правительством Фердинанда, от которого инквизиция по мере сил старалась не отставать.

Мы уже говорили, что в 1814 году папа Пий VII резко выступил против масонов, требуя для них самых тяжелых наказаний. Во исполнение этого требования инквизиция издала 2 января 1815 года эдикт, предоставивший масонам определенный срок, в течение которого они могли безнаказанно покаяться в грехах. Строгость правительства по отношению к масонам освобождала инквизиционные трибуналы от чрезмерных усилий по их выявлению: часто инквизиторы вступали в дело уже после того, как светская власть обнаружила преступника и даже по-своему наказала его. Тем не менее именно им удалось в начале 1817 года арестовать в Мурсии Галена, одного из руководителей испанских масонов. Находясь в инквизиционной тюрьме, он заявил, что скажет правду

одному лишь королю, и был отправлен в Мадрид. Фердинанд лично допросил его, и это некоторым образом повлияло на короля, который уменьшил надзор светской власти над масонами и тем самым предоставил в их отношении бóльшую свободу инквизиции.

Казалось бы, инквизиция находится на пути к возрождению своего бывшего могущества, но беда пришла откуда не ждали. В 1819 году правительство собралось отправить в Америку экспедиционный корпус для подавления волнений в колониях. Местом отправления назначили провинцию Кадис, куда стали со всей Испании стекаться солдаты и офицеры. Праздные вояки, голодные и не экипированные должным образом, без дела слонялись по городу и все как один были охвачены чувством ненависти к правительству, которое никак о них не позаботилось. Предстоящий поход за океан в этом войске не пользовался популярностью; мало того, среди солдат ходили слухи о свирепых колонистах, с которыми им вскоре предстояло столкнуться, и заокеанской природе, которая во множестве порождает опасные болезни. Сюда же, точно искры в порох, попадали известия из полков, расставленных в глубине страны, о том, как желтая лихорадка сотнями валит солдат, а народ, боясь заразы, гонит их от своих дверей, и купцы отказываются продавать им хлеб.

Офицеры, почти все сторонники конституции 1812 года, умело разжигали их недовольство, надеясь использовать его в своих целях. Душой офицерского заговора стал полковник Рафаэль Риего-и-Нуньес, прославившийся во время войны за независимость. 1 января 1820 года он торжественно объявил о своей верности конституции и двинулся со своим батальоном в Аркос, где помещался штаб экспедиционного корпуса во главе с его командиром графом Кальдероном. 2 января Кальдерон и его ближайшие советники были арестованы, а Риего, к которому присоединилось уже четыре батальона, двинулся дальше через города Андалусии, надеясь поднять восстание против короля, но местное население не поддержало его.

Казалось, дело восставших было потеряно. Но то, что не удалось в Андалусии, нашло живой отклик в Галисии, где 21 февраля в Ла-Корунье полковники Асеведа и Эспиносо также провозгласили приверженность конституции и арестовали

губернатора провинции генерала Венегаса. К Ла-Корунье немедленно примкнули прочие галисийские города, затем революция перешла в Астурию, и в Сарагосе образовалась хунта Арагонского королевства, председателем которой был генерал-капитан Ласан. Вскоре к движению примкнули Оканья, Барселона, остров Майорка, Герона, Тарагона и некоторые другие города. В Барселоне и на Майорке прошли враждебные инквизиции манифестации: толпы врывались в здания трибуналов, уничтожали документы инквизиции, ломали орудия пыток и выпускали из тюрем узников.

Когда королевский двор понял масштаб мятежа, он пришел в ужас. 2 марта Фердинанд создал под председательством своего брата Дона Карлоса особую хунту с чрезвычайными полномочиями, которая должна была восстановить порядок в стране. Но спустя несколько дней ему стало ясно, что удержаться на троне он сможет, лишь пойдя на значительные уступки, и 6 марта был опубликован эдикт, коим немедленно созывались кортесы на старых началах. Однако эта мера оказалась запоздавшей, поскольку началось брожение в мадридском гарнизоне и появились сведения, что некоторые высшие военные готовы присоединиться к мятежникам. Тогда король сделал последний из возможных ходов: 7 марта он известил министров, что, в согласии с волей народа, решил принести присягу в верности конституции. Это немного остудило страсти, но, так как король не спешил исполнить обещанное, 9 марта народ устроил демонстрации на дворцовой площади, которая закончилась предъявлением королю петиции. Кроме произнесения королем присяги, народ требовал организовать мадридский муниципалитет в том виде, в каком он существовал после принятия конституции 1812 года; назначить до созыва кортесов временную хунту; отменить инквизицию. Но еще до ответа короля толпа бросилась к зданию мадридского инквизиционного трибунала, сожгла все его документы и архивы и выпустила на свободу находившихся в тюрьме трех человек, обвинявшихся в политических преступлениях. Вечером этого же дня появились эдикты Фердинанда об удовлетворении желаний народа. Отмена инквизиции была сформулирована следующим образом:

«Принимая во внимание, что трибунал инквизиции несовместим с конституцией испанской монархии, выработанной

в 1812 году в Кадисе, вследствие чего он и был отменен после продолжительного и всестороннего обсуждения общими и чрезвычайными кортесами, согласно эдикту 22 февраля 1813 года; принимая также во внимание постановление хунты, которую призвал к жизни сегодня изданный мною эдикт, и в согласии с мнением этой хунты я приказал, чтобы от сегодняшнего дня названный выше трибунал считался упраздненным на всем протяжении монархии, а вместе с ним должна исчезнуть также и Супрема; я распорядился также, чтобы немедленно были выпущены на свободу все лица, томящиеся в инквизиционных тюрьмах по обвинению в политических и религиозных преступлениях, и чтобы все дела относительно религии поступили в ведение епископов, были распределены по соответствующим епархиям, рассмотрены и решены епископами в согласии с эдиктом чрезвычайных кортесов».

Через несколько дней после издания этого эдикта последовало королевское распоряжение об описи и конфискации имущества инквизиции. При этом приказано было продолжать выдачу жалованья инквизиторам, а конфискованное имущество употребить на цели, указанные кортесами, которые еще предстояло избрать. Явившись на свет, эдиктом от 9 августа кортесы постановили, что инквизиционное имущество вместе с другими выморочными землями подлежит продаже с молотка в пользу государства.

Во главе временной хунты был поставлен кардинал Луис де Бурбон, председатель последнего регентства. Хунта переменяла весь состав высшего управления — из тюрем и ссылок возвратили многих деятелей 1812 года, и этим, по выражению Фердинанда, каторжникам были даны министерские портфели. Агустин Аргуэльес, лучший оратор кадисских кортесов, был назначен министром внутренних дел; его брат Канга Аргуэльес стал во главе министерства финансов; Гарсиа Эррерос, арестованный в ночь на 11 мая 1814 года, был назначен министром юстиции. Пострадавшие в ту же ночь два члена регентства, Педро Агар и Габриэль Сискар, заняли места в государственном совете, а Риего получил звание фельдмаршала. Особых репрессивных мер против нарушителей конституции 1812 года не последовало; лишь депутаты, обратившиеся в 1814 году в Валенсии к Фердинанду с пресловутым адресом,

были сосланы в монастыри до того времени, пока кортесы решат их дальнейшую судьбу.

Временная хунта потребовала, чтобы духовенство принесло присягу в верности конституции и чтобы в церквях в праздничные и воскресные дни священники призывали народ повиноваться конституции, разъясняли ему выгоды, которые она дает всем классам государства, и опровергали клеветнические нападки на нее. Епископы, однако, заявили, что готовы подчиняться конституции, «пока последняя является законом государства», но отказываются «превращать храм Божий в политическую школу». Подобного рода «чудовищное и неслыханное» требование, по мнению духовенства, находилось в противоречии с желанием самого правительства, которое запретило епископам заниматься политическими прениями в священных местах.

Открывшиеся 9 июля 1820 года кортесы решили заставить духовенство покориться распоряжению временной хунты и стали преследовать непокорных епископов. Одним из первых пострадал епископ города Оруэла, который назвал вмешательство светской власти в дела церкви «дерзким»; 4 августа его выслали из пределов Испании. Одновременно с преследованием отдельных представителей духовенства кортесы стали издавать законы, затрагивавшие его интересы в целом. Особенное возмущение священнослужителей вызвал закон о национальной милиции, обязывавший служить студентов богословских факультетов и монастырских послушников. Папский нунций посчитал этот закон «нарушением старинных привилегий церкви» и жаловался, что отныне теологи и монахи «будут отрываться от своих святых обязанностей ради пролития братской крови». Однако протест его не произвел на кортесы никакого впечатления. Точно так же ни к чему не привело недовольство духовенства, вызванное отменой его личной неприкосновенности и подчинением обычным судам за преступления, караемые смертной казнью, каторжными и галерными работами, вечным изгнанием и ударами плетью. Отныне до объявления такого приговора епископ предварительно извещался судом, который требовал снятия с обвиняемого духовного сана, причем епископ не имел права вмешиваться в отправление правосудия; если в течение двад-

цати дней виновный сана не лишался, светской власти предоставлялось право не считаться более с «прошлым званием» осужденного и смотреть на него как на обыкновенного преступника. Далее кортесы постановили, что ни одно духовное лицо не имеет права владеть больше чем одним церковным бенефицием; следовательно, пользующиеся несколькими бенефициями должны были отдать их государству. Кортесы также лишили церковь права приобретать новые земли, упразднили 225 монастырей и запретили учреждать новые.

Фердинанд отказался санкционировать некоторые из этих законов, и тогда 25 октября 1820 года, при молчаливом одобрении правительства, была устроена враждебная королю многочисленная демонстрация. Испугавшийся король тут же дал требовавшуюся от него санкцию, а кортесы на волне успеха приняли ряд новых законов, направленных против привилегий духовенства. К демонстрации народа как к средству влияния на короля прибегло и само духовенство, но правительству удалось ее разогнать. После этого оно потребовало от епископов строго наказать священников, которые руководили демонстрацией.

Папа не мог, разумеется, оставаться безучастным к преследованиям духовенства и неоднократно протестовал против них, но правительство не обращало на это внимания. Когда же кортесы в 1821 году отменили сборы в пользу курии, а в 1822 году назначили испанским послом в Риме Иоакина Лоренсо Вильянуэву, выступавшего в учредительных кортесах против инквизиции и незадолго перед этим вышедшего из монастырского заточения, от имени папы было заявлено, что новый посол курией принят не будет. Это стало поводом к высылке папского нунция из Испании и окончательному разрыву между Мадридом и Римом.

При таких обстоятельствах неудивительно, что духовенство задалось целью во что бы то ни стало свергнуть правление кортесов. Оно встречало в этом поддержку землевладельческой аристократии, недовольной отменой различных своих преимуществ, и темной крестьянской массы, верившей, будто кортесы намерены уничтожить католическую религию в стране и распространить вместо нее масонскую ересь. Разумеется, что на стороне гонимого духовенства был Фердинанд, чей дворец превратился в центр заговора.

Первая попытка насильственного свержения конституционного правительства исходила от так называемой «апостольской хунты», членами которой помимо представителей духовенства были преимущественно крестьяне. Правительство подавило это выступление с большой жестокостью; такая же участь постигла и еще одну группу заговорщиков, куда входили монахи и военные. Но гидра заговора все расширялась и расширялась, и вскоре страна покрылась сетью тайных обществ «армии спасения веры». 21 июня 1822 года эта армия проявила себя открыто, захватив город Сео-де-Урхель и провозгласив в нем королевское регентство, которое заявило, что будет управлять страной согласно истинной воле захваченного кортесами Фердинанда VII. При посредничестве папы Пия VII оно вступило в переговоры с Австро-Венгрией и Россией, обратив к ним просьбу о помощи. Страна, в которой одновременно управляли два правительства, вновь оказалась разорвана на части и понемногу погружалась в анархию; причем король официально был заодно с кортесами, а фактически инспирировал действия тех, кто заседал в Сео-де-Урхеле.

Открывшийся в Вероне конгресс государств Священного союза совпал с моментом высшего разгула анархии в Испании. Заседавшее в Сео-де-Урхеле регентство отправило на конгресс своего представителя, которому поручило просить у государей Священного союза помощи в возвращении Испании к порядку, существовавшему в ней до 1820 года. Конституционное правительство, числившее в своих союзниках Англию, надеялось, что державы Священного союза ничего не предпримут против ее воли, но надежда эта не оправдалась. Священный союз предложил кортесам добровольно отменить все законы, изданные с марта 1820 года, а когда они гордо отвергли «дерзкое вмешательство чужестранцев», дал Франции полномочия восстановить в Испании старый порядок.

Вступивший в пределы Испании со сотысячной армией герцог Ангулемский, как и можно было ожидать, без особого труда брал одну крепость за другой, и кортесы побежали на юг, потащив за собой Фердинанда. Из Мадрида они перекочевали в Севилью, затем в Кадис. Вступив в Мадрид, герцог Ангулемский создал регентство, во главе которого был поставлен герцог Инфантадо. Оно не имело ничего общего с регентством

в Сео-де-Урхеле, которое, на взгляд герцога Ангулемского, ослеплено было ненавистью к сторонникам конституции. Но и новое регентство не склонялось к компромиссам: оно возвратило монастырям и церквям конфискованное у них имущество, никак не компенсировав потерю предыдущим владельцам, купившим его за свои деньги; уволило всех чиновников, назначенных после 7 марта 1820 года; подвергло секвестрации имущество членов кортесов; создало целую армию так называемых «королевских волонтеров», в обязанности которых входило разыскивать и арестовывать всех, кого подозревали в сочувствии деятелям 1820—1822 годов. Как закон был оформлен смертный приговор членам кортесов, голосовавшим за переезд Фердинанда VII из Севильи в Кадис, а также министрам и военным, сопровождавшим короля в этом путешествии. Смертная казнь в их отношении должна была быть применена «без всяких формальностей и суда, на основании лишь установления личности». Дело в том, что Фердинанд, желая предаться в руки герцога Ангулемского, противился отъезду из Севильи, когда к ней подошла французская армия, но вынужден был покориться силе.

В стране при полном попустительстве регентства начался страшный террор, и когда герцог Ангулемский воспретил производить аресты без разрешения военных властей, отовсюду посыпались протесты, а духовенство охарактеризовало его умеренность как Божие оскорбление и потребовало возрождения инквизиции. И герцог Ангулемский, в чью задачу формально входило лишь освобождение из рук конституционалистов пленного короля, отменил свое распоряжение и более не вмешивался в испанские внутренние дела.

Между тем положение конституционного правительства и кортесов становилось с каждым днем все хуже и хуже; сдача Кадиса была неминуема, и кортесы решили, что лучше будет, если Фердинанд «свободным» явится во французский лагерь. Таким образом, королю развязали руки. Предварительно, правда, от него потребовали подписать манифест, которым он простил всем все прошлые обиды. Но на следующий день, очутившись за стенами Кадиса, Фердинанд забыл только что данное слово и издал эдикт, коим открылась эра самой мрачной реакции в Испании. Одновременно с отменой всех рас-

поряжений и законов, изданных со дня революции 7 марта 1820 года, король подтвердил все постановления регентства во главе с герцогом Инфантадо. Вернувшись в Мадрид, он стал с неслыханной жестокостью преследовать тех, кого подозревал в сочувствии деятельности кортесов, и лишь благодаря вмешательству французских генералов смертные казни не стали массовыми. Тем не менее многие погибли. Среди прочих пал жертвой гнева озлобленного монарха Рафаэль Риго, обвиненный в государственной измене и повешенный на площади Ла-Себада в Мадриде.

Был создан специальный совет, состоявший почти исключительно из духовных лиц, в обязанность которому вменили просеять через свое сито всех жителей Испании, расскисировать их по ведомостям, выявить неблагонадежных и сообщить о них полиции. Со всех сторон в его адрес сразу пошли доносы, причем часто лживые. Можно сказать, что сам Фердинанд возглавил доносчиков — он передал совету список, который вел в тяжелые для себя дни, занося туда имена всех, кого намеревался в будущем наказать; теперь он с удовольствием осуществил свою мечту. Когда Испания была распределена по категориям и каждый испанец получил политико-религиозную наклейку, были созданы военные комиссии для суда над виновными. Судопроизводство этих комиссий напоминало инквизицию, а приговоры их были гораздо более суровы. С 24 августа по 12 октября 1824 года были повешены и расстреляны 112 человек. Даже неосторожно сказанное слово влекло за собою смерть. Мариано и Хосе Молина были приговорены к казни за хранение прокламаций. Симона Альфасо повесили за крик: «Да здравствует конституция!» Уже упоминалось о казни в Гранаде семерых масонов; тогда же в Кастилии был повешен Антонио Эреса, которого сочли масоном. Преследовали всякого, у кого находили книгу, изданную в 1820—1823 годах, за хранение портрета Риго ссылали на каторжные работы; студенты должны были присягать, что не признают народного правления и не войдут ни в одно тайное общество. Эта военная юстиция, безапелляционная и негласная, действовала почти два года. Это время получило название «эпоха Чаперона» по имени председателя мадридской военной комиссии, известного особой кровожадностью.

Впрочем, дальнейшее правление Фердинанда тоже имело крайне реакционный характер и в целом мало отличалось от «эпохи Чаперона».

Когда французы теснили конституционную испанскую армию к югу, подготавливая освобождение Фердинанда из «якобинского плена», торжествующая реакция требовала от герцога Ангулемского восстановления инквизиции. Но герцог, хотя и не отличался твердостью характера, ответил отказом. Тем, кто мечтал об инквизиции, пришлось подождать, пока «на свободе» окажется король. Когда Фердинанд одним росчерком пера отменил все распоряжения «так называемого конституционного правительства», они посчитали свое дело выигранным. Однако и Фердинанд не пожелал немедленно вводить инквизицию. Он, как выяснилось, не ждал от нее никакой особенной пользы, рассматривая ее лишь как одно из средств, предназначенных для укрепления самодержавия. По мнению Фердинанда, военные суды и другие государственные учреждения скорее вели к этой цели, чем инквизиция, пытавшаяся иногда занимать в государстве полунезависимое положение и опиравшаяся на волю не короля, а папы. Можно даже предположить, что в глубине души Фердинанд считал инквизицию не только бесполезной, но и вредной и мечтал о том, чтобы ее функции исполняла другая власть, без традиций былой самостоятельности.

Неудивительно, что достаточно скоро поведение Фердинанда вызвало недовольство инквизиционно-клерикальной партии, объединившейся вокруг его брата Дона Карлоса. В 1827 году эти крайние реакционеры попытались поднять знамя восстания, на котором красовались слова: «Да здравствует инквизиция! Долой конституцию! Смерть полиции!», и усмирить их удалось с большим трудом. Показателен случай, происшедший в Коркуэра-и-Касерте. Король потребовал от епископов, чтобы они в церквах призвали народ повиноваться властям, но местный епископ наотрез отказался это сделать, назвав Фердинанда «соучастником врагов Бога» за то, что он не восстановил инквизицию.

Отметим, что все эти годы некоторые инквизиционные трибуналы продолжали в той или иной форме поддерживать свое существование, явно надеясь на возвращение прежнего

статуса. В Валенсии, например, трибунал продолжал выносить приговоры, переименовав лишь название с инквизиционного на духовный. Причем гражданский суд официально его признавал и направлял ему все дела, кои в прежнее время подлежали юрисдикции инквизиции. На острове Майорке трибунал функционировал даже в 1830 году. Главной его задачей были всевозможные сборы в пользу инквизиции, и члены его именовались не инквизиторами, а казначеями, кассирами и нотариусами.

Это было отражением общей парадоксальной ситуации. Инквизиция возрождена не была, но при этом владела значительным имуществом. Существовала должность генерального смотрителя, чьей заботой было сохранение этого имущества, сбор следуемых инквизиции арендных и иных плат и выдача жалованья служителям трибуналов, не исключая бывших членов Супремы и последнего великого инквизитора Иеронимо Кастьяна-и-Саласа, получившего этот пост в 1818 году. В 1830 году генеральным смотрителем был бывший инквизитор Валентино Сорилья, его помощником в звании фискала состоял Алонсо де Вердехо, также бывший инквизитор. Сохраняемые и приумножаемые ими средства обеспечивали деятельность религиозных судов, отличавшихся от прежних инквизиционных трибуналов лишь тем, что председательствовали в них епископы; прочие же должности занимали бывшие инквизиторы, прибегавшие к тем же формам судопроизводства и следствия, какие были обычны во время расцвета инквизиции.

Об этих судах сохранилось мало сведений. Наиболее громким результатом их деятельности было дело скромного учителя Каэтано Риполя, главная вина которого сводилась к убеждению, что суть религии заключается в изречении «не делай другому того, что не желаешь, чтобы делали тебе». Риполь был арестован 29 сентября 1824 года по обвинению в иудействовании, два года просидел в валенсийской тюрьме и был торжественно сожжен на костре. Эта казнь вызвала взрыв негодования в Европе, увеличивавшегося по мере шумного празднования, устроенного в Испании по этому поводу сторонниками Дона Карлоса, которые требовали, чтобы инквизиция перестала прятать свое лицо под маской религиозных судов и начала действовать открыто. Однако Фердинанд не

только не пошел у них на поводу, но и выразил недовольство в связи с незаконным восстановлением инквизиции под иным названием. Мало того, папа Пий VIII тоже высказался о «чрезмерных страданиях» жертв религиозных трибуналов и 5 октября 1829 года постановил, чтобы отныне папскому нунцию могла подаваться апелляция на решения религиозных судов; таким образом, эти суды лишились своей независимости, которую всегда столь трепетно оберегала инквизиция.

Последний шанс для инквизиции возник в 1833 году, когда умер Фердинанд VII, не оставивший детей мужского пола. Сторонники Дона Карлоса рассчитывали, что трон перейдет к нему и что он, которого они уже называли Карлом V, «энергично будет защищать» католическую религию и учредит инквизицию по старому образцу. Но королевой была провозглашена двухлетняя дочь Фердинанда Изабелла, а регентшей при ней ее мать Мария-Кристина. Это разрушило планы карлистов, но они не хотели безропотно отказаться от своих иллюзий и подняли мятеж против «незаконной королевы»; надо признать, что на их стороне был закон 1713 года, коим отменялся старинный кастильский порядок престолонаследия, предоставлявший женщинам право на трон. Мятеж быстро принял грозный характер, и ради его подавления регентше Марии-Кристине пришлось опереться на либеральные элементы общества. Этим и объясняются первые шаги ее правления. Из страны были вновь изгнаны иезуиты и закрыты многие монастыри, и почти одновременно с этим, 15 июля 1834 года, был опубликован эдикт об отмене инквизиции. В нем говорилось:

«1) Трибунал инквизиции объявляется окончательно упраздненным.

2) Все поместья, дома и иное имущество, которыми монаршее благочестие наделило инквизицию или которые были ею приобретены благодаря изданным с целью ей покровительствовать законам, поступают в кассу погашения государственного долга.

3) Доходы со ста одного канониката, причисленного к инквизиции, поступают в ту же кассу...

4) Должностные лица названного трибунала и его отделений, владеющие духовными пребендами или получающие

жалованье по какому-либо разряду гражданских должностей, лишаются права получать из фондов вышеуказанного трибунала вознаграждение, соответственное тому, какое им причиталось, когда они состояли на службе у инквизиции.

5) Все остальные служащие трибунала инквизиции имеют право получать из кассы погашения государственного долга, пока им не будут доставлены другие должности, жалованье, какое им причитается, смотря по разряду, к которому их причислит специально созданная для этой цели хунта».

На этот раз отмена инквизиции была действительно окончательной. Ее попыталась заменить собой так называемая «религиозная хунта», но 1 июля 1835 года ей было приказано немедленно прекратить свою деятельность, так как в религиозно-нравственных вопросах не должно быть места другим судам помимо обыкновенных епископских судов, предусмотренных еще в XIII веке законодательством Альфонсо X.

Что дала Испании инквизиция, просуществовавшая более трехсот лет? Поистине страшен ответ на этот вопрос.

Лозунгом инквизиции было единство религии. Во имя этого принципа ею были выдворены из Испании евреи и мавры, преследовались мараны и мориски, искоренялись иудействующие и протестанты, подвергались наказаниям мистики и вольнодумцы, подавлялись свобода мысли и свобода слова, изгонялись чужестранцы, всячески культивировались католический фанатизм и монашеское благочиние. Во имя единства религии Фердинанд II Католик подрывал благосостояние своей страны, а Карл V вел захватническую политику, ложившуюся непосильным бременем на совершенно не заинтересованную в планах короля-императора монархию. Во имя единства религии Филипп II терзал Нидерланды, а Филипп III вынужден был отказаться навсегда от этой жемчужины испанской короны. Во имя единства религии Филипп II рвал выгодные для Испании международные связи, а Карл II заключал столь же тяжелые для нее соглашения. Во имя единства религии Габсбурги двести лет политически, экономически и духовно порабощали доставшуюся им от Фердинанда и Изабеллы монархию, и когда вместе с ничтожным Карлом II эта роковая для Испании династия погасла и вакантный трон заняли

Бурбоны, Испания, по словам современников, представляла собой скорее церковь, чем государство.

Превратить эту церковь в светское государство наподобие соседней Франции — такова была историческая задача Бурбонской династии.

Беспечные, ленивые, весьма поверхностные Бурбоны далеко не всегда оказывались на высоте этой задачи. Когда при Карле IV страной стали управлять капризная и безнравственная королева Мария-Луиза и невежественный, корыстолюбивый бонвиван Мануэл Годой, дни Испании, казалось, были сочтены, и Наполеон собирался захватить ее «голыми руками». К изумлению всего мира, однако, «забытый народ» обнаружил необычайную силу сопротивления и сверг иго титана — чтобы возложить на себя гораздо более тяжелое ярмо ничтожного Фердинанда. Но буря революции не бесследно пронеслась над ветхим зданием — в монашескую обитель ворвался дух свободы и мало-помалу превратил ее в свободное и веротерпимое государство, где инквизиция кажется всего лишь страшным призраком прошедших времен.

Содержание

Глава первая. Эпоха реконквисты	5
Глава вторая. Фердинанд и Изабелла.	17
Глава третья. Учреждение новой инквизиции	24
Глава четвертая. Организация новой инквизиции	43
Глава пятая. Первые шаги новой инквизиции	66
Глава шестая. Изгнание евреев	88
Глава седьмая. Мавры и мориски	100
Глава восьмая. Протестантизм	114
Глава девятая. Португальская инквизиция	129
Глава десятая. Разнообразная деятельность инквизиции.	154
Глава одиннадцатая. Римская курия и инквизиция	196
Глава двенадцатая. Государство и инквизиция	208
Глава тринадцатая. Отдельные эпизоды из жизни инквизиции	231
Глава четырнадцатая. Деятельность инквизиции в XV-XVI вв.	260

- Лозинский С.
Л72 История испанской инквизиции / Самуил Лозинский. — М. : Ломоносовъ. — 2018. — 304 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-420-6

В 1478 году Фердинанд II Арагонский и Изабелла I Кастильская создали организацию, которая вошла в историю под названием испанской инквизиции. Принципиальное отличие испанской инквизиции от действовавших по всей Европе одноименных учреждений католической церкви состояло в том, что она выше всего ставила интересы королевской власти и ради них порой конфликтовала с римскими папами. Испанские инквизиторы мало внимания уделяли преследованию ведьм, но зато не гнушались заниматься политическим сыском и жестоко карали всех, кто мешал достижению государственного и религиозного единства Испании — прежде всего мусульман, иудеев, лютеран. Тысячи и тысячи людей были насильно обращены ими в христианство, а затем наказаны за то, что оказались недостаточно ревностными христианами. В своем знаменитом труде Самуил Лозинский подробно описывает существование испанской инквизиции — от ее образования до упразднения в первой четверти XIX века. Книга, увидевшая свет в 1914 году, впервые выходит в современной русской орфографии.

УДК 94(460)03-07
ББК 63.3(4Исп)

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Самуил Лозинский

История испанской инквизиции

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой
Корректор М. Малоян

Подписано в печать 25.10.2017.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 19. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495)988-63-87

Самуил
Лозинский
История
испанской
инквизиции

В 1478 году Фердинанд II Арагонский и Изабелла I Кастильская создали организацию, которая вошла в историю под названием испанской инквизиции. Принципиальное отличие испанской инквизиции от действовавших по всей Европе одноименных учреждений католической церкви состояло в том, что она выше всего ставила интересы королевской власти и ради них порой конфликтовала с римскими папами. Испанские инквизиторы мало внимания уделяли преследованию ведьм, но зато не гнушались заниматься политическим сыском и жестоко карали всех, кто мешал достижению государственного и религиозного единства Испании — прежде всего мусульман, иудеев, лютеран. Тысячи и тысячи людей были насильно обращены ими в христианство, а затем наказаны за то, что оказались недостаточно ревностными христианами. В своем знаменитом труде Самуил Лозинский подробно описывает существование испанской инквизиции — от ее образования до упразднения в первой четверти XIX века. Книга, увидевшая свет в 1914 году, впервые выходит в современной русской орфографии.

ISBN 978-5-91678-420-6

9 785916 784206